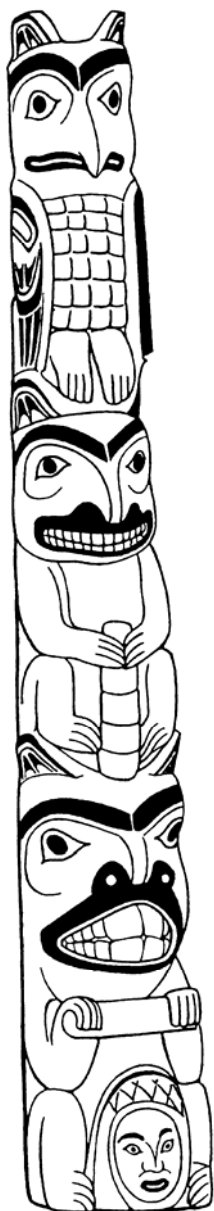

Содержание

Пролог	2
Часть первая	
Другое «я»	
Глава 1. Фиксация второго внимания	6
Глава 2. Совместное видение	26
Глава 3. Почти воспоминания другого "я"	46
Глава 4. Пересечение границ привязанности	64
Глава 5. Орда разгневанных магов	85
Часть вторая	
Сновидения	
Глава 6. Потеря человеческой формы	106
Глава 7. Совместное сновидение	123
Глава 8. Право- и левостороннее осознание	147
Часть третья	
Дар Орла	
Глава 9. Правило нагуаля	165
Глава 10. Партия воинов нагуаля	182
Глава 11. Женщина-нагуаль	205
Глава 12. Неделания Сильвио Мануэля	222
Глава 13. Тонкости сновидения	238
Глава 14. Флоринда	257
Глава 15. Пернатый змей	288

Пролог

Я антрополог, но эта книга не является научной в строгом смысле этого слова, хотя вдохновила меня на ее написание культурная антропология, поскольку именно в этой области много лет назад я начинал свои полевые исследования. Тогда меня интересовало применение лекарственных растений индейцами юго-западной и северной Мексики.

Через несколько лет мое исследование вследствие своей собственной движущей силы и моего развития переросло в нечто иное. Изучение лекарственных растений уступило место изучению системы верований, пересекающей границы, по меньшей мере, двух культур.

Такое смещение акцентов произошло благодаря индейцу из племени яки (северная Мексика) по имени дон Хуан Матус, который позднее познакомил меня с доном Хенаро Флоресом, индейцем из племени масатек (центральная Мексика). Оба они практиковали древнее знание, которое в наше время известно как магия и считается примитивной формой медицины и психологии; фактически же оно является традицией практиков, исключительно владеющих собой, и состоит из чрезвычайно сложных методов.

Эти два человека стали моими учителями, а не просто информаторами, хотя я еще долго упорствовал, без всяких на то оснований, считая своей главной задачей антропологические исследования. Я потратил годы, пытаюсь разгадать культурную матрицу этой системы верований, причины ее происхождения и распространения, совершенствуя таксономию и классификационные схемы. И все впустую, если принять во внимание, что в конечном итоге непреодолимые силы, заложенные в самой этой системе, направили мой интерес в иное русло и превратили меня из отстраненного наблюдателя в непосредственного участника событий.

Под влиянием этих людей, как бы излучавших древнюю магическую силу, моя работа начала носить автобиографический

характер, в том смысле, что после того, как я стал непосредственным участником происходящего, я был вынужден писать о происходящем непосредственно со мной. Автобиография эта весьма своеобразна, поскольку я не веду речь, подобно всякому нормальному человеку, о повседневных событиях моей жизни или о своих субъективных состояниях, этими событиями вызванных. Я пишу, скорее, о тех метаморфозах моей жизни, которые были непосредственным результатом принятия мной чуждой системы идей и действий. Иными словами, система верований, которую я намеревался беспристрастно изучать, поглотила меня, и, чтобы продолжать свои исследования, мне пришлось ежедневно расплачиваться собственной жизнью.

Таким образом, передо мной встала особая проблема – объяснить, чем же я, собственно, занимаюсь. Я очень далеко отошел от того, с чего начинал как антрополог или просто западный человек, – но должен подчеркнуть еще раз, что все это не плод фантазии. То, что я описываю, чуждо для нас и потому кажется нереальным.

По мере того, как я все дальше проникаю в запутанные лабиринты магии, то, что раньше представлялось примитивной системой верований и ритуалов, оказывается теперь огромным и сложным миром. И для того, чтобы ближе познакомиться с ним и писать о нем, я должен все более усложненными и утонченными способами использовать самого себя. То, что со мной происходит, не является больше чем-то таким, что я могу прогнозировать и что известно антропологам о системах верований мексиканских индейцев. В результате я оказался в весьма затруднительном положении. Все, что мне остается делать при подобных обстоятельствах, так это представить все так, как оно происходило на самом деле. Я могу заверить читателя в том, что не веду двойной жизни, и что в своем повседневном существовании следую принципам системы дон Хуана.

После того, как дон Хуан и дон Хенаро, два мага из мексиканских индейцев, сообщили мне то, что сочли нужным или возможным, они простились со мной и исчезли. Я понял, что отныне

моя задача – самостоятельно упорядочить то, чему я у них научился, и разобраться в этом.

В связи с этим я вернулся в Мексику и обнаружил, что у дона Хуана и дона Хенаро было еще девять учеников магии: пятеро женщин и четверо мужчин. Старшую женщину звали Соледад, более молодую – Мария Елена по прозвищу Ла Горда, остальные, Лидия, Роза и Хосефина, были совсем юными, и их называли «сестричками». Четверых мужчин звали, по старшинству, Элихио, Бениньо, Нестор и Паблито; трех последних называли «Хенарос», поскольку они были очень близки к дону Хенаро.

Я уже знал, что Нестор, Паблито и Элихио, которого уже не было, – ученики магов, но мне казалось, что четверо девушек – дочери Соледад и, стало быть, сестры Паблито. С Соледад я был поверхностно знаком не первый год и обращался к ней уважительно – донья Соледад, поскольку она была по возрасту ближе к дону Хуану. Лидию и Розу я тоже знал, но наши встречи были слишком непродолжительны и случайны, чтобы я мог понять, кем они были в действительности. Хосефину и Ла Горду я знал только по именам. Встречался я и с Бениньо, но не подозревал, что он связан с доном Хуаном и доном Хенаро.

По непонятным для меня причинам все они, казалось, так или иначе ждали моего возвращения в Мексику. Они сообщили мне, что я должен занять место дона Хуана как их лидер, их Нагуаль. Они сказали, что дон Хуан и дон Хенаро исчезли с лица Земли, и Элихио тоже. И женщины, и мужчины были убеждены, что все трое не умерли, а перешли в иной, отличный от нашей повседневной жизни, однако столь же реальный мир.

Женщины, особенно Соледад, яростно сталкивались со мной со времени нашей первой встречи. Тем не менее, эти стычки очистили меня. Общение с ними внесло в мою жизнь мистическое брожение, в моем мышлении и понимании стали происходить разительные перемены, однако не на сознательном уровне, – впервые посетив их, я испытал ни с чем не сравнимое смятение, более сильное, чем когда бы то ни было ранее, хотя под всем этим хаосом я неожиданно

обнаружил удивительно прочное основание. В столкновениях с ними я открыл в себе такие ресурсы, о которых даже не подозревал.

Ла Горда и сестрички были совершенными сновидящими; они добровольно дали мне указания и продемонстрировали свои достижения. Дон Хуан описывал искусство сновидения как способность использовать обычные сны и превращать их в контролируемое осознание помощи особой формы внимания, которое он и дон Хенаро называли вторым вниманием.

Я ожидал, что трое Хенарос обучат меня тому, чего они достигли в другой области учения дона Хуана и дон Хенаро, – «искусстве сталкинга». Я понимал это искусство как совокупность приемов и способов поведения, позволяющих находить наилучший выход из любой мыслимой ситуации. Но что бы мне ни рассказывали трое Хенарос о сталкинге, все это не имело для меня ни того смысла, ни той силы, которых я ожидал. Возможно, они сами не владели этим искусством, а может, просто не захотели мне его передать.

Я прекратил расспросы, чтобы каждый мог чувствовать себя со мной раскованно, но все выжидали и уповали на то, что раз уж я больше не задаю вопросов, значит, я наконец-то веду себя как Нагуаль. Каждый из них требовал от меня советов и руководства.

Чтобы соответствовать их требованиям, я был вынужден сделать полный обзор всего, чему учили меня дон Хуан и дон Хенаро, и еще глубже проникнуть в искусство магии.

Часть первая *Другое «я»*

Глава 1. Фиксация второго внимания

Туда, где жили Ла Горда и сестрички, я добрался к полудню. Ла Горда была одна, она сидела у двери снаружи и смотрела на далекие горы. Она пояснила, что погрузилась в воспоминания, и как раз в данный момент находилась на грани того, чтобы вспомнить нечто, смутно связанное со мной.

Вечером того же дня после ужина Ла Горда, три сестрички и трое Хенарос вместе со мной сидели на полу в комнате Ла Горды. Женщины сидели рядом. По какой-то причине я выделил Ла Горду как главный объект моего интереса, хотя я знал их одинаковое время. Другие как бы и не существовали для меня. Причиной этого, вероятно, было то, что Ла Горда напоминала мне дону Хуана. В ней ощущалась какая-то легкость, хотя эта легкость никак не проявлялась в ее манере поведения, а существовала только в моих чувствах в ее отношении.

Все они захотели узнать, что я делал и чем занимался. Я рассказал им, что ездил в Тулу в провинции Идальго, чтобы посмотреть развалины древних сооружений. Самое большое впечатление на меня произвел ансамбль из четырех колоссальных каменных фигур, так называемых «атлантов», которые стоят на плоской вершине пирамиды. Эти, почти цилиндрические, около пяти метров высоты и более одного метра в диаметре, фигуры были изготовлены из цельных глыб базальта и вырезаны, по мнению археологов, в виде толтекских воинов, облаченных в доспехи. В шести метрах позади каждой из этих фигур, на вершине пирамиды, находился еще один ряд из четырех прямоугольных колонн такой же высоты и ширины и так же изготовленных из цельных каменных глыб.

Благоговейный страх, внушаемый фигурами этих «атлантов», лишь усилился после рассказа о них одного из моих друзей, который водил меня по этим местам. По его словам, сторож полуразрушенной пирамиды признался ему, что слышал, как «атланты» ходят по ночам, сотрясая землю.

Я спросил у Хенарос, что они думают об этом. Они застенчиво посмеивались. Я обратился к Ла Горде, сидевшей рядом со мной, и прямо попросил ее высказать свое мнение.

– Я никогда не видела этих фигур, – сказала она, – и вообще никогда не была в Туле. Одна лишь мысль поехать туда пугает меня.

– Почему это тебя пугает? – спросил я.

– Что-то случилось со мной в развалинах Монте Альбан в Оахаке, – сказала она. – Я обычно бродила по развалинам даже после того, как Нагуаль запретил мне и ногой туда ступать. Не знаю почему, но мне нравилось это место. Каждый раз, бывая в Оахаке, я отправлялась туда. Поскольку одиноким женщинам часто угрожает опасность, то я обычно шла туда вместе с Паблито, он очень смелый.

Но однажды я пошла туда с Нестором. Он увидел, что на земле что поблескивает. Поковырявшись в земле, мы выкопали странный камень, который помещался в мою ладонь. В центре камня было аккуратно просверлено отверстие. Я хотела просунуть в него палец, но Нестор остановил меня. Камень был гладкий и сильно согревал мою руку. Мы не знали, что с ним делать. Нестор положил его в свою шляпу, и мы понесли его, словно это была какая-то живая зверюшка.

Все расхохотались. В том, что рассказывала Ла Горда, казалось, была скрыта какая-то шутка.

– Ну и что вы с ним сделали? – спросил я.

– Мы принесли его сюда, в этот дом, – ответила она, и это заявление вызвало у остальных неудержимый смех. Они буквально задыхались от хохота.

– Мы смеемся над Ла Гордой, – сказал Нестор. – Ты должен знать, что она упряма, как никто другой. Нагуаль уже предупреждал ее, чтобы она не шутила с камнями, костями и другими предметами, которые она может найти в земле, но за его спиной она подбирала всякую ерунду. Тогда в Оахаке она настояла на том, чтобы взять с собой эту богом проклятую вещь. Мы сели в автобус и привезли камень прямо в эту комнату.

– Нагуаль и Хенаро отправились в какую-то поездку, – сказала Ла Горда, – я набралась храбрости и просунула палец в отверстие. Я осознала, что этот камень был вытесан таким образом, чтобы удерживать его в руке. Мне сразу же передались чувства того, кто раньше держал этот камень. Это был камень силы. Мое настроение изменилось. Я стала бояться. Что-то ужасное стало мелькать в темноте, что-то, не имеющее ни формы, ни окраски. Я не могла оставаться одна. Я просыпалась от собственного крика и уже через пару дней совсем не могла спать. Все по очереди составляли мне компанию и днем, и ночью.

– Когда вернулись Нагуаль и Хенаро, – сказал Нестор, – то Нагуаль отправил меня и Хенаро положить камень туда же, откуда мы его выкопали. Хенаро понадобилось три дня, чтобы разыскать точное место. И он его нашел.

– Что с тобой случилось потом, Ла Горда?

– Нагуаль похоронил меня, – сказала она. – Девять дней я обнаженной пролежала в земляном гробу.

Опять последовал взрыв всеобщего хохота.

– Нагуаль сказал, что ей нельзя выходить оттуда, – объяснил Нестор. – Бедной Горде пришлось писать и какать в свой гроб. Нагуаль затолкал ее в ящик, который он сделал из палок, прутьев и земли. Лишь сбоку была маленькая дверца, чтобы давать воду и пищу. Все остальное было плотно заделано.

– Почему он похоронил ее? – спросил я.

– Это единственный способ защитить кого-либо, – сказал Нестор. – Она должна была находиться под землей, чтобы земля исцелила ее – нет лучшего лекаря, чем земля. К тому же Нагуаль должен был отразить чувство того камня, которое было сфокусировано на Ла Горде. Земля – это экран, она ничего не пропускает сквозь себя ни туда, ни обратно. Нагуаль знал, что ей не станет хуже от того, что она на девять дней будет похоронена. Ей могло стать только лучше, что и случилось.

– Ла Горда, что это за чувство – быть похороненной? – спросил я.

– Я чуть не сошла с ума, – сказала она, – но это было просто моим индугированием. Если бы Нагуаль не поместил меня туда, я бы умерла. Сила этого камня была для меня чересчур велика. Его владелец был очень крупным мужчиной. Можно сказать, что его ладонь была вдвое больше моей. Он держался за этот камень ради собственной жизни, но в конце концов кто-то убил его. Его страх ужаснул меня. Я могла чувствовать, как что-то находит на меня, чтобы пожрать мою плоть. Именно это чувствовал тот мужчина. Он был человеком силы, но кто-то, еще более сильный, одолел его.

Нагуаль говорил, что если иметь предмет такого рода, то он принесет несчастье, потому что его сила бросает вызов другим предметам такого же рода, и владелец становится или преследователем, или жертвой. Нагуаль говорил, что у таких предметов в самой их природе заключена война, так как та часть нашего внимания, которая фокусируется на них, чтобы придать им силу, является очень опасной и воинственной.

– Ла Горда очень жадная, – сказал Паблито. – Она рассчитывала, что если найдет что-нибудь такое, что уже имеет большой запас силы, то станет победительницей, так как в наше время уже никто не заинтересован в оспаривании силы.

Ла Горда утвердительно кивнула.

– Я не знала, что можно подцепить что-либо еще, кроме той силы, которую имеют такие предметы, – сказала она. – Когда я впервые просунула палец в отверстие и зажала камень в ладони,

рука стала горячей и начала вибрировать. Я почувствовала себя действительно большой и сильной. Я скрытная, и поэтому никто не знал, что я держу камень в руке. После того, как я держала его несколько дней, начался настоящий ужас. Я чувствовала, что за владельцем камня гонятся, и ощущала его страх. Он был, несомненно, очень сильным магом, и тот, кто его преследовал, хотел не только убить его, но и съесть. Мне стало действительно страшно. Мне следовало немедленно бросить камень, но переживаемое мною чувство было настолько новым, что я вцепилась в него как последняя дура, а когда, наконец, бросила его, было уже поздно. Что-то во мне попало на крючок. У меня начались видения людей, подступающих ко мне, одетых в странные одежды. Я чувствовала, как они раздирают меня на части, отрывая куски мяса с моих ног маленькими острыми ножами и просто зубами. Я обезумела!

– Как эти видения объяснил дон Хуан? – спросил я.

– Он сказал, что она больше не имела защит, – ответил Нестор, – и поэтому могла воспринимать фиксацию этого человека, его второе внимание, которое было влито в этот камень. Когда его убивали, он держался за этот камень для того, чтобы собрать всю свою концентрацию. Нагуаль сказал, что сила этого человека ушла из его тела в его камень; он знал, что делает. Он не хотел, чтобы его враги получили его силу, съев его тело. Те, кто убивал его, знали об этом, вот почему они пожирали его живьем, чтобы получить ту силу, которая все еще оставалась в нем. Они, должно быть, и зарыли этот камень, чтобы избежать проблем, а Ла Горда и я, как два идиота, нашли этот камень и выкопали его.

Ла Горда, соглашаясь с его словами, три или четыре раза кивнула с очень серьезным выражением лица.

– Нагуаль сказал мне, что второе внимание – самая свирепая вещь на свете, – сказала она. – Если оно сфокусировано на предметах, ничего не может быть более ужасающего.

– Ужаснее всего здесь то, что мы цепляемся, – сказал Нестор. – Тот человек, который владел этим камнем, цеплялся за свою жизнь, за свою силу, вот почему он пришел в ужас, почувствовав, как

съедают его плоть. Нагуаль говорил, что если бы он отказался от своего чувства собственности и отрешился от своей смерти, какой бы она ни была, в нем не было бы никакого страха.

Разговор угас. Я спросил остальных, имеют ли они еще какие-нибудь мнения. Сестрички свирепо посмотрели на меня. Бениньо хихикнул и прикрыл лицо шляпой.

– Мы с Паблито были в окрестностях Тулы, – сказал он наконец. – Мы облазили все пирамиды, какие только есть в Мексике. Они нам нравятся.

– Зачем вы ездили ко всем пирамидам? – спросил я. – Зачем они вам понадобились?

– Да кто его знает, – ответил он. – Наверное, потому, что Нагуаль запретил нам это делать.

– А ты, Паблито? – спросил я.

– Я ездил туда учиться, – сказал он надменно и засмеялся.

– Я жил когда-то в Туле и знаю эти пирамиды, как свои пять пальцев. Нагуаль говорил, что он тоже жил там раньше. Он знал о пирамидах все, он сам был толтеком.

Тут я понял, что на археологические раскопки в Туле меня погнало нечто большее, чем простое любопытство. Приглашение друга я принял, главным образом, потому, что во время моего первого приезда к Ла Горде и остальным узнал о доне Хуане нечто такое, чего сам он никогда не говорил мне, – что он считал себя потомком толтеков. В древности Тула была центром империи толтеков.

– А что ты думаешь об атлантах, разгуливающих по ночам? – спросил я у Паблито.

– Конечно, по ночам они ходят, – сказал он. – Эти штуковины стоят там много столетий. Никто не знает, кто построил пирамиды.

Нагуаль говорил, что испанцы были не первыми, кто их обнаружил. До них были другие. Бог знает, сколько их было.

– Ты не знаешь, что изображают эти каменные фигуры? – спросил я.

– Это не мужчины, а женщины, – ответил он. – Пирамида является центром устойчивости и порядка. Фигуры представляют четыре ее угла, это четыре ветра, четыре направления. Они – фундамент, основа пирамиды. Они должны быть женщинами, мужеподобными женщинами, если хочешь. Как ты сам знаешь, мы, мужчины, не так уж горячи. Мы хорошая связка, клей, чтобы удерживать вещи вместе, но не больше. Нагуаль говорил, что загадка пирамиды в ее структуре. Четыре угла были подняты до вершины. Сама пирамида – мужчина, поддерживаемый своими женщинами-воинами. Мужчина, который поднял тех, кто его поддерживает, до высшей точки. Понимаешь, о чем я говорю?

Должно быть, на моем лице отразилось замешательство. Паблито засмеялся. Это был вежливый смех.

– Нет, я не понимаю, о чем ты говоришь, Паблито, – сказал я. – Но это, наверное, потому, что дон Хуан никогда не говорил мне о чем-либо подобном. Пожалуйста, расскажи мне все, что знаешь.

– Атланты – это нагуаль. Они сновидящие. Они представляют собой порядок второго внимания, выведенного вперед. Поэтому они такие пугающие и загадочные. Они – существа войны, но не разрушения. Другой ряд колонн – прямоугольных – представляют собой порядок первого внимания – тональ. Они сталкеры. Вот почему они покрыты надписями. Они очень миролюбивы и мудры, в отличие от фигур первого ряда.

Паблито замолчал и взглянул на меня почти вызывающе, а затем расплылся в улыбке.

Я думал, он объяснит то, что сказал, но он молчал, как бы ожидая моих замечаний.

Я попросил его продолжать рассказывать. Он, казалось, был в нерешительности. Он пристально взглянул на меня и глубоко вздохнул. Он начал говорить снова, но голоса остальных заглушили его шумом протеста.

– Нагуаль все это нам уже объяснял, – нетерпеливо сказала Ла Горда. – Зачем заставлять его повторять это?

Я попытался объяснить им, что, на самом деле, не имею представления о том, что говорит Паблито. Я настаивал, чтобы он продолжал. Опять возникла волна голосов, говорящих одновременно. Судя по тому, как свирепо смотрели на меня сестрички, они сильно сердились, особенно Лидия.

– Нам не нравится говорить об этих женщинах, – сказала мне Ла Горда примирительно. – Одна мысль о женщинах пирамид делает нас очень нервными.

– Да что с вами творится? – спросил я. – Почему вы так себя ведете?

– Мы не знаем, – ответила Ла Горда. – Это просто чувство, которое мы все разделяем. Очень беспокоящее чувство. Мы чувствовали себя прекрасно до того момента, пока ты не начал задавать вопросы об этих женщинах.

Заявление Ла Горды послужило как бы сигналом тревоги. Все вскочили и угрожающе придвинулись ко мне, говоря в полный голос. Мне понадобилось много времени, чтобы их успокоить и усадить. Сестрички были очень взволнованы, и их состояние, казалось, передалось Ла Горде. Мужчины вели себя более сдержанно. Я повернулся к Нестору и прямо попросил его объяснить, почему женщины пришли в такое возбуждение. Может быть, я невольно сделал что-то такое, что вывело их из равновесия.

– Я, в самом деле, ничего не понимаю, – сказал он. – Да и никто здесь, я уверен, не понимает, что с ним творится, но все мы чувствуем себя очень нервными и расстроенными.

– Потому что мы заговорили о пирамидах?

– Видимо, да, – сказал он мрачно. – Я и сам не знал, что эти фигуры являются женщинами.

– Да, конечно же, ты знал, идиот, – бросила Лидия.

Нестор, казалось, был испуган ее взрывом, но тут же расслабился и посмотрел на меня с глупым видом.

– Может, и знал, – сдался он. – Мы проходим через очень странный период в нашей жизни. Никто больше ничего не знает наверняка. С тех пор, как ты вошел в нашу жизнь, мы больше не знаем самих себя.

Атмосфера накалилась. Я настаивал на том, что единственным способом разрядить ее может быть разговор об этих загадочных колоннах пирамид. Женщины горячо протестовали. Мужчины помалкивали. У меня было ощущение, что они сочувствуют женщинам, но втайне не прочь, как и я, обсудить этот вопрос.

– Говорил ли дон Хуан что-нибудь еще о пирамидах, Паблито? – спросил я, желая увести разговор от болезненной темы атлантов, но не слишком.

– Он сказал, что там, в Туле, есть одна особая пирамида, она является гидом, – охотно ответил Паблито.

По его тону похоже было, что ему действительно хочется поговорить об этом, а то, с каким вниманием нас слушали другие, говорило о том же.

– Нагуаль сказал, что эта пирамида – гид ко второму вниманию, – продолжал Паблито, – но ее разграбили, и все там было уничтожено. Он сказал мне, что некоторые пирамиды были гигантскими неделаниями. Они были не жилищами, а местом, где воины практиковались в сновидении и втором внимании. Все, что они делали, было запечатлено в рисунках и надписях на стенах.

Затем, вероятно, пришли воины другого рода, которым не понравилось то, что делали маги пирамиды со своим вторым вниманием, и они разрушили пирамиду и все, что было в ней.

Нагуаль считал, что новые воины, должно быть, как и он сам, были воинами третьего внимания – воинами, которых ужаснуло зло, заключенное в фиксации второго внимания. Маги пирамиды были слишком увлечены своей фиксацией, чтобы вовремя понять, что происходит. Когда до них дошло, было уже слишком поздно.

Все в комнате, и я в том числе, слушали Паблито, как загипнотизированные. То, что он говорил, перекликалось с тем, что я слышал раньше от дона Хуана.

По словам дона Хуана, мы состоим как бы из двух воспринимаемых сегментов. Первый – это наше знакомое физическое тело, которое может воспринимать любой из нас. Второй – светящееся тело, являющееся коконом, который могут воспринимать только видящие, и которое придает нам вид огромного светящегося яйца. Он говорил также, что одной из самых важных задач магии является достижение светящегося кокона. Это цель, которая достигается путем сложной системы сновидения и жесткой систематической практики неделания. «Неделание» он определил как некое непривычное действие, вовлекающее все наше существо целиком, посредством того, что оно заставляет его начать осознавать свой светящийся сегмент.

Поясняя эту идею, дон Хуан изобразил наше сознание разделенным на три неравных части. Самую маленькую часть он назвал первым вниманием и сказал, что это именно то внимание, которое развито каждым человеком для того, чтобы иметь дело с повседневным миром; оно охватывает сознание физического тела. Другую, более крупную часть, он назвал вторым вниманием и описал его как то внимание, которое нам нужно, чтобы воспринимать наш светящийся кокон и действовать как светящееся существо. Он сказал, что второе внимание в течение всей нашей жизни пребывает на заднем плане, если только оно не выводится вперед благодаря специальной практике или случайной травме, и что оно охватывает осознание светящегося тела. Последнюю, самую большую часть он назвал третьим вниманием. Это то неизмеримое осознание, которое включает в себя неопределимые аспекты физического и светящегося тел.

Я спросил его, испытал ли он сам третье внимание. Он ответил, что был на его периферии и что если он когда-нибудь войдет в него полностью, я тотчас узнаю об этом, потому что все в нем мгновенно станет тем, чем оно и является в действительности – взрывом энергии. Он добавил, что полем битвы для воинов является второе внимание, которое было чем-то вроде тренировочного полигона для достижения третьего внимания. Это состояние достаточно трудно достижимо, но по достижении очень плодотворно.

– Пирамиды вредны, – продолжал Паблито. – Особенно для незащищенных магов, вроде нас. Еще вреднее они для бесформенных воинов, подобных Ла Горде. Нагуаль говорил, что нет ничего более опасного, чем злая фиксация второго внимания. Когда воины приобретают способность фокусироваться на слабой стороне второго внимания, ничто не может устоять на их пути. Они становятся охотниками за людьми, вампирами. Даже если они умерли, они могут добраться до своей жертвы сквозь время, как если бы они присутствовали здесь и сейчас, поэтому мы становимся именно такой жертвой, когда входим в одну из этих пирамид. Нагуаль называл их ловушками второго внимания.

– Он не говорил, что при этом происходит? – спросила Ла Горда.

– Нагуаль сказал, что мы, пожалуй, сможем выдержать одну поездку на пирамиды, – объяснил Паблито. – При втором посещении мы начнем чувствовать непонятную печаль. Она будет подобна холодному бризу, который оглушит и утомит нас. Это утомление очень скоро превратится в невезение. Через непродолжительное время мы станем носителями злого рока, всякого рода беды будут преследовать нас. Нагуаль фактически сказал, что наши полосы неудач вызваны нашими своевольными посещениями этих развалин, вопреки его рекомендациям.

Элихио, например, всегда слушался Нагуаля, и его нельзя было бы найти там мертвым. Так же поступал в свое время и этот наш Нагуаль. Им всегда везло, тогда как остальные не могли избавиться от своего злого рока, особенно Ла Горда и я. Разве нас не кусали всегда одни и те же собаки? И разве не одни и те же

потолочные балки на кухне дважды не сгнивали и не падали на нас?

– Нагуаль никогда мне этого не объяснял, – сказала Ла Горда.

– Да объяснял же, конечно, – настаивал Паблито.

– В этих проклятых местах ноги бы моей не было, если бы я знала, насколько это опасно, – запротестовала Ла Горда.

– Нагуаль говорил каждому из нас одни и те же вещи, – сказал Нестор. – Беда в том, что каждый из нас был невнимателен или, пожалуй, воспринимал его слова по-своему и слышал только то, что хотел слышать.

– Нагуаль сказал, что фиксация второго внимания двулика. Первое, самое простое лицо – злое. Так происходит, когда сновидящие используют свое сновидение, чтобы фокусировать свое второе внимание на предметах, подобных деньгам и власти над людьми. Второе лицо – крайне трудно достижимо. Оно возникает, когда воин фокусирует свое второе внимание на вещах, которые находятся не в этом или не из этого мира, подобных путешествию в неизвестное. Чтобы достичь этого лица, воинам требуется бесконечная безупречность.

Я сказал им, что уверен, что дон Хуан выборочно открывал одни вещи одним, а другие – другим. Я, например, не могу вспомнить, чтобы дон Хуан когда-либо упоминал при мне о злом лице второго внимания.

Затем я рассказал им все, что помнил из рассказов дона Хуана о фиксации второго внимания. Он подчеркивал, что все археологические развалины в Мексике, особенно пирамиды, были вредны для современного человека. Он описал пирамиды как выражение чуждых нам мыслей и действий. Он сказал, что каждая деталь и каждый рисунок в них были рассчитанным усилием выразить такие аспекты внимания, которые для нас абсолютно чужды. Для дона Хуана это были не просто руины древних культур – они несли в себе опасность. Все, что там было объектом беспокоящего притяжения, обладало вредным потенциалом.

Однажды мы обсуждали это подробнее. Это было вызвано его реакцией на мою озабоченность относительно того, где мне хранить свои записи. Я относился к ним с сильным чувством собственности и был обеспокоен их безопасностью.

– Как мне быть? – спросил я его.

– Хенаро уже предлагал тебе решение, – ответил он. – Ты, как всегда, думал, что он шутит. Хенаро никогда не шутит. Он сказал тебе, что ты должен был писать не карандашом, а кончиком собственного пальца. Ты не понял его, поскольку тебе и в голову не пришло, что это – неделание ведения записей.

Я не соглашался, все же считая совет Хенаро просто шуткой. Я воображал себя ученым-социологом, которому необходимо записать все, что говорится и происходит, чтобы вывести обоснованные заключения. Для дона Хуана одно с другим не имело ничего общего. Чтобы быть серьезным исследователем, считал он, вовсе не обязательно делать записи. Лично я решения не видел. Предложение дона Хенаро казалось мне забавной, но никак не реальной возможностью.

Дон Хуан продолжал отстаивать свою точку зрения. Он сказал, что обычное записывание является способом вовлечения в задачу запоминания первого внимания, что я делаю заметки для того, чтобы помнить о том, что говорилось и делалось. Рекомендация дона Хенаро не была шуткой, так как вождение по бумаге кончиком пальца, являясь неделанием ведения записей, заставило бы сфокусироваться на запоминании мое второе внимание, и тогда мне не пришлось бы накапливать горы листов бумаги. Дон Хуан считал, что конечный результат был бы более точным и более значительным, чем при обычном записывании. Насколько он знал, этого никто никогда не делал, но сам принцип был хорош.

Он заставил меня некоторое время «записывать» подобным образом. Я расстроился. Записывание действовало не только как способ запоминания, но и успокаивало меня. Это была моя привычная опора. Накапливая листы бумаги, я получал ощущение целенаправленности и уравновешенности.

– Когда ты горюешь о том, что тебе делать с записями, – объяснил дон Хуан, – ты фиксируешь на них очень опасную часть самого себя. Все мы имеем эту опасную сторону, эту фиксацию. Чем сильнее мы становимся, тем губительнее становится эта сторона. Воинам рекомендуется не иметь никаких материальных вещей, на которых концентрировалась бы их сила, а фокусироваться на духе, на действительном полете в неведомое, а не на тривиальных щитах. В твоем случае такой щит – это твои записи. Они не дают тебе жить спокойно.

Я серьезно чувствовал, что у меня нет никакой возможности расстаться со своими записями. Тогда, вместо собственно неделания, дон Хуан задумал для меня задачу. Он сказал, что для тех, кто, подобно мне, охвачен таким чувством собственности, подходящим способом освободиться от своих записей было написать книгу, сделав их всеобщим достоянием. В то время я думал, что это еще большая шутка, чем предложение записывать пальцем.

– Твое стремление обладать и цепляться за вещи не уникально, – сказал он. – Каждый, кто хочет следовать путем воина и мага, должен освободиться от этой фиксации. Мой бенефактор рассказывал мне, что было время, когда воины имели материальные предметы, на которые они переносили то, чем были одержимы. Это порождало вопрос, чей предмет более сильный и чей самый сильный из всех. Остатки таких предметов все еще имеются в мире – обломки этой гонки за силой. Никто не может сказать, какого рода фиксацию получили все эти предметы. Люди, бесконечно более сильные, чем ты, вливали в них все свое внимание. Ты пока что просто начал вливать свои мелочные заботы в листы своих записей. Ты еще не добрался до других уровней внимания. Подумай, как будет ужасно, если к концу своего пути воина ты обнаружишь, что все еще тащишь на спине тюк с записями. К тому времени твои записи станут живыми, особенно если ты не научишься писать кончиком пальца, и ты все еще будешь вынужден накапливать листы бумаги. В таком случае меня не удивит, если кто-нибудь повстречает твои тюки, идущие сами по себе.

– Мне не сложно понять, почему Нагуаль не хотел, чтобы мы обладали собственностью, – сказал Нестор, когда я закончил свой

рассказ. – Мы все сновидящие. Он не хотел, чтобы мы фокусировали свое тело сновидения на слабом лице второго внимания. В то время я не понимал его маневров. Меня раздражало то, что он заставлял меня освободиться от всего, что я имел. Мне казалось, что он несправедлив. Я считал, что он старается удержать Паблито и Бениньо от зависти ко мне, потому что у них самих не было ничего. По сравнению с ними я был богачом. В то время у меня и мысли не было, что он защищает мое тело сновидения.

Дон Хуан по-разному описывал мне искусство сновидения. Наиболее туманное из этих описаний, как мне теперь кажется, является наиболее удачным. Он сказал, что искусство сновидения – это, по сути, неделание сна. И, как таковое, оно дает возможность практикующим его использовать ту часть жизни, которую они обычно проводят во сне. Сновидящие как бы не спят вообще, но без всяких болезненных последствий. Это не значит, что у сновидящих вообще отсутствует сон, просто эффект сновидения продлевает состояние бодрствования за счет использования некоего дополнительного тела – тела сновидения.

Дон Хуан объяснил мне, что тело сновидения – это нечто такое, что иногда называют «дубль», а иногда – «другой», потому что это точная копия тела сновидящего. В сущности, это энергия светящегося существа, белесая, призракоподобная эманация, которая посредством фиксации второго внимания проецируется в трехмерное изображение тела. Дон Хуан объяснил, что тело сновидения – это не привидение, оно настолько же реально, насколько реально все, с чем мы сталкиваемся в повседневном мире.

Он сказал, что второе внимание неизбежно стягивается фокусом на энергетическом поле нашего полного существа и трансформирует эту энергию во что-нибудь подходящее. Самое легкое – это, конечно, изображение нашего физического тела, которое мы хорошо знаем из нашей повседневной жизни по опыту использования первого внимания. То, что направляет энергию нашего полного существа на создание чего-либо, находящегося в пределах возможностей, известно как воля. Дон Хуан не мог сказать, где находятся эти границы, но на уровне светящихся существ их диапазон настолько велик, что напрасно и пытаться установить их;

поэтому можно сказать, что с помощью воли энергия светящегося существа может быть преобразована во что угодно.

– Нагуаль говорил, что тело сновидения во все вовлекается и цепляется за все, что ему попадает, – сказал Бениньо. – Оно как бы ничего не сообщает. Он рассказывал, что мужчины в этом смысле слабее женщин, так как у мужчин тело сновидения больше стремится к обладанию.

Сестрички дружно закивали в знак согласия. Ла Горда взглянула на меня и улыбнулась.

– Нагуаль рассказывал мне, что ты из породы собственников, – сказала она. – Хенаро говорил, что ты даже со своим дерьмом прощаешься, прежде чем спустить его в унитаз.

Сестрички покатались со смеху. Хенарос сделали явное усилие, чтобы сдержаться. Нестор, сидевший рядом со мной, хлопнул меня по колену.

– Нагуаль и Хенаро рассказывали о тебе потрясающие истории, – сказал он. – Они годами развлекали нас рассказами о том, с каким необыкновенным человеком знакомы. Теперь-то мы знаем, что это был ты.

Я почувствовал смущение. Получалось, что дон Хуан и дон Хенаро предали меня, смеясь надо мной в присутствии учеников. Мне стало жаль себя. Я начал жаловаться, сказав, что они были предубеждены, заведомо считая меня глупцом.

– Это неверно, – сказал Бениньо, – мы очень рады, что ты с нами.

– Разве? – бросила Лидия.

Между ними вспыхнул горячий спор. Мужчины и женщины разделились. Ла Горда держалась особняком. Она молча сидела рядом со мной, тогда как остальные вскочили и начали кричать друг на друга.

– Мы переживаем трудное время, – тихо сказала мне Ла Горда.
– Мы уже очень много занимались сновидениями, но для того, что нам нужно, этого недостаточно.

– Что же вам нужно, Ла Горда? – спросил я.

– Мы не знаем, – сказала она. – Мы надеялись, что ты нам скажешь это.

Сестрички и Хенарос опять уселись, чтобы послушать то, что говорит Ла Горда.

– Нам нужен лидер, – продолжала она. – Ты Нагуаль, но ты не лидер.

– Чтобы стать настоящим Нагуалем, нужно время, – сказал Паблито – Нагуаль Хуан Матус говорил мне, что он в молодости был дрянным¹, пока нечто не вытряхнуло его из состояния самодовольства.

– Я этому не верю, – закричала Лидия. – Мне он никогда этого не говорил.

– Он говорил, что был очень мерзким, – добавила Ла Горда вполголоса.

– Нагуаль рассказывал мне, что в молодости он был таким же неудачником, как и я, – сказал Паблито. – Его бенефактор тоже говорил ему, чтобы он не совался к пирамидам, но из-за этого он чуть ли не жил там, пока его не выгнала оттуда орда призраков.

Очевидно, никто из присутствующих не знал этой истории. Все встрепнулись.

– Я совсем забыл об этом, – пояснил Паблито. – Я только что это вспомнил. Это получилось так же, как с Ла Гордой. Однажды, когда Нагуаль наконец сделался бесформенным воином, злые фиксации воинов, практиковавших свое сновидение и другие неделания в пирамидах, нашли его. Они добрались до него в тот момент, когда

¹ Старру - дерьмовый; дрянной; паршивый.

он работал в поле. Он рассказывал, что увидел руку, высовывавшуюся из свежей борозды. Рука схватила его за штанину. Он подумал, что это, видимо, кто-то из работавших с ним людей, – что его случайно засыпало. Он попытался его выкопать. Затем он понял, что копается в земляном гробу: в нем был погребен человек. Нагуаль сказал, что этот человек был очень худым, темным и безволосым. Нагуаль попытался быстро починить земляной гроб, поскольку не хотел, чтобы его видели рабочие, и не хотел причинить вред этому человеку, раскопав гроб против его воли. Он так сосредоточенно работал, что не заметил, как остальные рабочие собрались вокруг него. К тому времени земляной гроб развалился, и темный человек зашевелился на поверхности, совершенно голый. Нагуаль попытался помочь ему подняться и попросил людей подать ему руку. Они засмеялись, решив, что у него началась белая горячка, так как в поле не было ни человека, ни земляного гроба – вообще ничего подобного.

Нагуаль говорил, что он был потрясен, но не посмел сказать об этом своему бенефактору. Это, впрочем, уже не имело значения, так как ночью за ним явилась целая толпа призраков. В дверь постучали, он пошел открывать, и в дом ворвалась орда голых людей с горящими желтыми глазами. Они бросили его на пол и навалились на него. Они переломали бы ему все кости, если бы не быстрые действия его бенефактора. Он увидел призраков и уволок Нагуаля в безопасное место в яму за домом, которую он всегда держал наготове. Там он захоронил Нагуаля, а призраки сидели вокруг на корточках, поджидая удобного случая. Нагуаль рассказывал, что он был тогда так напуган, что даже после того, как призраки окончательно скрылись, он еще долгое время добровольно отправлялся спать в яму.

Паблито замолчал. Все, казалось, готовы были разойтись. Они нервно шевелились и меняли позы, как бы показывая, что устали от долгого сидения.

Тогда я рассказал им, что был очень обеспокоен, когда слышал, что атланты ходят по ночам среди пирамид Тулы. До сего дня я недооценивал глубину собственного принятия того, чему учили меня дон Хуан и дон Хенаро. Умом я ясно понимал, что

возможность прогулок этих колоссальных каменных фигур не достойна какого-нибудь серьезного обсуждения, так что моя реакция была для меня полным сюрпризом.

Я подробно объяснил им, что идея хождения атлантов по ночам была ясным примером фиксации второго внимания. К такому заключению я пришел на основе следующего набора предпосылок: во-первых, мы не являемся лишь тем, чем заставляет нас считать себя наш здравый смысл. В действительности мы – светящиеся существа, способные осознавать свою светимость. Во-вторых, как светящиеся существа, осознающие свою светимость, мы способны раскрыть различные стороны своего осознания, или нашего внимания, как это называл дон Хуан. В-третьих, такое раскрытие может быть достигнуто или за счет сознательных и намеренных усилий, которые предпринимаем мы сами, или же случайно, вследствие телесной травмы. В-четвертых, было время, когда маги намеренно направляли различные стороны своего внимания на материальные предметы. В-пятых, атланты, судя по производимому ими благоговейному впечатлению, были объектами фиксации многих магов прошлого.

Я сказал, что сторож, сообщивший о прогулках атлантов моему другу, несомненно, приоткрыл другую сторону своего внимания. Мне не кажется таким уж невероятным, что он мог неосознанно, хотя бы и на мгновение, воспринять проекции второго внимания древних магов. Для меня не было таким уж невероятным то, что тот человек мог визуализировать фиксацию тех магов.

Если эти маги принадлежали к той же традиции, что и дон Хуан с доном Хенаро, то они должны были быть безупречными практиками, а это означает, что при помощи фиксации своего второго внимания они могли сделать что угодно. И если они пожелали, чтобы атланты ходили по ночам, то атланты будут ходить по ночам.

По мере того, как я говорил, сестрички все больше нервничали и сердились. Когда я замолчал. Лидия обвинила меня в том, что я ничего не делаю, а только болтаю. Затем они поднялись и ушли, даже не попрощавшись. Мужчины последовали за ними, но в дверях

остановились и по очереди попрощались со мной за руку. Ла Горда осталась в комнате.

– С этими женщинами явно что-то неладно, – сказал я.

– Просто они устали от разговоров, – сказала Ла Горда. – Они ждут от тебя действий.

– Почему же тогда Хенарос не устали от разговоров?

– Они глупее женщин, – ответила она сухо.

– А ты, Горда? – спросил я. – Ты тоже устала от разговоров?

– Не знаю, что со мной, – ответила она бесстрастно. – Когда я с тобой, то не устаю, но когда я с сестричками, то устаю смертельно, так же, как и они.

Я провел с ними еще несколько дней, не отмеченных никакими событиями. Было совершенно ясно, что сестрички враждебно настроены ко мне. Хенарос, казалось, просто терпели меня. Только Ла Горде, похоже, было легко со мной. Я удивлялся – почему? Перед отъездом в Лос-Анжелес я спросил ее об этом.

– Странно, но я привыкла к тебе, – сказала она. – Как будто мы с тобой вместе, а сестрички и Хенарос – это совсем другой мир.

Глава 2. Совместное видение

В течение нескольких дней после возвращения в Лос-Анджелес я ощущал какое-то сильное неудобство, которое объяснял головокружением и внезапной потерей дыхания при физических нагрузках. Однажды ночью это достигло кульминационной точки, когда я проснулся в ужасе, не в состоянии дышать. Врач, к которому я обратился, диагностировал мои жалобы как гипервентиляцию, вызванную, скорее всего, перенапряжением. Он прописал мне успокаивающее и посоветовал при повторении приступа дышать в бумажный мешок.

Я решил, вернуться в Мексику, чтобы спросить у Ла Горды совета. Когда я рассказал ей о поставленном мне диагнозе, она заверила, что никакой болезни тут нет, а просто я в конце концов теряю свои щиты, и что испытываемое мною является «потерей человеческой формы» и вхождением в новое состояние отделенности от всех человеческих дел.

– Не борись с этим, – сказала она. – Сопротивляться этому – наша естественная реакция. Поступая так, мы рассеиваем это. Оставь свой страх и следуй потере своей человеческой формы шаг за шагом.

Она добавила, что в ее случае распад человеческой формы начался с невыносимой боли в матке и с необычайного давления, медленно смещавшегося вниз – к ногам и вверх – к горлу. Она добавила, что последствия ощущаются немедленно.

Я хотел записывать каждый нюанс своего вхождения в это новое состояние. Я приготовился вести детальный дневник обо всем происходящем, но, к моему большому разочарованию, ничего больше не происходило. После нескольких дней напрасного ожидания я отбросил объяснение Ла Горды и решил, что доктор был прав в своем диагнозе. Мне это было совершенно понятно. Я взвалил на себя ответственность, порождавшую невыносимое напряжение. Я принял лидерство, которое, по мнению учеников, принадлежало

мне, но я не имел никакого представления, как себя вести и что делать.

Нагрузка проявилась в моей жизни и более серьезным образом. Мой обычный уровень энергии непрерывно падал. Дон Хуан сказал бы, что я теряю личную силу и, следовательно, я непременно потеряю свою жизнь. Дон Хуан настроил меня жить посредством исключительной личной силы, что я понимал, как определенное состояние бытия, как отношение порядка между субъектом и вселенной, которое нельзя было разрушить, не вызвав смерти субъекта. Поскольку никакой возможности изменить ситуацию не предвиделось, я заключил, что жизнь моя подходит к концу. Мое чувство обреченности, казалось, разъярило всех учеников. Я решил на пару дней уехать, чтобы рассеять свою хандру и снять их напряжение.

Когда я вернулся, они стояли у дверей дома сестричек, как бы ожидая меня. Нестор бросился к моей машине и, прежде чем я выключил мотор, прокричал, что Паблито сбежал. Он уехал умирать, сказал Нестор, в город Тула, на родину предков. Я был в ужасе и почувствовал себя виновным.

Ла Горда не разделяла моего беспокойства. Она сияла, светясь удовлетворением.

– Этому маленькому сутенеру² лучше умереть, – сказала она. – Все мы теперь заживем гармонично, как и должны были. Нагуаль говорил нам, что ты принесешь перемену в нашу жизнь. Что ж, ты ее принес. Паблито нам больше не досаждал. Ты избавил нас от него. Посмотри, как мы счастливы. Без него нам живется куда лучше.

Я был вне себя от ее бесчувственности. Я сказал так жестко, как только мог, что дон Хуан учил нас быть воинами. Я подчеркнул, что безупречность воина требует, чтобы я не позволил Паблито умереть просто так.

– Что же ты собираешься делать? – спросила Ла Горда.

² Pimpr – сводник, сутенер, подстрекатель.

– Я собираюсь послать одного из вас, чтобы он жил с ним, – сказал я. – До того дня, пока мы все, включая Паблито, не сможем уехать отсюда.

Они посмеялись надо мной, даже Нестор и Бениньо, которых я считал наиболее близкими к Паблито. Ла Горда смеялась дольше всех, явно провоцируя меня.

Я обратился за поддержкой к Нестору и Бениньо. Они отвели глаза в сторону.

Я воззвал к высшему пониманию Ла Горды. Я умолял ее. Я использовал все доводы, какие мог придумать. Она смотрела на меня с явным презрением.

– Пойдемте, – сказала она остальным.

Она лучезарно улыбнулась мне, затем передернула плечами и поджала губы.

– Приглашаем тебя идти с нами, – сказала она мне, – при условии, что ты не станешь задавать вопросов и не будешь упоминать об этом маленьком сутенере.

– Ты, Ла Горда, бесформенный воин, – сказал я, – ты сама мне это говорила. Почему же тогда ты судишь Паблито?

Ла Горда не ответила. Удар попал в цель. Она поморщилась и отвернулась от моего взгляда.

– Ла Горда с нами! – пронзительно закричала Хосефина.

Сестрички окружили Ла Горду и затолкали ее в дом. Я последовал за ними. Нестор и Бениньо тоже вошли внутрь.

– Что ты собираешься делать, забрать кого-нибудь из нас силой? – спросила Ла Горда.

Я сказал им, что считаю своим долгом помочь Паблито и делал бы то же для любого из них.

– Ты действительно думаешь, что сможешь это сделать? – спросила Ла Горда, с горящими гневом глазами.

Я хотел было яростно заорать, как я уже делал однажды в их присутствии. Но обстоятельства были иными. Я не мог этого сделать.

– Я собираюсь забрать с собой Хосефину, – сказал я. – Я – Нагуаль.

Ла Горда сгребла сестричек и прикрыла их своим телом. Они уже собирались взяться за руки; что-то во мне знало, что если они это сделают, то их объединенная сила станет ужасной, и все мои усилия забрать Хосефину пойдут прахом. Моим единственным шансом было ударить прежде, чем они успеют образовать группу. Я толкнул Хосефину обеими руками так, что она волчком вылетела на середину комнаты. Прежде, чем они успели собраться снова, я ударил Лидию и Розу. Они согнулись от боли. Ла Горда бросилась на меня с яростью дикого зверя. Я никогда не видел ее такой разъяренной. Она вложила в этот бросок всю свою концентрацию. Если бы она меня ударила, я бы умер на месте. Она промахнулась лишь на какой-то дюйм. Я схватил ее сзади в охапку, и мы покатались по полу. Мы отчаянно боролись, пока полностью не выдохлись. Ее тело расслабилось. Она начала гладить тыльную сторону моих рук, которые были крепко сцеплены у нее на животе.

Тут я заметил, что Нестор и Бениньо стоят у дверей. Оба они, казалось, были на грани обморока.

Ла Горда смущенно улыбнулась и сказала, что рада тому, что я одолел ее.

Я увез Хосефину к Паблито. Я чувствовал, что она единственная из всех искренне нуждается в том, чтобы за ней кто-то ухаживал, и Паблито обижался на нее меньше, чем на остальных. Я надеялся, что благородство заставит его прийти на помощь, если она будет в такой помощи нуждаться.

Через месяц я снова приехал в Мексику. Паблито и Хосефина вернулись. Они поселились в доме Хенаро вместе с Бениньо и Розой.

Нестор и Лидия жили в доме Соледад, а Ла Горда – одна в доме сестричек.

– Тебя не удивляет наше новое расселение? – спросила Ла Горда.

Я действительно был очень удивлен и хотел знать, что стоит за этой новой организацией.

Ла Горда сухо сообщила мне, что за всем этим, насколько ей известно, не кроется ничего особенного. Они избрали жизнь парами, но не парами в обычном понимании. Она добавила, что вопреки тому, что я мог подумать, они были безупречными воинами.

Новая форма отношений была действительно приятной. Все, казалось, полностью расслабились. Не было больше ни подначек, ни вспышек конкуренции. Они стали одеваться в стиле, принятом у индейцев этого района. Женщины были одеты в длинные широкие юбки в складку, почти касавшиеся пола. Они надевали темные шали, заплетали волосы в косы, только Хосефина всегда носила шляпу. Мужчины носили легкие белые штаны и рубашки, а на голове – соломенные шляпы. Все были обуты в самодельные сандалии.

Я спросил у Ла Горды о значении их нового одеяния. Она сказала, что они готовятся к отъезду. Раньше или позже, с моей помощью или без нее, они собираются покинуть эту долину. Они намереваются отправиться в новый мир, в новую жизнь. Чем дольше они носят индейскую одежду, тем резче будет их переход к новой, городской. Она сказала, что их учили быть текучими, чувствовать себя легко в любой ситуации, в какой бы они ни оказались, и что меня учили тому же. Моим вызовом было вести себя с ними непринужденно, вне зависимости от того, как они относятся ко мне. Их задачей, с другой стороны, было покинуть свою долину и переселиться куда-нибудь еще, чтобы убедиться, могут ли они быть такими текучими, как надлежит воину.

Я спросил, каково в действительности было ее мнение о наших шансах на успех. Ла Горда ответила, что на наших лицах лежит печать поражения. Затем она резко сменила тему разговора, сказав,

что в своем сновидении она смотрела в гигантскую узкую щель между двумя высокими круглыми горами. Ей казалось, что эти круглые горы ей знакомы, и хотелось, чтобы я отвез ее в город, расположенный неподалеку. Она считала, не зная, почему, что эти две горы расположены там и что послание, полученное ею в сновидении, состоит в том, чтобы мы вдвоем отправились туда.

Мы уехали на рассвете. Я уже как-то проезжал через этот город. Он был очень маленьким, и я не помнил в его окрестностях ничего, похожего на видение Ла Горды. Вокруг него были только невысокие холмы. Оказалось, что двух гор там действительно не было, а если они там и были, то мы не смогли их найти.

Однако в течение двух часов, которые мы провели в этом городе, нас не покидало ощущение, что мы знали что-то неопределенное, ощущение, которое временами становилось бесспорным, а затем опять отступало во тьму и перерастало в раздражение и разочарование. Посещение этого города странным образом волновало нас, или же, лучше сказать, — по неизвестным причинам мы стали очень беспокойными. Я глубоко ушел в совершенно нелогичный конфликт. Я не помнил, чтобы когда-нибудь останавливался в этом городе, и все же я мог поклясться, что не только бывал здесь, но даже какое-то время жил. Это не было отчетливым воспоминанием. Я не помнил улицы или дома. То, что я ощутил, было необоснованным, но сильным предчувствием, что что-то вот-вот должно проясниться у меня в голове. Я не знал, что именно, может, просто какое-то воспоминание. Временами это смутное предчувствие было всепоглощающим, особенно, когда я увидел один дом. Я остановил машину перед ним. Мы с Ла Гордой смотрели на него из машины, около часа, но никто из нас не предложил выйти из машины и войти в него.

Мы оба были очень раздражены. Мы стали говорить о ее видении двух гор. Наш разговор вскоре перешел в спор. Она считала, что я не принял ее сновидения всерьез. Мы вошли в раж и кончили тем, что начали орать друг на друга, но не столько от гнева, сколько от нервного напряжения. Я поймал себя на этом и замолчал.

На обратном пути я остановил машину на обочине грунтовой дороги. Мы вышли размять ноги. Ла Горда все еще казалась взволнованной. Мы немного прошлись, но было слишком ветрено, чтобы получить удовольствие от такой прогулки. Мы вернулись к машине и забрались в нее.

– Если бы ты только привлек свое знание, – сказала Ла Горда умоляюще, – ты бы понял, что потеря человеческой формы.

Она запнулась посреди фразы. Должно быть, ее остановила моя гримаса. Она знала о моей внутренней борьбе. Если бы у меня внутри было какое-то знание, которое я мог бы сознательно привлечь, я бы давно это сделал.

– Но ведь мы – светящиеся существа, – сказала она тем же умоляющим тоном. – В нас еще так много всего. Ты – Нагуаль, значит, в тебе еще больше.

– Что же, по-твоему, я должен сделать? – спросил я.

– Ты должен оставить свое желание цепляться. То же самое происходило со мной. Я держалась за такие вещи, как пища, которую я любила, горы, среди которых я жила, люди, с которыми мне нравилось разговаривать. Но больше всего я цеплялась за желание нравиться.

Я сказал ей, что ее советы для меня бессмысленны, так как не осознаю, что держусь за что-либо. Она настаивала, что каким-то образом я все же знаю, что ставлю барьеры потере своей человеческой формы.

– Наше внимание натренировано быть упорно³ сфокусированным, – продолжила она. – Именно так мы поддерживали свой мир. Твое первое внимание было обучено фокусироваться на чем-то, совершенно чуждом мне, но очень знакомом тебе.

³ Doggedly - упрямо, не отходя от выбранного курса; упорно, не ослабевая.

Я ответил ей, что мой ум пребывает в абстракциях, но не в чем-то абстрактном, подобно математике, а, пожалуй, в разумных суждениях.

– Сейчас самое время уйти от всего этого, – сказала она. – Для того, чтобы потерять человеческую форму, ты должен освободиться от всего этого балласта. Ты уравниваешь все настолько настойчиво, что парализуешь сам себя.

У меня не было настроения спорить. То, что она называла потерей человеческой формы, было слишком смутной концепцией, чтобы тут же размышлять об этом. Я был поглощен тем, что мы испытали в городе. Ла Горда не хотела об этом говорить.

– Единственное, что имеет значение, так это привлечение твоего знания, – сказала она. – Если тебе нужно, ты умеешь это делать, как в тот день, когда убежал Паблито, и ты затеял драку.

Ла Горда сказала, что происшедшее в тот день было примером привлечения знания. Не отдавая себе в точности отчета в том, что я делаю, я выполнил сложные действия, которые требуют способности видеть.

– Ты не просто напал на нас, ты видел.

В каком-то смысле она была права. В тот раз имело место нечто, совсем не похожее на обычный ход вещей. Я детально перебирал воспоминания об этом, связывая их, однако, с аргументами личного характера. У меня не было адекватного объяснения всему случившемуся. Я только мог сказать, что эмоциональное напряжение того момента повлияло на меня немыслимым образом.

Когда я вошел в тот дом и увидел четырех женщин, то в долю секунды осознал, что могу изменить свой обычный способ восприятия. Я увидел прямо перед собой четыре аморфных шара, излучавших очень интенсивный янтарный свет. Один из них был более спокойным и приятным, остальные выглядели недружелюбными, острыми беловато-янтарными сияниями. Более

спокойным сиянием была Ла Горда. И в этот момент три недружелюбных сияния склонились над ней.

Шар беловатого сияния, ближайший ко мне, которым была Хосефина, выглядел несколько неуравновешенным. Он наклонился, поэтому я толкнул его и пнул два других в углубления, которые каждый из них имел с правой стороны.

У меня не было осознанного намерения ударить их в это место. Я просто счел выемку подходящей. Каким-то образом она приглашала меня пнуть туда ногой. Результат был сокрушительным. Лидия и Роза сразу отключились. Я ударил каждую из них в правое бедро. Это не было пинком, который мог бы сломать какую-нибудь кость. Я просто надавил ногой и толкнул пузыри света, находившиеся передо мной. Тем не менее все выглядело так, будто я нанес им по сокрушительному удару в самое уязвимое место их тел.

Ла Горда была права — я привлек знание, которого не осознавал. Если это называется видением, то для моего интеллекта видением являлось знание тела. Ведущая роль зрения воздействует на знание тела и создает иллюзию, что оно связано с глазами. То, что я испытал, нельзя было назвать чисто зрительными ощущениями. Я видел шары света чем-то помимо моих глаз. Поскольку я сознавал, что в поле моего зрения находятся четыре женщины, я и имел дело все время с ними. Шары света даже не налагались на них; одна картина было полностью отделена от другой. Самым сложным для меня выступал вопрос времени. Все было сжато в несколько секунд. Если бы я переводил взгляд с одной сцены на другую, то этот переход должен был быть таким быстрым, что становился бессмысленным. Поэтому я могу вспомнить только восприятие двух совершенно различных сцен одновременно.

После того, как я пнул два шара света, спокойный шар, Ла Горда, бросился на меня, но не прямо, а целясь в мой левый бок. С того момента, как начался бросок, этот шар имел явное намерение промахнуться. Когда свечение прошло мимо меня, я схватил его. Катаясь с ним по полу, я почувствовал, что вплавляюсь в него. Это был единственный момент, когда я действительно потерял

последовательность событий. Я вновь осознал себя, когда Ла Горда гладила меня ладонью.

– В наших сновидениях я и сестрички научились сцеплять руки, – сказала Ла Горда. – Мы знаем, как образовать линию. В этот день нашей проблемой было то, что мы никогда не образовывали линию вне нашей комнаты. Именно поэтому мы потащили тебя в дом. Твое тело знало, что значит для нас сцепить руки. Если бы мы это сделали, то я была бы под их контролем. Они более свирепы, чем я. Их тела плотно закрыты, они не связаны с сексом. Я же связана, что делает меня более слабой. Я уверена, что зависимость от секса затрудняет тебе привлечение твоего знания.

Она продолжала говорить дальше об ослабляющих последствиях секса. Я ощутил неудобство и попытался увести разговор от этой темы, но она, казалось, была намерена сознательно возвращаться к ней, хотя видела, что мне не по себе.

– Поедем с тобой в Мехико, – сказал я в отчаянии, думая, что напугаю ее.

Она не отвечала. Она поджала губы, скосив глаза. Мышцы подбородка у нее напряглись, а верхняя губа выпятилась, пока не вывернулась под самым носом. Ее лицо так исказилось, что я отшатнулся. Увидев мое удивление, она расслабила мышцы лица.

– Ла Горда, – повторил я, – поедем в Мехико.

– Конечно, почему бы и нет, – сказала она. – Что мне для этого надо?

Я не ожидал подобной реакции и сам был шокирован.

– Ничего, – сказал я. – Мы поедем так, как есть.

Ни слова не говоря, она уселась на сидение, и мы поехали в сторону Мехико. Было еще рано. Я спросил, осмелится ли она поехать со мной до Лос-Анжелеса. Минуту она, казалось, размышляла.

– Я только что задала этот вопрос своему светящемуся телу, – сказала она.

– Что же оно ответило?

– Оно сказала: «Если сила это позволит».

В ее голосе было такое богатство чувств, что я остановил машину и обнял ее. Моя привязанность к ней в этот момент была настолько велика и глубока, что я испугался. Она не имела ничего общего с сексом или стремлением к психологической поддержке. Это чувство превосходило все, что я знал.

Это объятие вернуло мне ощущение, которое было у меня раньше, – будто что-то во мне собиралось вырваться наружу. Что-то такое, что было закупорено и упрятано в глубине, так что я не мог сознательно до него добраться. Я почти знал, что это такое, но тут же терял, как только до него добирался.

В город Оахака мы приехали в начале вечера. Я оставил машину на одной из боковых улиц, и мы прошли к площади в центре города. Мы направлялись к скамейке, на которой обычно сидели дон Хуан и дон Хенаро. Она была не занята. Мы уселись там в благоговейном молчании.

В конце концов Ла Горда сказала, что она много раз была здесь с доном Хуаном и еще с кем-то, кого она не может вспомнить. Она не была уверена, наяву это происходило или просто снилось ей.

– Что вы с доном Хуаном делали на этой скамейке? – спросил я.

– Ничего, мы просто ждали попутной машины, которая подбросила бы нас в горы, – ответила она.

Я рассказал ей, что когда я сидел с доном Хуаном на этой скамейке, то мы часами болтали. Я сообщил ей о его склонности к поэзии, и как я обычно читал ему стихи, когда нам больше нечего было делать. Он слушал стихи, исходя из предпосылки, что прослушивания достойны только первая и иногда вторая строфы, последующие же он называл индальгированием поэта. Лишь очень

немногие из тех сотен стихов, которые я прочитал ему здесь, он выслушал полностью.

Сначала я читал ему то, что мне нравилось, а именно абстрактные, замысловатые, идущие от ума стихи. Позднее он заставлял меня вновь и вновь читать то, что ему нравилось. По его мнению, стихотворение должно быть компактным, предпочтительно – коротким. Оно должно быть составлено из точных, прямых и очень простых картин. В конце дня на этой скамейке стихотворение Сесара Вальехо, казалось, подвело черту под его особым чувством тоски. Я прочитал его Ла Горде по памяти, не столько ради нее, сколько ради себя. ✧

Воспоминания о доне Хуане были невероятно живыми. Это не были воспоминания на уровне мысли, так же, как они не были воспоминаниями на уровне моих осознаваемых чувств. Это был неизвестный вид памяти, который заставил меня плакать. Слезы лились из моих глаз, но они совсем не успокаивали меня.

Последний час дня всегда имел особое значение для дона Хуана. Я перенял у него такое отношение к этому часу и его убежденность в том, что если что-нибудь важное должно произойти со мной, то оно произойдет именно в этот час.

Ла Горда положила голову мне на плечо. Какое-то время мы оставались в таком положении. Я чувствовал себя расслабленным. Возбуждение ушло. Странно, что такое простое действие, как то, что я положил свою голову на голову Ла Горды, принесло мне такой

*Интересно, что она делает в этот час.
Моя милая Рита, девушка Анд.
Мой легкий тростник, девушка дикой вишни.
Теперь, когда усталость душит меня,
И кровь засыпает, как ленивый коньяк.
Интересно, что она делает теми руками,
Которые с постоянной прилежностью
Гладили крахмальное белье
После полудня.
Теперь, когда этот дождь уносит
Мое желание идти дальше.
Интересно, что стало с ее юбкой с каймой.
С ее вечным трудом, с ее походкой.
С ее запахом весеннего сахарного
Тростника, обычного в тех местах.
Она, должно быть, в дверях
Смотрит на быстро несущиеся облака.
Дикая птица на крыше издает свой крик.
И, взглянув, она наконец скажет:
«Господи, как холодно!»*

покой. Я хотел пошутить, что нам следовало бы связать наши головы вместе. Но я тут же понял, что она переиначит мои слова и посмеется над ними. Тело мое затряслось от смеха, и я понял, что сплю, хотя глаза мои были открыты, и я легко мог встать, если бы захотел. Мне не хотелось двигаться, поэтому я остался в том же положении, одновременно и бодрствующим и спящим. Я видел, что прохожие глазают на нас. Но мне не было до этого никакого дела, хотя обычно мне не нравилось быть объектом внимания.

Затем внезапно все люди в поле моего зрения превратились в большие пузыри белого света. Я смотрел на светящиеся яйца не мельком, а непрерывно, впервые в своей жизни. Дон Хуан говорил мне, что человеческие существа кажутся видящему светящимися яйцами. Я уже испытывал проблески такого восприятия, но никогда еще не фокусировал свое зрение на них так, как я делал в этот день.

Пузыри света вначале были расплывчатыми, как если бы мои глаза не были настроены, но затем в одну секунду мое зрение как бы установилось, и пузыри белого света стали продолговатыми светящимися яйцами. Они были большими, даже огромными, возможно, чуть более двух метров в высоту и метр с четвертью в ширину, или даже больше.

В какой-то момент я вдруг заметил, что одно яйцо перестало двигаться; я увидел плотную массу света перед собой. Яйца следили за мной, угрожающе наклоняясь надо мной. Я намеренно двинулся и сел прямо. Ла Горда крепко спала у меня на плече. Вокруг нас была группа подростков. Должно быть, они думали, что мы пьяны. Они передразнивали нас. Самый смелый из юнцов касался груди Ла Горды. Я встряхнул ее и разбудил. Мы поспешно встали и ушли. Они последовали за нами, насмехаясь и выкрикивая оскорбления. Присутствие полицейского на углу помешало им продолжать свое преследование.

В полном молчании мы дошли до того места, где я оставил машину. Сумерки почти сгустились. Внезапно Ла Горда схватила меня за руку. Ее глаза были дикими, рот перекошен. Она показала рукой.

– Смотри, смотри! – закричала она. – Там Нагуаль и Хенаро!

Я увидел двух людей, поворачивающих за угол впереди нас. Ла Горда быстро побежала. Я пустился за ней и на ходу спросил, уверена ли она. Она была вне себя. Она сказала, что когда подняла глаза, то увидела, как они оба, и дон Хуан, и дон Хенаро, пристально смотрели на нее. В тот момент, когда их глаза встретились с ее глазами, они двинулись прочь.

Когда мы достигли угла, два человека были на том же расстоянии от нас. Я не мог различить их черт. Они были в соломенных шляпах и в одежде мексиканских крестьян. Один был плотным, как дон Хуан, другой – стройным, как Хенаро. Оба завернули за угол, и мы опять с шумом помчались за ними. Улица, на которую они повернули, была пустынной и вела к окраине города. Она слегка поворачивала влево. Двое мужчин находились как раз там, где улица делала поворот.

В этот момент произошло нечто, заставившее меня почувствовать, что это действительно могут быть они. Это было движение, которое сделал более стройный человек. Он повернулся к нам на три четверти оборота и кивнул головой, как бы приглашая следовать за собой. Подобный жест дон Хенаро обычно использовал по отношению ко мне, когда мы бывали в лесу. Обычно он смело шел впереди, движением головы приглашая догнать себя.

Ла Горда начала кричать во весь голос:

– Нагуаль! Хенаро! Подождите!

Она бежала впереди меня, но они шли очень быстро в сторону каких-то разрушенных бараков, едва видневшихся в темноте. Они, должно быть, вошли в один из них, или повернули в какой-нибудь другой проход, так как внезапно исчезли из виду.

Ла Горда стояла на месте и изо всех сил выкрикивала их имена, безо всякого стыда. Люди выскакивали на улицу, чтобы посмотреть, кто это орет. Я держал ее, пока она не успокоилась.

– Они были прямо передо мной, – сказала она, всхлипывая, – меньше, чем в трех метрах. Когда я закричала, привлекая твое внимание, они мгновенно оказались за квартал от нас.

Я попытался успокоить ее. Она была в состоянии сильного возбуждения, дрожала и цеплялась за меня. По какой-то необъяснимой причине я был абсолютно уверен, что это не были дон Хуан и дон Хенаро, поэтому не разделял возбуждения Ла Горды.

Она сказала, что нам следует возвращаться домой, что сила не позволит ей ехать со мной в Лос-Анжелес и даже в Мехико. Для такого путешествия еще не пришло ее время. Она была убеждена, что встреча с ними была знаком. Они исчезли, указав на восток – по направлению к ее родному городу.

У меня не было никаких возражений против того, чтобы сразу отправиться назад. После всего, что случилось с нами в этот день, я должен был бы быть смертельно уставшим. Вместо этого я ходуном ходил от совершенно непонятного прилива сил. Это напомнило мне времена с доном Хуаном, когда я чувствовал себя способным пробивать стены плечом.

На обратном пути к машине я опять был преисполнен страстной привязанности к Ла Горде. Я никогда не смогу отблагодарить ее за помощь. Что бы она там ни сделала для того, чтобы я видел светящиеся оболочки, это сработало – я их видел. Она была такой мужественной, рискуя быть осмеянной или даже рискуя своей безопасностью, когда сидела на той скамейке. Я выразил ей свою благодарность. Она посмотрела на меня так, будто я сошел с ума, а затем расхохоталась.

– Я то же самое думала о тебе, – сказала она. – Я думала, что ты это сделал для меня. Я тоже видела светящиеся оболочки. Со мной такое было впервые. Мы видели вместе, одновременно! Как это обычно делали Нагуаль и Хенаро.

Когда я открывал для Ла Горды дверцу машины, полное осознание того, что мы сделали, поразило меня. До этого я был в каком-то оцепенении, а теперь моя эйфория была такой же интенсивной, как недавнее возбуждение Ла Горды. Я хотел

выбежать на середину улицы и вопить от восторга. Теперь настала очередь Ла Горды сдерживать меня.

Она присела на корточки и помассировала мне икры. Как ни странно, я тотчас успокоился. Я обнаружил, что мне трудно разговаривать. Мои мысли опережали способность выражать их словами. Теперь я не хотел немедленно возвращаться в ее город. Казалось, еще так много надо сделать. Поскольку я не мог внятно объяснить, чего же хочу, то я просто потащил упиравшуюся Ла Горду назад к площади, но в тот час там не было свободных скамеек. Я был голоден, и поэтому затащил ее в ресторан. Она думала, что не сможет есть, но когда нам принесли еду, оказалось, что она так же проголодалась, как и я. Еда нас полностью расслабила.

Вечером того же дня мы сидели на скамейке. Я воздерживался от разговора о том, что с нами произошло, до тех пор, пока мы не сможем там сесть. Ла Горда вначале не хотела ничего говорить. Мой ум был в особом состоянии приятного возбуждения. У меня были подобные моменты с доном Хуаном, и, как правило, это было постэффектом приема галлюциногенных растений.

Я начал с того, что описал Ла Горде то, что видел. Что больше всего поразило меня в светящихся яйцах, так это их движение. Они не шли, а как бы плыли и, тем не менее, были связаны с землей. То, как они двигались, не было приятным. Их движения были скованными, неестественными, порывистыми. Когда они двигались, форма яйца становилась меньше и округлее. Они, казалось, прыгали, дергались или встряхивались вверх и вниз с большой скоростью. Это вызывало очень неприятное, нервирующее чувство. Пожалуй, точнее всего я могу описать физическое неудобство, вызванное их движением, сказав, что чувствовал то же самое, что в моменты наблюдения за изображением на киноэкране, двигавшемся в ускоренном режиме.

Что меня еще заинтересовало – я не заметил никаких ног. Я однажды видел балетную постановку, в которой актеры изображали солдат, катающихся по льду на коньках. С этой целью у них были длинные туники, свисающие до самого пола. Их ног нельзя было увидеть, поэтому создавалась иллюзия, что они скользят по льду.

Светящиеся яйца, которые парадом шли мимо меня, производили впечатление скольжения по пересеченной местности. Их светимость встряхивалась вверх-вниз почти незаметно для глаза, тем не менее, этого было достаточно, чтобы вызвать у меня болезненное чувство. Когда яйца были в покое, они становились удлинёнными. Некоторые из них были такими длинными и застывшими, что невольно возникала ассоциация с лицами на старинных иконах.

Еще более беспокоящей чертой было отсутствие глаз. Я никогда так остро не сознавал, насколько сильно мы привязаны к глазам живых существ. Светящиеся яйца были абсолютно живыми, они наблюдали за мной с большим любопытством. Я мог видеть, как они дергались вверх-вниз, перегибались, чтобы посмотреть на меня, но без всяких глаз.

Многие из этих светящихся яиц имели на себе темные пятна, огромные темные пятна ниже среднего сечения. Другие их не имели. Ла Горда сказала мне, что репродукция воздействует на тела, как мужчин, так и женщин, вызывая появление дыры в нижней части живота, но пятна на этих светящихся яйцах не казались мне похожими на дыры. Это были участки без светимости, но в них не ощущалось глубины. Те, что имели темные пятна, казались мягкими и усталыми. Верхушки их яйцеобразных форм были увядшими, они выглядели тусклыми по сравнению с остальной их светимостью. С другой стороны, те, что не имели пятен, были ослепляюще яркими. Они казались мне опасными. Они вибрировали, наполненные энергией и белизной.

Ла Горда сказала, что в тот момент, когда я положил свою голову на ее, она тоже впала в состояние, напоминающее сновидение. Она бодрствовала и в то же время не могла двигаться. Она сознавала, что кругом идут люди. Затем она увидела, как они превратились в светящиеся пузыри и, наконец, в яйцевидных существ. Она не знала, что я тоже вижу. Вначале она думала, что я наблюдаю за ней, но в какой-то момент давление моей головы стало таким сильным, что она пришла к выводу, что я тоже вижу. Лишь после того, как я выпрямился и оттолкнул молодого человека, трогавшего ее, когда она казалась спящей, я сообразил, что происходило с ней.

То, что мы увидели, различалось, так как она отличала мужчин от женщин по форме каких-то волокон, которые она называла «корнями». У женщин, сказала она, имеется толстый пучок волокон, напоминающий львиный хвост, они растут внутрь от того места, где находятся гениталии. Она объяснила, что эти корни были тем, что дает жизнь. Эмбрион для того, чтобы расти, прикрепляется к одному из этих питающих корней и полностью съедает его, оставляя дыру. Мужчина, с другой стороны, имеет короткие нити, которые живут как бы сами по себе и плавают почти отдельно от светящейся массы их тел.

Я спросил ее, что, на ее взгляд, было причиной нашего совместного видения. Она уклонилась от каких бы то ни было комментариев, но попросила меня высказать свое мнение. Я сказал, что, по-моему, единственно очевидной причиной являются эмоции.

После того, как мы с ней уселись на излюбленную скамейку дона Хуана в начале вечера, и я прочитал стихотворение, которое ему нравилось, я был сильно заряжен эмоционально. Мои эмоции, должно быть, приготовили мое тело. Но я также должен был учесть тот факт, что, занимаясь сновидением, я научился входить в состояние совершенного спокойствия. Я мог отключать свой внутренний диалог и оставаться как бы внутри кокона, выглядывая через дырочку. В таком состоянии я мог или отбросить часть имеющегося контроля и войти в состояние сновидения, или держаться за этот контроль и оставаться пассивным, без мыслей и желаний.

Однако я не думал, чтобы это было в данном случае таким уж значимым фактором. Я считал катализатором присутствие Ла Горды. По моему мнению, именно мои чувства по отношению к ней создали условия для видения.

Ла Горда застенчиво засмеялась, когда я рассказал ей, что я думаю.

– Я не согласна с тобой, – сказала она. – Я думаю, случилось то, что твое тело начало вспоминать.

– Что ты имеешь в виду, Ла Горда? – спросил я.

Последовала длинная пауза. Казалось, она не то боролась с собой, чтобы сказать то, чего она не хочет говорить, не то пыталась найти подходящие слова.

– Я знаю так много всего, – сказала она, – и в то же время не знаю, что я знаю. Я помню так много, что не могу вспомнить ничего. Я думаю, что ты сам в таком же положении.

Я заверил ее, что я этого не осознаю. Она не поверила мне.

– Временами я действительно верю, что ты не знаешь, – сказала она. – Но иногда мне кажется, что ты играешь с нами. Нагуаль рассказывал нам, что он сам тоже не знал. Мне теперь вспоминается многое из того, что он говорил о тебе.

– Что это значит, что мое тело стало вспоминать? – настаивал я.

– Не спрашивай об этом, – сказала она с улыбкой. – Я не знаю, что ты должен вспоминать и на что похоже это воспоминание. Я сама никогда не делала этого. Я знаю только лишь это.

– Есть ли кто-нибудь среди учеников, кто мог бы рассказать мне об этом? – спросил я.

– Никого, – ответила она. – Я думаю, что это я курьер к тебе. Курьер, который в этот раз может принести тебе только половину послания.

Она поднялась и попросила меня ехать назад в ее город. Я был слишком взволнован, чтобы ехать тут же. Мы погуляли по площади. В конце концов мы сели на другую скамейку.

– Тебе не кажется странным то, с какой легкостью мы можем видеть вместе? – спросила Ла Горда.

Я не знал, что она имеет в виду, поэтому медлил с ответом.

– Что бы ты сказал, если я скажу тебе, что, по моему мнению, мы уже раньше видели вместе? – спросила она, осторожно подбирая слова.

Я не мог понять, что она имеет в виду. Она повторила вопрос, но я все еще не видел в нем смысла.

– Когда мы могли видеть вместе раньше? – спросил я. – Твой вопрос не имеет смысла.

– В том-то и беда – он не имеет смысла, и в то же время я чувствую, что мы видели вместе раньше.

Я почувствовал озноб и поднялся. Я опять вспомнил ощущение, которое было у меня в том городе. Ла Горда открыла рот, но остановилась на полуслове. Она посмотрела на меня ошеломленно, приложила руку к моим губам, а затем буквально потащила меня к машине.

Я вел машину всю ночь. Я хотел разговаривать, анализировать, но она заснула, как если бы намеренно избегала всякого обсуждения. Конечно, она была права. Из нас двоих она была тем, кто понимал опасность рассеивания настроения из-за чрезмерного анализа его.

Когда мы вышли из машины, приехав к ее дому, она сказала, что мы вообще не должны разговаривать о происшедшем в Оахаке.

– Но почему, Ла Горда? – спросил я.

– Я не хочу тратить нашу силу, – сказала она. – Это – путь мага. Никогда не растрчивай свои достижения.

– Но если мы не будем говорить об этом, мы никогда не узнаем, что в действительности случилось с нами, – запротестовал я.

– Мы должны молчать, по крайней мере, девять дней, – сказала она.

– Разве мы не можем поговорить об этом между собой? – спросил я.

– Разговор между собой – это как раз то, чего мы должны избегать. Мы уязвимы. Мы должны дать себе время оправиться.

Глава 3

Почти воспоминания другого "я"

– Не скажешь ли ты, что происходит? – спросил меня Нестор, когда мы собрались вечером. – Куда вы вдвоем вчера ездили?

Я забыл рекомендации Ла Горды не говорить о случившемся, и начал рассказывать, что мы поехали сначала в ближайший городок и обнаружили там крайне интригующий дом.

Всех их, казалось, охватила внезапная дрожь. Они встрепонулись, посмотрели друг на друга, а затем на Ла Горду, как бы ожидая, что она сообщит об этом.

– Что это за дом? – спросил Нестор.

Прежде, чем я успел ответить, Ла Горда прервала меня. Она начала рассказывать торопливо и почти бессвязно. Мне было ясно, что она импровизирует. Она вставляла в речь слова и фразы на языке масатек, украдкой бросая на меня взгляды, в которых содержалась молчаливая просьба ничего не говорить об этом.

– Как насчет твоего сновидения, Нагуаль? – спросила она с облегчением человека, выпутавшегося из трудного положения. – Нам хотелось бы знать все, что ты делаешь. Я думаю, очень важно, чтобы ты рассказал нам об этом.

Она наклонилась вперед и еле слышно, как только могла, прошептала мне на ухо, что из-за того, что произошло с нами в Оахаке, я должен рассказать им о своем сновидении.

– Почему это так важно для вас? – спросил я громко.

– Я думаю, мы очень близки к завершению, – бесстрастно сказала Ла Горда. – Все, что ты скажешь или сделаешь, представляет для нас сейчас величайшую важность.

Я рассказал им содержание того, что считал своим настоящим сновидением. Дон Хуан говорил мне, что нет смысла особенно выделять попытки. Он дал мне следующее основное правило: я должен уделять чему-либо особое внимание, только если увижу его не меньше трех раз. В остальных же случаях все попытки будут просто ступенью в построении второго внимания.

Однажды я сновидел, что проснулся и выскочил из постели, тут же обнаружив самого себя спящим на кровати. Я посмотрел на себя и сохранил достаточно самообладания, чтобы вспомнить, что я нахожусь в сновидении. Тогда я последовал указаниям дона Хуана, состоявшим в том, чтобы избегать внезапных потрясений и относиться ко всему критически. Сновидящий, говорил дон Хуан, должен быть бесстрастным экспериментатором. Вместо того, чтобы рассматривать свое спящее тело, сновидящий выходит из комнаты.

Непонятно как я внезапно оказался снаружи комнаты. У меня было совершенно отчетливое впечатление, что я оказался там мгновенно. Когда я впервые оказался за дверью, то холл и лестница показались мне громадными. Если что-то и испугало меня той ночью, так это размеры тех сооружений, которые в реальной жизни были вполне нормальными. Холл был около пятнадцати метров длиной, лестница в 16 ступенек. Я не мог представить себе, как преодолеть те огромные расстояния, которые я воспринимал. Я колебался, а затем что-то заставило меня двигаться. Однако я не шел, я не чувствовал своих шагов. Совершенно неожиданно я оказался держащимся за перила. Я мог видеть кисти и предплечья своих рук, но не чувствовал их. Я удерживался при помощи какой-то силы, никак не связанной с моей мускулатурой. То же самое произошло, когда я попытался спуститься с лестницы. Я не знал, как ходить, я просто не мог сделать ни шагу, будто мои ноги были склеены вместе. Наклоняясь вперед, я видел свои ноги, но не мог двинуть ими ни вперед, ни назад, ни вбок, не мог поднять их к груди. Казалось, я прирос к верхней ступеньке. Я чувствовал себя чем-то вроде пластмассовых куколок, которые могут наклоняться в любом направлении до тех пор, пока не примут горизонтального положения, лишь для того, чтобы вес их тяжелого округлого основания вновь вернул их в вертикальное положение.

Я сделал громадное усилие, чтобы идти, и зашлепал со ступеньки на ступеньку, как плохо накачанный мяч. Мне потребовалось невероятное внимание, чтобы добраться до первого этажа. Я никак иначе не мог этого описать. Для того, чтобы удержать границы видимого мной мира, чтобы предотвратить его распад на мимолетные картины обычного сна, требовалась определенная форма внимания.

Когда я, наконец, добрался до входной двери, я не мог ее открыть. Я пытался отчаянно, но безуспешно. Затем я вспомнил, что выбрался из своей комнаты, выскользнув из нее, как если бы дверь была открыта. Мне понадобилось только вспомнить то чувство выскальзывания, и внезапно я оказался уже на улице. Было темно. Непроницаемый свинцовый мрак не позволял мне воспринимать какие-либо цвета. Весь мой интерес был тотчас прикован к широкому полю яркого света передо мной на уровне глаз. Я, скорее, вычислил, чем вспомнил, что это уличный фонарь, поскольку сообразил, что такой фонарь находился за углом в шести метрах над землей. Тут я понял, что не могу необходимым образом настроить свое восприятие для того, чтобы судить, где верх, где низ, где здесь, где там. Все казалось необычно присутствующим. У меня не было механизма, как в обычной жизни, чтобы настроить свое восприятие. Все находилось на переднем плане, а у меня не было возможности по своей воле сконструировать адекватную процедуру осмотра того, что я воспринимал.

Ошеломленный, я находился на улице, пока у меня не появилось ощущение, что я левитирую. Я удерживался за металлический столб, на котором висели фонарь и дорожный знак. Сильный ветер поднимал меня вверх. Я скользил вверх по столбу, пока не смог ясно разобрать название улицы: Эштон.

Несколько месяцев спустя, когда я опять оказался в сновидении, созерцая свое спящее тело, я уже знал, что мне нужно сделать. В ходе своих регулярных сновидений я узнал, что здесь значение имеет волевое усилие, а сама материальность тела не существенна. Именно память тормозит сновидящего. Я без колебаний выскользнул из комнаты, так как мне не нужно было ни открывать дверей, ни ходить для того, чтобы двигаться. Холл и

лестница уже не казались мне такими огромными, как в первый раз. Я проскользнул с большей легкостью и оказался на улице, где повелел себе передвинуться на три квартала дальше. Я воспринимал фонари как очень беспокоящее зрелище. Если я фокусировал на них свое внимание, они разливались неизмеримыми озерами света. Остальные элементы этого сновидения контролировать было легко. Дома казались необыкновенно большими, но их очертания были знакомыми. Я колебался, что делать дальше. Затем я совершенно неожиданно понял, что если я буду не рассматривать предметы, а только поглядывать на них мельком, как мы это делаем в повседневной жизни, то смогу привести свое восприятие в порядок. Другими словами, если я буквально следовал советам дона Хуана и принимал свое сновидение как само собой разумеющееся, то я мог пользоваться способами восприятия, присущими повседневной жизни. Через несколько секунд окружающее стало контролируемым, хотя и не полностью знакомым.

В следующий раз, когда у меня было подобное сновидение, я отправился в свою любимую кофейню на углу. Причина, по которой я ее выбрал, состояла в том, что каждое утро я ходил туда. В своем сновидении я увидел знакомую официантку, обслуживавшую рабочих кладбища. Я разглядел нескольких человек, которые ели за стойкой, а в самом углу заметил любопытное лицо человека, которого видел каждый день бесцельно бродящим по дорожкам между университетских корпусов. Он был единственным, кто действительно взглянул на меня. В ту же секунду, когда я вошел, он почувствовал это, как мне показалось. Он повернулся и уставился на меня.

Несколько дней спустя рано утром я в бодрствующем состоянии в том же кафе встретил этого человека. Он бросил на меня взгляд и, по-видимому, узнав меня, сильно испугался и стремглав убежал, не дав мне возможности заговорить с ним.

Когда я еще раз посетил это кафе в сновидении, характер последнего изменился. Пока я наблюдал за этим рестораником через улицу, вид стал совершенно иным. Я больше не видел знакомых домов, вместо этого перед моими глазами была картина

первозданной природы. Стоял погожий день, и я смотрел на заросшую долину. Болотистые темно-зеленые, похожие на тростник растения покрывали все. Рядом со мной находился выступ скалы двух-трех метров высотой. На нем сидел громадный саблезубый тигр. Я окаменел. Долгое время мы пристально смотрели друг на друга.

Размеры хищника были поразительными, однако он не выглядел ни гротескным, ни непропорциональным. У него была великолепная голова, большие глаза цвета темного меда, массивные лапы, широченная грудная клетка. Самое большое впечатление на меня произвела окраска его шкуры. Она была равномерно-темно-коричневая, почти шоколадная. Цвет меха напоминал поджаренные кофейные зерна, только мех еще и блестел, шерсть была длинной, но гладкой и чистой. Она не была похожа на мех пумы, волка или даже белого медведя. Мех выглядел похожим на что-то, никогда мною не виданное.

С тех пор для меня стало обычным видеть этого тигра. Временами сцена была облачной и холодной, и я мог видеть дождь, обильный проливной дождь. Временами же долина была залита солнцем. Довольно часто я замечал там и других саблезубых тигров. Я мог слышать их своеобразный повизгивающий рев – крайне неприятный для меня звук.

Тигр ни разу не тронул меня. Мы смотрели друг на друга с расстояния трех-четырех метров. Тем не менее, я понимал, чего он от меня хочет. Он показывал мне особый способ дыхания. Я уже дошел в своих сновидениях до такой точки, когда мог так хорошо имитировать дыхание тигра, что даже чувствовал, как сам превращаюсь в тигра. Я рассказал другим ученикам, что ощутимым результатом тех сновидений было то, что мое тело стало более мускулистым.

Выслушав мой отчет, Нестор поразился, насколько их сновидения отличались от моих. У них были различные задачи сновидения. Его задачей было находить лекарства от болезней человеческого тела. Задача Бениньо – предсказывать, предвидеть и находить решения всего, что касалось человека. Задачей Паблито

было учиться строить. Нестор сказал, что именно эти задачи были причиной того, что он занимался лекарственными растениями, Бениньо был оракулом, а Паблито – плотником. Он добавил, что до сих пор они касались только поверхности сновидений и ни о чем существенном говорить пока не могут.

– Ты, может быть, подумаешь, что мы сделали много, – продолжал он, – но это не так. Хенаро и Нагуаль сделали все для нас и этих четырех женщин. Самостоятельно же мы еще ничего не сделали.

– Похоже на то, что Нагуаль настраивал тебя иначе, чем нас, – сказал Бениньо очень медленно и значительно. – Ты, должно быть, был тигром, и опять определенно превратишься в него. Именно это произошло с Нагуалем. Он уже был вороной и еще в этой жизни опять превратился в нее.

– Проблема в том, что такого вида тигров больше не существует, – сказал Нестор. – Мы никогда не слышали, что бывает в таких случаях. – Он повел головой, как бы говоря от имени всех присутствующих.

– Я знаю, что происходит, – сказала Ла Горда. – Я помню, как Нагуаль называл это сновидением призрака. Он говорил, что никто из нас никогда не совершал сновидения призрака, потому что в нас нет разрушения и насилия. Он сам его никогда не совершал. И он сказал, что тот, кто сделает его, отмечен судьбой иметь помощников среди призраков и союзников.

– Что это значит? – спросил я у Ла Горды.

– Это значит, что ты не такой, как мы, – ответила она мрачно.

Ла Горда казалась очень возбужденной. Она поднялась и несколько раз прошлась по комнате, прежде чем села рядом со мной.

В разговоре наступил перерыв. Хосефина бормотала что-то невразумительное. Она тоже казалась очень нервной. Ла Горда пыталась успокоить ее, обняв и поглаживая по спине.

– У Хосефины есть кое-что для тебя об Элихио, – сказала она мне.

Все вопросительно посмотрели на Хосефину.

– Несмотря на тот факт, что Элихио исчез с лица земли, – продолжала Ла Горда, – он все еще один из нас, и Хосефина все время разговаривает с ним.

Все сразу стали очень внимательными и, переглянувшись, посмотрели на меня.

– Они встречаются в сновидении, – драматическим тоном сказала Ла Горда.

Хосефина глубоко вздохнула. Она казалась воплощением нервозности. Ее тело непроизвольно тряслось. Паблито уложил ее на пол, лег на нее и стал энергично дышать диафрагмой, заставляя ее дышать в унисон с ним.

– Что он делает? – спросил я Ла Горду.

– Разве ты не видишь? – резко ответила она.

Я прошептал, что понимаю, что он хочет ее расслабить, но эта процедура для меня вновь. Она сказала, что Паблито передает Хосефине энергию, поместив среднюю часть тела, где у мужчин ее избыток, напротив матки Хосефины, где женщины хранят энергию.

Хосефина села и улыбнулась мне. Она выглядела совершенно расслабленной.

– Я действительно все время встречаю Элихио, – сказала она. – Он ждет меня каждый день.

– Как получилось, что ты никогда об этом не говорила? – спросил Паблито недовольным тоном.

– Она говорила мне, – вмешалась Ла Горда, а затем принялась пространно объяснять, как много значит для всех нас доступность

Элихио. Она добавила, что ожидала от меня знака, чтобы передать слова Элихио.

– Не ходи вокруг да около, женщина, – закричал Паблито. – Скажи нам, что он говорил.

– Эти слова не для тебя! – воскликнула Ла Горда.

– Для кого же они тогда? – спросил Паблито.

– Они для Нагуаля, – указав на меня, прокричала она.

Ла Горда извинилась, что повысила голос. Она сказала, что все, что говорил Элихио, было сложным, загадочным и она не может в этом разобраться.

– Я просто слушала его, это все, что я могла делать – просто слушать его.

– Ты хочешь сказать, что тоже встречала Элихио? – спросил Паблито голосом, в котором была смесь гнева и ожидания.

– Да, – ответила Ла Горда почти шепотом. – Я не могла об этом говорить, потому что я должна была ждать его.

Она указала на меня, а затем толкнула меня обеими руками. Я потерял равновесие и шлепнулся на бок.

– Что это такое? Что ты с ним делаешь? – спросил Паблито очень сердито. – Это что – проявление индейской любви?

Я повернулся к Ла Горде. Она сделала знак, чтобы я успокоился.

– Элихио сказал, что ты – Нагуаль, но ты не для нас, – сказала Хосефина.

В комнате воцарилась мертвая тишина. Я не знал, как воспринимать заявление Хосефины. Я ждал, пока заговорит кто-нибудь еще.

– Ты чувствуешь облегчение? – испытующе спросила меня Ла Горда.

Я сказал им, что у меня вообще нет никакого мнения. Они выглядели ошеломленными детьми. У Ла Горды был вид хозяйки церемонии, которая совершенно растерялась.

Нестор поднялся и посмотрел на Ла Горду. Он сказал ей что-то на языке масатек. Это звучало как приказание или упрек.

– Расскажи нам все, что ты знаешь, – продолжал он по-испански. – Ты не имеешь права играть с нами и держать при себе нечто, столь важное.

Ла Горда запротестовала. Она сказала, что утаила все, что знала, по просьбе Элихио. Хосефина кивком подтвердила ее слова.

– Он говорил все это тебе или Хосефине? – спросил Паблито.

– Мы были вместе, – сказала Ла Горда едва слышным шепотом.

– Ты хочешь сказать, что вы с Хосефиной были вместе в сновидении? – У Паблито перехватило дыхание. Удивление в его голосе соответствовало тому потрясению, которое, казалось, прокатилось по остальным.

– Что в точности сказал Элихио вам двоим? – спросил Нестор, когда прошел шок.

– Он сказал, что я должна попытаться помочь Нагуалью вспомнить левую сторону, – сказала Ла Горда.

– Ты понимаешь, о чем она говорит? – спросил меня Нестор.

Было бы невероятно, если бы я понимал. Я сказал, чтобы они обратились за ответом к самим себе. Но никто из них не высказал никаких предположений.

– Он говорил Хосефине и другие вещи, которых она не может вспомнить, – сказала Ла Горда. – Поэтому мы действительно в затруднении. Элихио сказал, что ты определенно Нагуаль и что ты

должен нам помочь, но что ты не для нас. Только вспомнив свою левую сторону, ты сможешь взять нас туда, куда мы должны идти.

Нестор заговорил с Хосефиной отеческим тоном, побуждая ее вспомнить, что именно сказал Элихио. Он не настаивал на том, чтобы я вспоминал что-то, что, видимо, было каким-то кодом, поскольку никто из нас не видел в этом никакого смысла. Хосефина морщилась и хмурилась, как если бы на нее давил тяжелый груз – она и на самом деле выглядела, как тряпичная кукла, которую расплющили. Я заморожено наблюдал за этим.

– Не могу, – сказала она, наконец. – Когда он со мной разговаривает, я знаю, что он говорит, но сейчас я не могу вспомнить. Не выходит.

– Не помнишь ли ты каких-нибудь слов? – спросил Нестор. – Просто каких-нибудь отдельных слов?

Она закричала, высунув язык и одновременно покачав из стороны в сторону головой.

– Нет, – сказала она через секунду.

– Какого рода сновидениями ты занимаешься? – спросил я.

– Только теми, которые знаю, – бросила она.

– Я рассказывал тебе, как я делаю свои, – сказал я. – Теперь расскажи мне о своих.

– Я закрываю глаза и вижу стену, похожую на стену тумана; там меня ждет Элихио. Он проводит меня сквозь нее и, наверное, показывает мне всякие вещи. Я не знаю, что мы делаем, но мы что-то делаем вместе, потом он возвращает меня к стене и отпускает. Затем я возвращаюсь назад и забываю увиденное.

– Как случилось, что ты пошла с Ла Гордой? – спросил я.

– Элихио велел мне взять ее, – сказала она. – Мы вдвоем подождали Ла Горду и, когда она вошла в сновидение, схватили ее и протолкнули сквозь стену. Мы делали это дважды.

– Как вы схватили ее? – спросил я.

– Не знаю, – сказала Хосефина. – Но я подожду тебя в твоём сновидении, и тогда ты узнаешь.

– Ты можешь схватить любого? – спросил я.

– Конечно, – ответила она, улыбаясь. – Но я не делаю этого, потому что это не нужно. Я схватила Ла Горду, ибо Элихио говорил мне, что ему нужно ей что-то сказать, поскольку она более здравомыслящая, чем я.

– Тогда Элихио говорил тебе то же самое, Ла Горда, – сказал Нестор с непривычной для меня твердостью.

Ла Горда сделала необычный жест, открывая рот, опуская голову, одновременно пожимая плечами и поднимая руки над головой.

– Хосефина рассказала тебе, что происходило, – сказала она. – Я не могу вспомнить. Элихио изъясняется на другой скорости. Он говорит, но мое тело не понимает его. Нет, нет... Мое тело не может вспомнить, вот в чем дело. Я лишь знаю, что он сказал, будто Нагуаль, который здесь, вспомнит и возьмет нас туда, куда нужно идти. Он не мог сказать больше, потому что сказать нужно было много, а времени было мало. Он сказал, что кто-то, но я не помню, кто именно, ждет меня.

– Это все, что он сказал? – наседал Нестор.

– Когда я увидела его вторично, он сказал, что все мы должны будем вспомнить свою левую сторону, рано или поздно, если мы хотим попасть туда, куда нам надо идти. Но вот он должен вспомнить первым.

Она указала на меня и опять толкнула меня, как и раньше. Сила ее толчка заставила меня покатиться, как мяч.

– Зачем ты это делаешь, Ла Горда? – спросил я недовольно.

– Я пытаюсь помочь тебе вспомнить, – сказала она. – Нагуаль говорил, что тебя надо время от времени толкать, чтобы ты встряхнулся.

Совершенно внезапно Ла Горда обняла меня.

– Помоги нам, Нагуаль, – попросила она. – Если ты этого не сделаешь, то мы будем хуже мертвецов.

Я был близок к слезам, но не столько из-за них, сколько потому, что почувствовал, как что-то зашевелилось внутри меня. Это было что-то такое, что все время прорывалось наружу с тех пор, как мы посетили тот город. Мольба Ла Горды разрывала мне сердце. У меня опять начался приступ чего-то, похожего на гипервентиляцию. Я весь покрылся холодным потом. Затем у меня разболелся живот. С исключительной добротой Ла Горда ухаживала за мной.

Верная своей тактике выжидания, Ла Горда не хотела обсуждать наше совместное видение в Оахаке. Целыми днями она оставалась отстраненной и решительно незаинтересованной. Она не собиралась обсуждать и то, почему мне стало плохо. Так же поступали и остальные женщины. Дон Хуан обычно подчеркивал необходимость дожидаться наиболее подходящего времени для того, чтобы выпустить то, что мы держим. Я понял технику действий Ла Горды, но был недоволен ее упорством в ожидании. Это не соответствовало нашим интересам. Я не мог надолго остаться с ними, и поэтому потребовал, чтобы мы собрались вместе и поделились тем, что знали. Она была непреклонна.

– Мы должны ждать, – сказала она. – Мы должны дать нашим телам шанс добраться до решения. Наша задача – вспомнить не умом, а телом. Все понимают это именно так.

Она испытующе посмотрела на меня. Она, казалось, высматривала намек, который подсказал бы ей, что я тоже понял

задачу. Я признал, что нахожусь в полном недоумении с тех пор, как оказался в стороне. Я был один, в то время как все они поддерживали друг друга.

– Это молчание воинов, – сказала она, смеясь, а затем добавила примирительно: – Это молчание не означает, что мы не можем разговаривать о чем-нибудь другом.

– Может, мы вернемся к нашему обсуждению потери человеческой формы? – спросил я.

В ее взгляде было недовольство. Я многословно пояснил, что должен точно понимать значение всего, в особенности, когда применяются незнакомые подходы.

– Что именно ты хочешь узнать? – спросила она.

– Что угодно. Все, что ты только захочешь мне рассказать.

– Нагуаль говорил, что потеря человеческой формы приносит свободу, – сказала она. – Я верю этому, но пока не ощущаю этой свободы.

Последовала минута молчания. Она явно оценивала мою реакцию.

– О какой свободе ты говоришь, Ла Горда? – спросил я.

– О свободе вспомнить самого себя, – сказала она. – Нагуаль говорил, что потеря человеческой формы подобна спирали. Она дает свободу вспоминать, а это, в свою очередь, делает тебя еще более свободным.

– Почему ты все еще не чувствуешь этой свободы? – поинтересовался я.

Она прищелкнула языком и пожала плечами. Казалось, она была в затруднении, или не желала продолжать наш разговор.

– Я связана с тобой, – сказала она. – До тех пор, пока ты не потеряешь свою человеческую форму, чтобы вспомнить, я не смогу

узнать, что эта свобода означает. Но, быть может, ты не сможешь потерять ее до тех пор, пока не вспомнишь. Во всяком случае, нам не следует об этом разговаривать. Почему ты не пойдешь и не поговоришь с Хенарос?

Это прозвучало так, будто мать отправляет своего приставучего ребенка пойти погулять, но я не обиделся. Если бы так сказал кто-нибудь другой, я легко мог бы принять это за высокомерие или презрение. Мне нравилось быть с ней, в этом все дело.

Я нашел Паблито, Нестора и Бениньо в доме Хенаро, занятых странной игрой. Паблито болтался в полутора метрах над землей, заключенный во что-то вроде кожаного корсета или сбруи, прикрепленной к его груди и подмышкам. Корсет напоминал толстый кожаный жилет.

Посмотрев пристальней, я заметил, что Паблито в действительности стоит на толстых петлях, свисавших с его жилета, подобно стремянам. Он был подвешен в центре комнаты на двух веревках, перекинутых через толстую круглую потолочную балку. Каждая веревка была прикреплена к корсету над плечами Паблито с помощью металлического кольца. Натягивая веревку, Нестор и Бениньо держали Паблито в воздухе, стоя лицом к лицу. Паблито изо всех сил держался за два толстых шеста, укрепленных в земле и удобно входивших в его стиснутые ладони. Нестор стоял слева от Паблито, а Бениньо справа. Игра походила на трехстороннее перетягивание каната, на отчаянную борьбу между тянущими и подвешенным.

Когда я вошел в комнату, было слышно только тяжелое дыхание Паблито и Нестора. Мышцы у них на руках и шее вздулись от напряжения. Паблито пристально следил за обоими, попеременно поглядывая на каждого. Все трое настолько ушли в свою игру, что не заметили моего появления. А если и заметили, то были настолько сосредоточенными, что не могли оторваться.

В течение десяти-пятнадцати минут Нестор, Бениньо и Паблито пристально смотрели друг на друга в полном молчании. Затем Нестор притворился, что отпускает свою веревку. Бениньо на

это не попался, а Паблито поверил. Он усилил свою хватку левой рукой и зацепился ногами за шесты, чтобы укрепить свое положение. Бениньо воспользовался этим моментом и сделал могучий рывок как раз в то мгновение, когда Паблито ослабил свою хватку. Рывок Бениньо застал Паблито и Нестора врасплох. Бениньо всем телом повис на веревке. Нестор был перетянут; Паблито отчаянно пытался уравновеситься, но все было напрасно – Бениньо победил.

Паблито выбрался из корсета и подошел ко мне. Я спросил его об их необычной игре. Ему, по-видимому, не хотелось рассказывать. Нестор и Бениньо присоединились к нам после того, как отложили свои приспособления. Нестор сказал, что игра была изобретением Паблито, который обнаружил такую конструкцию в своем сновидении, а затем построил ее как игру. Сначала устройство было рассчитано на двоих, но впоследствии сновидение Бениньо позволило переделать игру так, чтобы мышцы напрягали все трое. Они также обостряли зрительную реакцию, пребывая в состоянии бдительности иногда часами.

– Теперь Бениньо считает, что это помогает нашим телам вспоминать, – продолжал Нестор. – Ла Горда, например, чертовски здорово играет в эту игру. Она выигрывает всегда, в каком бы положении ни находилась. Бениньо говорит, что это потому, что ее тело помнит.

Я спросил, есть ли у них правило молчания. Они рассмеялись. Паблито сказал, что Ла Горда больше всего хочет походить на Нагуаля. Она намеренно подражает ему вплоть до самых нелепых деталей.

– Вы не будете против, если мы поговорим о том, что произошло той ночью, – спросил я почти в замешательстве, поскольку Ла Горда решительно возражала против этого.

– Нам все равно, – сказал Паблито. – Ты – Нагуаль.

– Бениньо тут вспомнил кое-что действительно таинственное, – сказал Нестор, не глядя на меня.

– Сам-то я думал, что это сон, просто запутанный сон, – сказал Бениньо, – но Нестор считает иначе.

Я с нетерпением ждал и кивком головы попросил их продолжать.

– Прошлой ночью он вспомнил, как ты учил его искать следы на мягкой почве, – сказал Нестор.

– Должно быть, это был сон, – сказал я. Я хотел рассмеяться, ибо это был абсурд, но все трое умоляюще смотрели на меня.

– Чепуха, – добавил я.

– В любом случае, я лучше расскажу тебе, что у меня тоже были похожие воспоминания, – сказал Нестор. – Ты водил меня к каким-то скалам и показывал, как надо прятаться. У меня это не было сном. Я бодрствовал. Я шел с Бениньо за растениями и внезапно вспомнил, как ты учил меня. Поэтому я спрятался так, как ты мне показывал, и напугал Бениньо до полусмерти.

– Я учил тебя! – воскликнул я. – Как это может быть?! Когда?

Я начал нервничать. По-видимому, они не шутили.

– Когда? В том-то и дело, – сказал Нестор. – Мы не можем сказать – когда. Но и я, и Бениньо знаем, что это был ты.

Я чувствовал подавленность, дышать было трудно. Я боялся, что мне опять станет плохо. Я решился тут же сообщить о нашем с Ла Гордой совместном видении, и, рассказывая об этом, расслабился. В конце рассказа я уже обрел контроль над собой.

– Нагуаль Хуан Матус оставил нас чуть приоткрытыми, – сказал Нестор. – Все мы немножко видим. Мы видим дыры у людей, у которых были дети, а также время от времени мы видим небольшое сияние в людях. Поскольку ты не видишь совсем, то, похоже, что Нагуаль оставил тебя совершенно закрытым для того, чтобы ты сам открылся изнутри. Теперь ты помог Ла Горде, и она не то видит изнутри, не то выезжает на тебе.

Я возразил, что происшедшее в Оахаке могло быть случайностью.

Паблито решил, что нам следует пойти на излюбленную скалу дона Хенаро и посидеть там, сблизив головы вместе. Двое остальных нашли его идею блестящей. Я не возражал. Мы сидели там очень долго, но ничего не произошло. Тем не менее, это нас очень расслабило.

Пока мы сидели на скале, я рассказал им о двух людях, которые, по мнению Ла Горды, были доном Хуаном и доном Хенаро. Они соскочили с камня и буквально потащили меня в дом Ла Горды. Нестор был возбужден больше всех. Он был почти невменяем. Единственное, чего я смог от него добиться, – что все они ждали такого знака.

Ла Горда ожидала нас у двери. Она знала, что я им все рассказал.

– Я просто хотела дать своему телу время, прежде чем мы успеем что-то сказать. Я должна была быть совершенно уверена, и теперь это так. Это были Нагуаль и Хенаро.

– Что находится в тех бараках? – спросил Нестор.

– Они не вошли туда, – сказала Ла Горда. – Они ушли в сторону открытых полей, в сторону востока, в направлении этого города.

Казалось, она хотела их успокоить. Она просила их остаться, но они отказались, извинились и вышли. Я был уверен, что они чувствовали себя неловко в ее присутствии. Она выглядела очень сердитой. Я наслаждался взрывом ее эмоций, и это было совершенно нетипично для меня. Обычно я чувствовал себя взвинченным в присутствии взволнованного человека, но Ла Горда в данном случае была загадочным исключением.

Вечером мы собрались в комнате Ла Горды. Все они казались озабоченными. Все сидели молча, уставившись в пол. Ла Горда

попыталась начать разговор. Она сказала, что не бездельничала, и, сложив два и два, получила ответ.

– Дело не в том, чтобы сложить два и два, – сказал Нестор. – Это задача вспоминания телом.

Похоже было, что они переговорили между собой, судя по тем кивкам согласия, которые Нестор получил от остальных. Это поставило меня и Ла Горду в положение посторонних.

– Лидия тоже помнит кое-что, – продолжал Нестор. – Она считала это своей глупостью, но, услышав о том, что вспомнил я, она рассказала нам, что вот этот Нагуаль отвез ее к лекарю и оставил там, чтобы она вылечила свои глаза.

Мы с Ла Гордой повернулись к Лидии. Она опустила голову, как будто в смущении, и что-то бормотала. Похоже, что воспоминание было слишком болезненным для нее. Она сказала, что когда дон Хуан впервые нашел ее, ее глаза были так поражены инфекцией, что она не могла видеть. Кто-то отвез ее на машине очень далеко к лекарю, который и вылечил ее. Она всегда была убеждена, что это сделал дон Хуан, но, услышав мой голос, поняла, что именно я возил ее туда. Нелепость таких воспоминаний бросала ее в дрожь уже с первого дня, как она меня встретила.

– Мои уши не лгут мне, – добавила Лидия после молчания. – Именно ты отвез меня туда.

– Невозможно! Невозможно! – закричал я.

Мое тело начало бесконтрольно трястись. У меня появилось ощущение раздвоенности. Вероятно, та часть меня, которую я называл рациональным собой, не могла больше контролировать всего меня и заняла место зрителя. Какая-то часть меня наблюдала за тем, как другая часть меня тряслась.

Глава 4

Пересечение границ привязанности

– Что с нами происходит, Горда? – спросил я, когда остальные ушли.

– Наши тела вспоминают, но я не могу понять, что именно, – сказала Ла Горда.

– Ты веришь в воспоминания Лидии, Нестора и Бениньо?

– Конечно. Они серьезные люди, и ничего не говорят просто ради болтовни.

– Но то, что они говорят, невозможно. Мне-то ты веришь, Ла Горда?

– Я верю, что ты не помнишь, но тогда...

Она не договорила. Она подошла ко мне и зашептала на ухо. Она сказала, что имеется нечто такое, о чем Нагуаль взял с нее обещание не говорить, пока не придет нужное время. Козырной картой нужно пользоваться только тогда, когда нет другого выхода. Драматическим шепотом она добавила, что Нагуаль предвидел их новый уклад жизни, который явился результатом того, что я взял Хосефину в Тулу, чтобы она была вместе с Паблито. Она сказала, что существует ничтожный шанс, что мы добьемся успеха как группа, если последуем естественному ходу такой организации. Ла Горда объяснила, что, поскольку мы разделены на пары, мы образовали живой организм, мы стали змеей, гремучей змеей. У змеи четыре отдела, и он разделен на две продольные части, мужскую и женскую. Она сказала, что мы с ней образуем первую часть змея – голову. Это холодная, расчетливая, ядовитая голова. Вторая часть образована Нестором и Лидией. Это твердое, чистое сердце змеи. Третья – брюхо, подвижное, переменчивое, ненадежное, – оно образовано Паблито и Хосефиной. И четвертый отдел – хвост, где расположена «погремушка», – он образован парой,

которая в реальной жизни может греметь часами до бесконечности на своем языке тзотзил (tzotzil), – Бениньо и Розой.

Ла Горда выпрямилась, изменив позу, в которой она шептала мне на ухо. Она улыбнулась мне и похлопала меня по спине.

– Элихио сказал еще одно слово, которое сейчас вспомнилось мне, – продолжала она. – Хосефина согласна со мной, что он вновь и вновь повторял слово «тропа». Мы пойдем по тропе.

Не дав мне возможности задать ей какой-нибудь вопрос, она сказала, что собирается немного поспать, а затем собрать всех, чтобы отправиться в путешествие.

Мы вышли в полночь при ярком лунном свете. Сначала никто не хотел идти, но Ла Горда очень удачно представила им то описание змеи, которое дал дон Хуан. Перед выходом Лидия предложила, чтобы мы позаботились о провизии на случай, если путешествие затянется. Ла Горда отвергла ее предложение, возразив, что мы не знаем, какого рода путешествие ждет нас. Она сообщила, что Нагуаль однажды указал ей начало тропы и сказал, что при удобном случае мы должны собраться на этом месте и позволить силе тропы открыться нам. Ла Горда добавила, что это не обычная козья тропа, а естественная линия на земле, которая, по словам Нагуаля, может дать нам силу и знание, если мы сможем следовать по ней и стать с ней единым целым.

Мы двигались под смешанным руководством. Ла Горда дала нам толчок, а Нестор знал местность. Ла Горда привела нас к определенному месту в горах. После этого Нестор принял руководство и нашел тропу. Наше построение было очевидным, то есть голова вела, а остальные располагались соответственно анатомическому строению змеи: сердце, брюхо и хвост. Мужчины шли справа от женщин. Каждая пара шла в полутора метрах за предыдущей.

Мы шли так быстро и так неслышно, как только могли. Временами слышался лай собак, а когда мы поднялись выше в горы, осталось только пение сверчков. Мы шли долго. Внезапно Ла Горда остановилась и, схватив меня за руку, показала вперед.

В 20-30 метрах прямо посреди тропы высился силуэт громадного человека, около двух с половиной метров высотой. Он преграждал нам дорогу. Мы столпились гурьбой. Наши глаза были прикованы к темной фигуре. Она не двигалась. Некоторое время спустя Нестор сделал несколько шагов вперед. Лишь после этого фигура сдвинулась – навстречу нам. Каким бы громоздким ни выглядел человек, перемещался он плавно. Нестор бегом вернулся обратно. В тот момент, когда он присоединился к нам, человек остановился. Ла Горда сделала шаг в его направлении, и человек сделал шаг нам навстречу. Было очевидно, что если мы будем продолжать двигаться, мы столкнемся с ним. Мы были не чета гиганту, чем бы он ни был. Я взял на себя инициативу, толкнул всех назад и быстро увел с этого места.

Мы возвращались к дому Ла Горды в глубочайшем молчании. Обратный путь занял у нас несколько часов. Мы полностью выдохлись. Когда мы благополучно уселись в комнате Ла Горды, она заговорила.

– Мы обречены, – сказала она. – Эта штука, которую мы видели, была одним из твоих союзников, не так ли? Ты не хотел, чтобы мы двигались вперед. Твои союзники выскакивают из своих укромных мест, когда ты подталкиваешь их.

Я не ответил. Протестовать не было смысла. Я вспомнил, как много раз я сам считал, что дон Хуан и дон Хенаро были в сговоре друг с другом. Я думал, что пока дон Хуан разговаривал со мной в темноте, дон Хенаро переодевался для того, чтобы напугать меня, а дон Хуан утверждал потом, что меня пугают союзники. Сама мысль о существовании союзников или других сущностей, ускользающих от нашего повседневного внимания, была совершенно неприемлемой для меня. Но затем я на своем опыте убедился, что союзники, которых описывал дон Хуан, действительно существуют. В мире, как он говорил, полно всевозможных тварей.

Авторитетным тоном, крайне редким в моей повседневной жизни, я сказал Ла Горде и остальным, что у меня есть для них предложение, которое они вольны либо принять, либо нет.

Если они готовы двинуться отсюда, то я могу взять на себя ответственность и увести их в другое место. Если они не готовы, то я буду чувствовать себя свободным от каких-либо обязательств перед ними.

Я чувствовал прилив оптимизма и уверенности. Никто из них ничего не сказал. Они смотрели на меня молча, как бы взвешивая мое заявление.

– Сколько вам понадобится времени, чтобы собрать вещи? – спросил я.

– У нас нет вещей, – сказала Ла Горда. – Мы поедем как есть. И мы можем ехать прямо сейчас, сию же минуту, если это необходимо. Но если мы можем подождать еще три дня, то это было бы лучше для нас.

– Как насчет ваших домов? – спросил я.

– Об этом позаботится Соледад, – ответила она.

Впервые с тех пор, как я в последний раз видел донью Соледад, было упомянуто ее имя. Я настолько заинтересовался, что моментально забыл о драматизме текущего момента. Я сел. Ла Горда колебалась с ответами на вопросы о донье Соледад. Нестор вмешался и сказал, что Соледад где-то поблизости, но они очень мало знают о том, чем она занимается. Она приходит и уходит, никого не предупреждая. Между ними существовало соглашение, чтобы она присматривала за их домами, а они за ее. Донья Соледад знала, что рано или поздно им нужно будет уехать, и тогда она примет на себя ответственность и сделает все необходимое, чтобы избавиться от их собственности.

– Как вы дадите ей знать? – спросил я.

– Это дело Ла Горды, – ответил Нестор. – Она знает, где находится Соледад.

– Где донья Соледад, Ла Горда? – спросил я.

– Откуда, черт возьми, я могу знать это? – бросила Ла Горда.

– Но ведь именно ты всегда зовешь ее, – сказал Нестор.

Ла Горда посмотрела на меня. Это был мимолетный взгляд, но он поверг меня в дрожь. Я узнал этот взгляд, но откуда? Мои внутренности зашевелились. Солнечное сплетение стало твердым, как никогда. Моя диафрагма, казалось, давила вверх сама по себе. Я подумывал о том, не прилечь ли, когда внезапно оказался стоящим.

– Ла Горда не знает, – сказал я. – Только я знаю, где она находится.

Все были потрясены, и я, пожалуй, сильнее всех. Я сделал это заявление без всяких разумных на то оснований. Однако в тот момент, когда я его произносил, у меня была абсолютная уверенность, что я знаю, где она находится. Это было похоже на вспышку, промелькнувшую в моем сознании. Я увидел горный район с зазубренными сухими пиками, необитаемый и холодный. Как только я замолчал, следующей осознанной мыслью было, что я, по-видимому, видел этот ландшафт в кино и что нагрузка от пребывания с этими людьми вызвала у меня такой срыв. Я извинился, что ввел их в заблуждение, хотя и ненамеренно, и уселся.

– Ты хочешь сказать, что не знаешь, почему ты это сказал? – спросил меня Нестор. Он осторожно подбирал слова.

Естественнее было бы спросить, по крайней мере, для меня: «Значит, ты на самом деле не знаешь, где она находится?». Я сказал им, что на меня нашло что-то неизвестное. Я описал им местность, которую увидел, и ту нахлынувшую на меня уверенность, что донья Соледад находится именно там.

– Это происходит с нами довольно часто, – сказал Нестор.

Я повернулся к Ла Горде, и она кивнула головой. Я попросил ее объясниться.

– Эти сумасшедшие запутанные вещи все время приходят нам в голову, – сказала Ла Горда. – Спроси Лидию, Розу или Хосефину.

С тех пор, как они поселились парами, Лидия, Роза и Хосефина мало говорили со мной. Они ограничивались приветствиями или случайными репликами о пище или погоде.

Лидия избегала моего взгляда. Она пробормотала, что временами ей кажется, будто она помнит еще и другие вещи.

– Иногда я могу действительно ненавидеть тебя, – сказала она мне. – Я думаю, что ты притворяешься глупым, но потом я вспоминаю, что однажды ты очень заболел из-за нас. Это был ты?

– Конечно, это был он, – вмешалась Роза. – Я тоже вспоминаю разное. Я помню даму, которая была добра ко мне. Она учила меня, как держать себя в чистоте, а этот Нагуаль подстриг мне волосы в первый раз, пока она меня держала, потому что я была очень напугана. Эта дама любила меня. – Она была очень высокая. Я помню, что мое лицо прижималось к ее груди, когда она обнимала меня. Она была единственным человеком, который когда-либо заботился обо мне. Я бы с радостью приняла смерть ради нее.

– Кто была эта дама. Роза? – спросила Ла Горда, затаив дыхание.

Роза указала на меня подбородком, жестом, полным отвращения и недовольства.

– Он знает, – сказала она.

Все уставились на меня, ожидая ответа.

Я рассердился и заорал на Розу, что не ее дело лезть с заявлениями, которые в действительности являются обвинениями. Я никоим образом не лгал им.

На Розу не подействовала моя вспышка. Она спокойно объяснила, что помнит, как эта дама говорила ей, что я еще вернусь после того, как оправлюсь от своей болезни. Роза поняла это так, что

дама заботится и обо мне, лечит меня, и поэтому я должен знать, кто она такая и где она, поскольку я уже явно выздоровел.

– Что за болезнь была у меня, Роза? – спросил я.

– Ты заболел, потому что не мог удерживать свой мир, – сказала она очень убежденно. – Кто-то говорил мне, я думаю давным-давно, что ты не создан для нас, точно так же, как Элихио говорил Ла Горде в сновидениях. Поэтому ты нас и покинул, и Лидия так и не простила тебе этого. Она будет ненавидеть тебя и за границами этого мира.

Лидия запротестовала, сказав, что ее чувства не имеют ничего общего с тем, что говорит Роза. Она просто очень легко выходит из себя и сердится из-за моей глупости.

Я спросил Хосефину, помнит ли она меня тоже.

– Конечно, помню, – сказала она с улыбкой. – Но ты же знаешь, что я сумасшедшая. Мне нельзя верить. На меня нельзя положиться.

Ла Горда настаивала на том, чтобы Хосефина сказала о том, что она помнит. Хосефина была настроена не говорить ничего, и они спорили, пока, наконец, Хосефина не сказала мне:

– Какой толк от всех этих разговоров о воспоминаниях? Это лишь разговоры, они гроша ломаного не стоят.

Хосефина, казалось, высказалась за всех, больше говорить было не о чем. Они собирались уйти после того, как посидели в вежливом молчании еще несколько минут.

– Я помню, как ты покупал мне красивые платья, – внезапно сказала мне Хосефина. – Разве ты не помнишь, как я упала с лестницы в магазине? Я чуть не поломала ноги, и тебе пришлось меня нести.

Все опять сели, уставившись на Хосефину.

– Еще я помню одну сумасшедшую, она хотела побить меня и гонялась за мной, пока ты не рассердился и не остановил ее.

Я был очень раздражен. Все, казалось, уцепились за слова Хосефины, хотя сама она говорила, чтобы ей не верили, так как она сумасшедшая. Она была права. Ее воспоминания не имели для меня никакого смысла.

– Я тоже знаю, почему ты заболел, – сказала она. – Я была там, но не помню, где. Они взяли тебя сквозь стену тумана, чтобы разыскать эту глупую Ла Горду. Я думаю, она заблудилась. Ты не мог вернуть ее. Когда они принесли тебя назад, ты был почти мертв.

Молчание, последовавшее за ее словами, было гнетущим. Я уже просто боялся что-либо спрашивать.

– Я не могу вспомнить, ради чего она отправилась туда, и кто принес тебя оттуда. Я помню, что ты заболел и больше не мог узнать меня. Глупая Ла Горда клянется, что она не знала тебя, пока ты не пришел к нам в этот дом несколько месяцев назад. Я же узнала тебя сразу. Я помнила, что ты был Нагуаль, который заболел. Ты хочешь что-то узнать? Я думаю, эти женщины просто индольгируют, как и мужчины, особенно этот глупый Паблито. Они-то должны помнить, ведь они были там же.

– А ты помнишь, где мы были? – спросил я.

– Не помню, – сказала Хосефина. – Однако узнала бы, если бы ты меня туда привез. Когда мы были там, нас называли пьяницами, потому что мы нетвердо стояли на ногах. У меня голова кружилась меньше, чем у остальных, поэтому я помню довольно отчетливо.

– Кто называл нас пьяницами? – спросил я.

– Не тебя, только нас, – ответила Хосефина. – Я не помню, кто. Наверное, Нагуаль Хуан Матус.

Я посмотрел на них, и все отвели глаза.

– Мы подходим к концу, – пробормотал Нестор, как бы говоря сам с собой. – Наш конец уже смотрит нам в лицо.

Казалось, он был на грани слез.

– Я должен быть рад и горд, что мы прибыли к концу, и все же я печален. Не можешь ли ты объяснить это, Нагуаль?

Внезапно всех охватила печаль. Даже дерзкая Лидия загрустила.

– Что с вами случилось? – спросил я веселым тоном. – О каком конце вы говорите?

– Я думаю, каждый знает, что это за конец, – сказал Нестор. – В последнее время у меня были странные ощущения. Что-то зовет нас, а мы не можем отпустить, как должны. Мы цепляемся.

Паблито, как истинный кавалер, отметил, что Ла Горда единственная среди нас, кто ни за что не цепляется. Все остальные, заверил он меня, безнадежные эгоисты.

– Нагуаль сказал, что когда придет время, мы получим знак, – сказал Нестор. – Что-то такое, что нам действительно нравится, выйдет на передний план и возьмет нас.

– Он сказал, что это не обязательно должно быть что-то большое, – добавил Бениньо. – Это может быть, что угодно, что нам нравится.

– Для меня знак придет в виде оловянных солдатиков, которых у меня никогда не было, – добавил Бениньо. – Отряд оловянных солдатиков, конных гусар, явится, чтобы забрать меня. А чем это явится для тебя?

Я вспомнил, как дон Хуан говорил мне однажды, что смерть может стоять позади чего угодно, даже позади точки в моем блокноте. А потом он дал мне определенную метафору моей смерти. Я рассказал ему, что, гуляя однажды по бульвару Голливуда в Лос-Анжелесе, я услышал звуки трубы, играющей старый, идиотский

популярный мотив. Музыка доносилась из магазина звукозаписей на другой стороне дороги. Никогда я не слышал более приятных звуков. Я был захвачен ими. Я был вынужден присесть на бордюр. Медные звуки трубы попадали мне прямо в мозг. Я ощущал их над своим правым виском. Они ласкали меня, пока я не опьянел от них. Когда они смолкли, я знал, что нет способа когда-нибудь повторить это ощущение, и у меня было достаточно отрешенности, чтобы не броситься в магазин и не купить эту запись вместе со стереопроектором, чтобы слушать и слушать ее.

Дон Хуан сказал, что это было знаком, который дали мне силы, управляющие судьбой людей. Когда придет мое время покинуть этот мир в какой бы то ни было форме, я услышу те же самые звуки трубы и тот же идиотский мотив, исполняемый тем же несравненным трубачом.

Следующий день был для всех суматошным. Казалось, каждому нужно было сделать бесчисленное множество дел. Ла Горда сказала, что их хлопоты носили личный характер и должны были выполняться каждым без посторонней помощи. Я был рад остаться один. У меня тоже имелись свои дела. Я поехал в ближайший городок, который так сильно нарушил мое спокойствие. Я подъехал прямо к дому, имевшему такую притягательную силу для меня и Ла Горды. Я постучал в дверь. Открыла дама. Я сочинил историю, что жил в этом доме ребенком и хотел бы взглянуть на него опять. Она была доброжелательной женщиной и повела меня в дом, многословно извиняясь за несуществующий беспорядок.

Этот дом был переполнен скрытыми воспоминаниями. Они были там, я мог их чувствовать, но вспомнить не мог ничего.

На следующий день Ла Горда уехала ранним утром. Я ожидал, что ее не будет весь день, но к обеду она возвратилась. Казалось, она была крайне взволнована.

— Соледад вернулась и хочет тебя видеть, — сказала она напрямик. Без единого слова объяснений она отвела меня к дому Соледад. Донья Соледад стояла у двери. Она выглядела еще более молодой и сильной, чем когда я ее видел в последний раз. У нее

осталось лишь отдаленное сходство с той старой женщиной, которую я знал много лет назад.

Ла Горда была на грани слез. То напряжение, через которое мы проходили, делало ее состояние вполне понятным для меня. Она ушла, не сказав ни слова.

Донья Соледад сказала, что у нее очень мало времени для разговора со мной и что она собирается использовать каждую минуту. Она была странно почтительной. В каждом ее слове звучала вежливость.

Я сделал жест, чтобы остановить ее и задать вопрос. Самым деликатным образом она прервала меня. Она сказала, что подбирает слова очень тщательно и что недостаток времени позволит ей сказать лишь то, что существенно. Какое-то время она пристально смотрела на меня, и этот промежуток показался мне неестественно длинным. Это раздражало меня – ведь в то же время она могла поговорить со мной и ответить на некоторые вопросы.

Она прервала паузу и заговорила о том, что я воспринял как абсурд. Она сказала, что нападала на меня, поскольку я сам об этом просил в тот день, когда мы впервые пересекли параллельные линии, и что она может лишь надеяться, что ее атака была эффективной и послужила своей цели. Я хотел закричать, что я никогда не просил ее о чем-либо подобном, что ничего не знаю о параллельных линиях и что то, что она говорит, – бессмыслица. Она зажала мне губы ладонью. Я автоматически отпрянул. Она выглядела опечаленной. Она сказала, что у нас нет возможности разговаривать, потому что в данный момент мы находимся на двух параллельных линиях, и ни у кого из нас нет энергии, чтобы пересечь их. Только ее глаза могли сообщить мне о ее настроении.

Безо всяких причин я почувствовал себя расслабленным. Что-то во мне смягчилось. Я заметил, что по моим щекам катятся слезы, а затем мной на секунду овладело невероятное ощущение. На короткий момент, но достаточно продолжительный, чтобы пошатнуть основание моего сознания или моей личности, или того, что, как я думал и чувствовал, является «мною». В этот момент я

понял, что мы очень близки друг к другу по своим целям и темпераменту. Наши обстоятельства были похожими. Я хотел сказать ей, что это была трудная битва, но что она еще не закончена и никогда не закончится. Она прощалась, потому что, будучи безупречным воином, знала, что наши пути никогда не пересекутся. Мы пришли к концу тропы. Запоздалая волна привязанности, близости вырвалась из какого-то темного, непостижимого уголка меня самого. Эта вспышка была подобна электрическому разряду внутри моего тела. Я обнял ее, мои губы двигались, говоря что-то, не имеющее для меня никакого смысла. Ее глаза загорелись. Она тоже говорила что-то, чего я не мог понять. Единственное ощущение, бывшее для меня ясным и состоявшее в том, что я пересек параллельные линии, не имело никакого прагматического значения. Боль внутри меня была ключом, вырываясь наружу; какая-то необъяснимая сила разрывала меня на части. Я не мог дышать, и все покрылось мглой.

Я почувствовал, как кто-то касается меня и мягко тормозит. В фокусе появилось лицо Ла Горды. Я увидел, что лежу на кровати доньи Соледад, около меня сидела Ла Горда. Мы были вдвоем.

– Где она? – спросил я.

– Ушла, – ответила Ла Горда.

Я хотел все рассказать Ла Горде, но она остановила меня и открыла дверь. Все ученики ожидали меня снаружи. Они надели свои самые грубые одежды. Ла Горда объяснила, что они порвали все остальное, что у них было. Время клонилось к вечеру. Я проспал несколько часов. Не разговаривая, мы пошли к дому Ла Горды, где стояла моя машина. Они забились внутрь, словно дети, собирающиеся на воскресную прогулку.

Прежде чем сесть в машину, я остановился, глядя на долину. Мое тело медленно поворачивалось, совершая полный круг, как если бы оно имело собственную волю и свои задачи. Я чувствовал, что постигаю сущность этого места. Я хотел удержать ее в себе, потому что я знал совершенно определенно, что никогда больше его не увижу.

Другие, должно быть, уже проделали это. Они были свободны от меланхолии, шутили и смеялись друг над другом.

Я завел машину, и мы поехали. Когда мы достигли последнего поворота дороги, солнце садилось, и Ла Горда закричала, чтобы я остановился. Она выбралась наружу и побежала на небольшой холм сбоку от дороги. Она забралась на него и бросила прощальный взгляд на свою долину. Она протянула к ней руки и вдыхала ее в себя.

Поездка вниз с этих гор была на удивление короткой и совершенно лишенной событий. Все хранило спокойствие. Я попытался втянуть Ла Горду в разговор, но она наотрез отказалась. Она сказала, что горы, будучи собственниками, хотят завладеть ими и что если они не сохраняют своей энергии, то горы никогда не отпустят их.

Как только мы спустились в долину, все стало очень оживленными, особенно Ла Горда. Она, казалось, кипела энергией. Она даже добровольно поделилась информацией, без всяких уговоров с моей стороны. Одним из ее утверждений было то, что Нагуаль говорил ей, а Соледад подтвердила, что у нас есть другая сторона. Услышав это, остальные выступили с вопросами и замечаниями. Они были в смущении из-за своих странных воспоминаний о событиях, которые логически не могли иметь места. Так как некоторые из них повстречались со мной несколькими месяцами раньше, то воспоминания обо мне, уходящие в отдаленное прошлое, были чем-то превосходящим границы их понимания.

Тогда я рассказал им о своей встрече с доньей Соледад. Я описал им свое чувство, что я очень близко знал ее раньше, и то чувство, что я, несомненно, пересек то, что она называла параллельными линиями. В ответ на мое заявление все смутились. Казалось, они слышали этот термин раньше. Но я не был уверен, что все они понимали, что это значит. Для меня это была метафора. Я не мог бы поклясться, что и для них это было тем же.

Когда мы приехали в город Оахаку, они изъявили желание посетить то место, где, по словам Ла Горды, исчезли дон Хуан и дон

Хенаро. Я приехал прямо туда. Они высыпали из машины и, казалось, ориентировались, принюхивались к каким-то признакам. Ла Горда указала направление, в котором они ушли.

– Ты сделала ужасную ошибку, Ла Горда, – сказал Нестор. – Это не восток. Это север.

Ла Горда протестовала и отстаивала свое мнение. Женщины и Паблито поддерживали ее. Бениньо не вступал в разговор и молча смотрел на меня, как если бы я должен был дать ответ, что я и сделал.

Я обратился к карте Оахаки, которая была у меня в машине. Направление, указанное Ла Гордой, было севером.

Нестор заметил, что наш отъезд из их города, как он все время чувствовал, ни в коей мере не был преждевременным или насильственным. Срок был правильным. У других такого ощущения не было, их колебания были вызваны ошибкой Ла Горды. Они, как и она, считали, что Нагуаль указал на их родной город, и это означало, что они должны были остаться там. Я с опозданием признал, что, в конце концов, виноват сам, потому что вовремя не воспользовался картой.

Потом я вспомнил, что забыл им рассказать, как один из тех людей, кого я принял в тот момент за дона Хенаро, позвал нас за собой кивком головы. Глаза Ла Горды широко раскрылись от искреннего удивления или даже тревоги. Она этого жеста не заметила. Приглашение касалось только меня.

– Вот оно! Наши судьбы решены! – воскликнул Нестор.

Он повернулся к остальным. Все заговорили одновременно. Он отчаянно жестикулировал, чтобы успокоить их.

– Я лишь надеюсь, что вы сделали все как надо в расчете на то, что никогда не вернетесь, – сказал он, – потому что мы никогда не возвратимся назад.

– Ты говоришь нам правду? – спросила Лидия со свирепым выражением лица, в то время как остальные выжидающе смотрели на меня.

Я заверил, что у меня не было причин выдумывать что-либо. Тот факт, что я видел этот жест, вообще не имел для меня никакого значения. И, к тому же, я совершенно не был убежден, что это были дон Хуан и дон Хенаро.

– Ты очень хитрый, – сказала Лидия. – Ты, быть может, говоришь нам это для того, чтобы мы покорно следовали за тобой.

– Подожди минутку, – вмешалась Ла Горда. – Этот Нагуаль может быть таким хитрым, как ты думаешь, но он никогда не поступит подобным образом.

Они заговорили все сразу. Я попытался вмешаться, и мне пришлось кричать, чтобы перекрыть шум их голосов. Я прокричал, что виденное мною в любом случае ничего не меняет. Нестор очень вежливо объяснил, что Хенаро говорил, что когда для них наступит время покинуть долину, он каким-нибудь образом даст им знать об этом кивком головы. Они успокоились, когда я сказал, что если их судьбы предрешены благодаря этому событию, то такое же можно сказать и о моей судьбе. Все мы отправляемся на север.

Затем Нестор отвел нас к месту ночевки – постоялому двору, где он обычно останавливался, когда у него бывали дела в городе. Их настроение было приподнятым, пожалуй, даже слишком приподнятым, чтобы я мог чувствовать себя комфортно. Даже Лидия обняла меня, извинившись за свою несносность. Она объяснила, что верила Ла Горде и потому не беспокоилась о том, чтобы эффективно разорвать свои связи. Хосефина и Роза были полны энтузиазма, вновь и вновь похлопывая меня по спине. Я хотел поговорить с Ла Гордой. Мне надо было обсудить с ней наши дальнейшие действия. Но в этот вечер никакой возможности остаться с ней наедине так и не представилось.

Нестор, Паблито и Бениньо ушли рано утром, чтобы сделать кое-какие дела. Женщины тоже ушли – за покупками. Ла Горда попросила, чтобы я помог ей купить новое платье. Она хотела, чтобы

я выбрал для нее платье, которое дало бы ей полную уверенность в себе, необходимую для того, чтобы быть текучим воином. Я подыскивал не только такое платье, но также туфли с чулками и белье. Мы с ней пошли прогуляться. Мы кружили по центру города, как туристы, глаза на индейцев в их местных одеяниях. Будучи бесформенным воином, она уже совершенно свободно чувствовала себя в своем новом элегантном одеянии. Выглядела она очаровательно. Казалось, она никогда не одевалась иначе. Не она, а я никак не мог привыкнуть к ее новой одежде.

Мне было очень трудно сформулировать вопросы, которые прямо-таки рвались из меня. Неожиданно оказалось, что я не имею ни малейшего представления, о чем бы ее спросить. Со всей серьезностью я сказал, что ее новый облик очень сильно воздействует на меня. Она очень трезво ответила, что на меня воздействует не это, а пересечение границ.

– Вчера вечером мы пересекли некие границы, – сказала она. – Соледад говорила мне, чего ожидать, поэтому я была подготовлена, а ты – нет.

Она начала медленно и мягко объяснять, что мы пересекли границы привязанности. Она четко выговаривала каждый звук, как если бы говорила с ребенком или иностранцем. Но я не мог сконцентрироваться. Мы повернули к нашему жилью. Я нуждался в отдыхе, но кончилось тем, что я опять отправился в город. Лидия, Роза и Хосефина не смогли ничего купить и теперь хотели что-нибудь такое, как у Ла Горды.

К полудню я вернулся на постоянный двор, восхищаясь сестричками. Розе было немного трудно идти на высоких каблуках. Мы подшучивали над ее походкой, когда дверь медленно отворилась, и драматически вошел Нестор. Он был одет в сшитый на заказ темно-синий костюм, светло-розовую рубашку и синий галстук. Его волосы были тщательно причесаны и слегка вились, как после специальной химической завивки. Он посмотрел на женщин, а те на него. Вошел Паблито, а следом Бениньо. Оба выглядели сногсшибательно. Их туфли были совершенно новыми, а костюмы сшиты по последней моде.

Меня порадовало, как все мгновенно адаптировались к городской одежде. Это очень напоминало дона Хуана. Я, пожалуй, так же был поражен видом трех Хенарос в городской одежде, как когда-то был потрясен, увидев дона Хуана в костюме. Но их новый облик я воспринял сразу. С другой стороны, хотя я и не удивлялся преобразению женщин, привыкнуть к их новой внешности я не мог.

Я подумал, что Хенарос, видимо, улыбнулась удача магов, раз им удалось купить такие прекрасные костюмы. Услышав мои рассуждения об удаче, они расхохотались. Нестор объяснил, что эти костюмы для них сшил портной еще несколько месяцев назад.

– Каждый из нас имеет еще по одному костюму, есть у нас и кожаные чемоданы. Мы знали, что время нашей жизни в горах подходит к концу. Мы готовы к отъезду. Конечно, сначала ты должен сказать нам – куда. А также то, сколько времени мы будем находиться здесь.

Он сказал, что у него есть давние деловые счета, которые надо закрыть, и что это потребует определенного времени. Ла Горда вышла вперед и заявила, что нынче вечером мы отправляемся так далеко, как позволит сила, следовательно – до конца дня все должны уладить свои дела. Нестор и Паблито медлили у дверей. Они смотрели на меня, ожидая подтверждения. Я подумал, что наименьшее, что я могу – это быть с ними честным. Но Ла Горда прервала меня как раз в тот момент, когда я собрался сказать, что сам пребываю в затруднении относительно того, куда нам ехать и что нам надлежит делать.

– Мы встретимся на скамейке Нагуаля в сумерках, – сказала она. – Оттуда мы и отправимся. Нам следует сделать все, что нужно, или все, что мы хотим, до этого времени, зная, что никогда больше в нашей жизни мы сюда не вернемся.

После того, как все разошлись, мы с Ла Гордой остались одни. Резким и неуклюжим движением она села мне на колени. Она была такой легкой, что я мог бы встряхивать ее тело, просто напрягая свои икроножные мышцы. Ее волосы пахли какими-то своеобразными духами. Я пошутил, что запах невыносим. Она

затряслась от смеха, и вдруг ко мне из ниоткуда пришло определенное чувство или, возможно, воспоминание. Внезапно я держал на коленях другую Ла Горду, полную, в два раза толще той, которую я знал. Лицо ее было круглым, и я дразнил ее, потешаясь над запахом ее волос. У меня было ощущение, что я забочусь о ней.

Воздействие этого псевдовоспоминания заставило меня встать. Ла Горда грохнулась на пол. Я описал ей то, что вспомнил. Я сказал, что видел ее полной только один раз, и то так непродолжительно, что не смог бы описать ее черты. И, тем не менее, я только что видел ее, когда она была еще полной.

Она никак этого не прокомментировала, но сняла свою новую одежду и вновь надела старое платье.

– Я еще не готова к нему, – сказала она, указывая на свое новое одеяние. – Нам предстоит сделать еще одну вещь, прежде чем мы будем свободны. Согласно инструкциям Нагуаля мы все должны посидеть на выбранном им месте силы.

– Где это место?

– Где-то поблизости, в горах. Нагуаль говорил, что на этом месте есть естественная трещина. Он сказал, что определенные места силы являются дырами в этом мире. Если быть бесформенным, то можно пройти сквозь такую дыру в неизвестное, в иной мир. Тот мир и этот – где мы живем – находятся на двух параллельных линиях. Вполне возможно, что он всех нас в разное время брал в тот мир через эти линии, но мы этого не помним. Элихио находится в том другом мире. Иногда мы достигаем его при помощи сновидения. Хосефина, конечно, самый лучший сновидящий среди нас. Она пересекает эти линии ежедневно, но то, что она сумасшедшая, делает ее безразличной и туповатой, поэтому Элихио помог мне пересечь эти линии, считая, что я более разумна. Но и я оказалась такой же тупой. Элихио хочет, чтобы мы вспомнили свою левую сторону. Соледад говорила мне, что левая сторона – это линия, параллельная той, на которой мы живем сейчас. Поэтому, если он хочет, чтобы мы ее вспомнили, значит, мы

должны были уже бывать там. И не в сновидении. Вот почему мы все вспоминаем время от времени какие-то странные вещи.

Ее заключения были логичными, учитывая те исходные данные, которыми она располагала. Я знал, о чем она говорит. Эти случайные, непрошенные воспоминания обладали реальностью повседневной жизни. И, тем не менее, мы были неспособны найти для них ни временной последовательности, ни хоть какого-нибудь промежутка в непрерывной последовательности нашей жизни.

Ла Горда села, откинувшись на кровать. В ее глазах была озабоченность.

– Но вот вопрос – как найти это место силы? – сказала она. – Без этого нет возможности для нашего путешествия.

– А меня заботит, куда вас везти и что там с вами делать.

– Соледад говорила мне, что мы поедем на север, до самой границы, – сказала Ла Горда. – А некоторые, пожалуй, поедут еще дальше на север. Но ты не будешь все время с нами. У тебя другая судьба.

Ла Горда на минуту задумалась. Она нахмурилась от попытки привести мысли в порядок.

– Соледад говорила, что ты возьмешь меня, чтобы я исполнила свою судьбу. Я единственная из всех нас, кто находится на твоём попечении.

Должно быть, на моем лице отразилась тревога. Она улыбнулась.

– Соледад сказала мне также, что ты закупорен, – продолжала она. – Но иногда ты бываешь Нагуалем. Все остальное время, по словам Соледад, ты подобен сумасшедшему, у которого временами проясняется сознание, а затем он вновь впадает в свое безумие.

Донья Соледад нашла очень подходящие слова, чтобы описать меня. Именно те, которые я мог понять. Должно быть, по ее мнению, у меня был проблеск в сознании, когда я знал, что пересек параллельные линии. Однако этот момент, по моим собственным

стандартам, был самым абсурдным. Мы с доньей Соледад явно находились на разных линиях мышления.

– Что еще она тебе говорила? – спросил я.

– Она говорила, что я должна заставить себя вспомнить, она совсем выдохлась, пытаюсь поднять на поверхность мою память; именно поэтому она не могла подробнее заняться тобой.

Ла Горда поднялась. Она была готова к выходу. Мы пошли погулять по городу. Она, казалось, была счастлива. Она ходила, наблюдая за всем, насыщая свои глаза миром. Дон Хуан уже давал мне такой образ, говоря, что воин знает, что ждет, и знает также, чего ждет, и пока он ждет, он насыщает свои глаза миром. Для него окончательное достижение воина было радостью. В тот день в Оахаке Ла Горда буквально следовала учению дона Хуана.

В конце дня на закате мы пришли и сели на скамейку дона Хуана. Первыми пришли Паблито, Бениньо и Хосефина, а через несколько минут к ним присоединились и трое остальных. Паблито уселся между Лидией и Хосефиной, положив им руки на плечи. Они опять переоделись в старую одежду.

Ла Горда поднялась и начала рассказывать им о месте силы. Нестор стал смеяться над ней, остальные присоединились к нему.

– Никогда больше ты не заставишь нас попасть под твое влияние, – сказал Нестор. – Мы свободны от тебя. Прошлой ночью мы пересекли границы.

Ла Горду это не затронуло, но остальные рассердились. Я громко сказал, что хочу подробнее узнать о тех границах, которые мы пересекли. Нестор объяснил, что это относится только к ним. Ла Горда не согласилась. Казалось, они были готовы сцепиться. Я отвел Нестора в сторону и велел ему рассказать о границах.

– Наши чувства создают границы вокруг чего угодно, – сказал он. – Чем больше мы любим, тем сильнее границы. В данном случае мы любили свой дом. Прежде чем уехать, мы должны были оторвать свои чувства назад. Наши чувства к своему дому доходили до

вершин гор на западе нашей долины. Это была граница. Когда мы пересекли вершины гор, зная, что никогда не вернемся назад, мы эту границу разрушили.

– Но я тоже знал, что никогда не вернусь назад, – сказал я.

– Ты не любил эти горы так, как мы, – сказал Нестор.

– Это еще как сказать, – загадочно бросила Ла Горда.

– Мы были под ее влиянием, – сказал Паблито, указывая на Ла Горду. – Она держала всех нас за шиворот. Теперь я вижу, насколько мы были тупы в отношении ее. Мы не можем плакать над пролитым молоком, но больше мы не попадемся.

Лидия и Хосефина присоединились к Нестору и Паблито. Бениньо и Роза смотрели так, словно вся эта стычка совсем их не касается.

В этот момент у меня опять появился проблеск уверенности и авторитетного поведения. Я поднялся и без всякого сознательного желания заявил, что беру все руководство на себя и освобождаю Ла Горду от каких бы то ни было дальнейших обязанностей делать замечания и представлять свои идеи как единственно верное решение. Когда я закончил, то был шокирован собственной смелостью. Все, включая Ла Горду, были довольны. Сила, стоявшая за моей вспышкой, первоначально была физическим ощущением раскрытия моих лобных пазух, а затем осознанием того, где именно находится место, которое мы должны посетить, прежде чем станем свободными, и о котором говорил дон Хуан. Когда открылись мои лобные пазухи, передо мной предстало видение того дома, который так меня заинтриговал.

Я сказал им, куда мы должны ехать. Они приняли мои указания без каких-либо замечаний. Мы расплатились с хозяином постоянного двора и отправились поужинать. Затем, примерно до 11 часов вечера, мы гуляли вокруг площади по прилегающим улочкам. Я подогнал машину, мы шумно уселись и поехали. Ла Горда бодрствовала, чтобы составить мне компанию. Остальные спали. Затем Нестор вел машину, а мы с Ла Гордой спали.

Глава 5. Орда разгневанных магов

Мы добрались до города на рассвете. Тут я занял место за рулем и повел машину прямо к тому дому. Квартала за два до него Ла Горда попросила меня остановить машину. Она вышла и пошла по высокому тротуару. Один за другим остальные вышли из машины и последовали за Ла Гордой. Паблито сказал, что машину надо оставить на площади за квартал отсюда, что я и сделал.

В тот момент, когда я увидел, как Ла Горда поворачивает за угол, я понял, что с ней что-то не в порядке. Она была необычайно бледна. Она подошла ко мне и сказала, что собирается пойти послушать утреннюю мессу в костеле. Лидия тоже захотела пойти. Они пересекли площадь и вошли в церковь.

Я никогда не видел Паблито, Нестора и Бениньо такими мрачными. Роза была напугана, ее рот приоткрылся, глаза, не мигая, смотрели в сторону дома. Только Хосефина сияла. Она панибратски хлопнула меня по спине.

– Ты все-таки добился своего, негодник! – воскликнула она. – Ты таки снял сургуч с этих сукиных детей.

Она смеялась, пока чуть не задохнулась.

– Это то место, Хосефина? – спросил я.

– Конечно, – ответила она. – Ла Горда в те времена всегда ходила в церковь. Она была заядлой богомолкой.

– Ты помнишь вон тот дом? – спросил я, указывая на него.

– Это дом Сильвио Мануэля, – сказала она.

Мы все вздрогнули, услышав это имя. Я почувствовал что-то, похожее на то, как если бы через мои колени прошел электрический ток. Это имя, определенно, не было мне знакомо, и, тем не менее, мое тело подскочило, когда я услышал его. Сильвио Мануэль – такое

редкое имя, такое текучее звучание! Трое Хенарос и Роза были так же ошеломлены, как и я. Я заметил, что они побледнели. Судя по тому, что я чувствовал, я должен был быть таким же бледным, как и они.

– Кто такой Сильвио Мануэль? – ухитрился я наконец спросить Хосефину.

– Теперь ты поймал меня, – сказала она. – Я не знаю.

Она ретировалась, сказав, что она сумасшедшая и что ничего из того, что она говорит, всерьез принимать нельзя. Нестор попросил ее рассказать все, что она помнит. Хосефина попыталась сообразить, но она была не тем человеком, который может что-либо делать, когда на него давят. Я знал, что она ответит куда лучше, если к ней не приставать с расспросами. Я предложил найти булочную или какое-нибудь место, где можно перекусить.

– Они мне в этом доме многого не позволяли – вот что я помню, – сказала вдруг Хосефина.

Она посмотрела вокруг, как бы что-то ища и ориентируясь.

– Чего-то тут не хватает, – воскликнула она. – Тут было иначе.

Я попытался помочь ей, задавая вопросы, которые считал подходящими, как то: не отсутствуют ли какие-то дома, или, может, изменилась их окраска, или появились новые здания, но Хосефина не могла сообразить, что именно изменилось.

Мы зашли в булочную и купили сладких рогаликов. Когда мы возвращались на площадь, чтобы дожидаться Ла Горду и Лидию, Хосефина внезапно хлопнула себя по лбу, как если бы ее осенило.

– Я знаю, чего не хватает! – воскликнула она. – Этой дурацкой стены тумана. Она тогда все время была здесь. Теперь ее нет.

Тут мы заговорили одновременно, расспрашивая ее об этой стене, но Хосефина беззаботно продолжала говорить свое, как будто нас здесь и не было.

– Это была стена тумана, которая тянулась повсюду до самого неба, – сказала она. – Куда бы я ни поворачивала голову, она была здесь. Она сводила меня с ума. Правильно, черт возьми. Я не была чокнутой, пока эта стена не свела меня с ума. Я видела ее хоть с открытыми, хоть с закрытыми глазами. Я думала, что эта стена преследует меня.

На минуту Хосефина потеряла свое естественное оживление. Ее взгляд стал отчаянным. Я видел такой у людей, которые проходят через психический стресс. Я поспешно предложил ей съесть рогалик. Она тотчас же успокоилась и начала жевать.

– Что ты обо всем этом думаешь, Нестор? – спросил я.

– Я боюсь, – сказал он тихо.

– Ты что-нибудь помнишь?

Он отрицательно покачал головой. Паблито и Бениньо повторили это движение.

– А ты, Роза?

Услышав, что я обращаюсь к ней, Роза подскочила. Она, казалось, потеряла дар речи. Она пристально рассматривала сладкий рогалик в своей руке, как бы пытаясь сообразить, что же с ним делать.

– Конечно, она помнит, – сказала Хосефина, смеясь. – Но она до смерти перепугалась. Разве вы не видите, что у нее даже из ушей моча потекла?

Вероятно, Хосефина сочла свою реплику великолепной шуткой. Она согнулась от смеха и уронила на землю свой рогалик, затем подняла его, обтерла и съела.

– Сумасшедшие едят все, – сказала она, похлопывая меня по спине.

Нестору и Бениньо, по-видимому, было неловко за паясничанье Хосефины. Паблито же был доволен. В его глазах светилось восхищение. Он потряс головой и цокнул языком, как бы не в силах поверить в такое великолепие.

– Пойдем к дому, – подталкивала нас Хосефина. – Я расскажу вам там всякие вещи.

Я сказал, что нам надо подождать Ла Горду и Лидию. К тому же было еще слишком рано беспокоить очаровательную даму, жившую в этом доме. Паблито сказал, что бывал в этом городе по своим плотничьим делам и знает место, где проезжих кормят обедами. Хосефина не хотела ждать. Ей было все равно – идти к дому или идти есть.

Я высказался за завтрак и попросил Розу зайти в церковь и позвать Ла Горду и Лидию, но Бениньо галантно вызвался дожидаться их и проводить к месту завтрака. Очевидно, он тоже знал, где оно находится. Паблито не повел нас прямо туда. Вместо этого он, по моей просьбе, сделал большой круг. На окраине города был большой мост, и мне захотелось его осмотреть. Я видел его из машины в тот день, когда приезжал сюда с Ла Гордой. По-видимому, он был колониальной постройки. Мы взошли на мост, но затем внезапно остановились на его середине. Я спросил стоявшего там человека, очень ли это старый мост. Он ответил, что видит его всю свою жизнь, а ему уже за пятьдесят. Я думал, что этот мост имеет притягательную силу исключительно для меня, но, наблюдая за другими, вынужден был заключить, что и на них он тоже воздействует. Нестор и Роза тяжело дышали, им не хватало воздуха. Паблито схватился за Хосефину, та же, в свою очередь, держалась за меня.

– Ты что-нибудь помнишь, Хосефина? – спросил я.

– Этот дьявол, Сильвио Мануэль, находится на той стороне моста, – сказала она, указывая на противоположный берег в каких-то десяти метрах от нас.

Я посмотрел в глаза Розе, и она утвердительно кивнула головой, прошептав, что однажды уже пересекала этот мост в

великом страхе, и что на его противоположном конце что-то поджидало ее, чтобы сожрать.

От обоих мужчин было мало толку. Они смотрели на меня в полном замешательстве. Оба они сказали, что безо всяких на то причин сильно боятся. Я должен был согласиться с ними. Я чувствовал, что за все золото мира не соглашусь пересечь этот мост ночью. Я не знал, почему.

– Что ты еще помнишь, Хосефина?

– Сейчас мое тело очень напугано, – сказала она. – Я больше ничего не могу вспомнить. Этот дьявол, Сильвио Мануэль, всегда находился во мгле. Спроси у Розы.

Движением головы она попросила Розу говорить. Та три-четыре раза утвердительно кивнула, но не смогла выдать из себя ни одного слова. Напряжение, которое испытывал я сам, было беспричинным, но реальным. Все мы стояли на этом мосту, на самой его середине, не в состоянии сделать ни одного шага в том направлении, в котором указывала Хосефина. Наконец Хосефина взяла на себя инициативу и повернула назад. Мы пошли назад в центр города. Паблито привел нас к большому дому. Ла Горда, Лидия и Бениньо уже ели. Они даже заказали еду для нас. Я не был голоден. Паблито, Нестор и Роза были в оцепенении, Хосефина же ела с удовольствием. За столом царило мрачное молчание. Каждый избегал моего взгляда, когда я пытался начать разговор.

После завтрака мы пошли к тому дому. Никто не произнес ни слова. Я постучал и, когда дама открыла дверь, объяснил ей, что мне хочется показать дом моим друзьям. Она на секунду заколебалась. Ла Горда дала ей немного денег и извинилась за то, что мы ее беспокоим.

Хосефина повела нас прямо в заднюю половину дома. Я не видел этой части дома, когда был здесь в прошлый раз. Там находился мощный дворик, с помещениями, расположенными вокруг него. В крытых коридорах хранился громоздкий сельскохозяйственный инвентарь. У меня было такое ощущение, что я уже видел этот дворик, когда тут не было всего этого хлама. Там

было восемь комнат – по две с каждой стороны дворика. Нестор, Паблито и Бениньо, казалось, были на грани физического заболевания. Ла Горда обливалась потом. Она села с Хосефиной в нишу одной из стен, а Лидия и Роза вошли в одну из комнат. Внезапно Нестор, как будто в поисках чего-то, вошел в другую комнату. Так же сделали и Паблито с Бениньо. Я остался наедине с хозяйкой дома. Я хотел было заговорить с ней и спросить, знавала ли она Сильвио Мануэля, но не мог собрать энергию для разговора. Мой живот был завязан в узел, руки сильно вспотели. Что-то подавляло меня, невыразимая печаль, тоска по чему-то отсутствующему, невыразимому. Я не мог этого вынести. Я уже собирался попрощаться с дамой и выйти на улицу, когда ко мне подошла Ла Горда. Она прошептала, что нам следует посидеть немного в большой комнате, примыкающей к холлу, отделенному от дворика. Комнату было видно с того места, где мы стояли. Мы вошли внутрь. Это была очень большая, пустая комната с высоким балочным потолком, темная и хорошо проветриваемая. Ла Горда позвала всех туда. Дама посмотрела на нас, но сама внутрь не вошла. Каждый, казалось, в точности знал, где ему надлежит сидеть. Хенарос уселись справа от двери, у одной из стен комнаты. Сестрички и Ла Горда сели слева, у противоположной стены. Они уселись вплотную к стенам. Хотя мне хотелось сесть рядом с Ла Гордой, я занял место в центре комнаты, показавшееся мне правильным. Не знаю, почему, но наши места, казалось, предопределял какой-то высший порядок. Пока я там сидел, волна странных чувств нахлынула на меня. Я был пассивен и расслаблен. Я казался себе киноэкраном, на который проецировались чужие чувства печали и тоски. Однако не было ничего, что я мог бы узнать, как точные воспоминания.

Мы оставались в этой комнате больше часа. К концу я уже чувствовал, что готов открыть источники неземной печали, заставившие меня почти неконтролируемо плакать. Но затем так же произвольно, как уселись, мы встали и покинули дом, даже не поблагодарив его хозяйку и не попрощавшись с ней.

На площади мы сгрудились вместе. Ла Горда сразу заявила, что, поскольку она бесформенная, она все еще несет ответственность. Она сказала, что занимает такую позицию из-за тех выводов, к

которым она пришла в доме Сильвио Мануэля. Ла Горда, казалось, ждала замечаний. Молчание остальных было для меня невыносимым. В конце концов, я должен был что-то сказать.

– К каким же выводам ты пришла в этом доме, Ла Горда? – спросил я.

– Думаю, все знают, к каким, – высокомерно ответила она.

– Мы этого не знаем, – сказал я. – Никто пока ничего не говорил.

– Нам не нужно разговаривать, мы знаем, – сказала Ла Горда.

Я настаивал на том, что такие важные вещи я не могу принять так просто, как нечто, само собой разумеющееся. Нам необходимо поговорить о наших чувствах. Что касается лично меня, то все, что я оттуда вынес, – это опустошительное чувство печали и отчаяния.

– Нагуаль Хуан Матус был прав, – сказала Ла Горда. – Мы должны были посидеть на том месте силы, чтобы освободиться. Я теперь свободна. Я не знаю, как это произошло, но что-то было снято с меня, пока я там сидела.

Все женщины согласились с ней. Трое же мужчин – нет. Нестор сказал, что он был на грани того, чтобы вспомнить действительные лица, но, несмотря на его старания очистить свое поле зрения, что-то прерывало его. Все, что он испытал, было чувство тоски и печали оттого, что он все еще находится в этом мире.

– Видишь, Ла Горда, что я имею в виду? – сказал я.

Она, казалось, была недовольна. Она надулась, как никогда на моей памяти. Или же я видел ее такой надутой когда-то раньше. Она выступала перед группой. Я не мог сосредоточиться на том, что она говорит. Я углубился в воспоминание, которое было неоформленным, но почти достижимым для меня. Чтобы эти воспоминания продолжались, я, казалось, нуждался в постоянном потоке слов Ла Горды. Я был привязан к звуку ее голоса, к ее гневу. В какой-то момент, когда она начала остывать, я заорал на нее, что

она строит из себя шишку. Она действительно взволновалась. Я какое-то время следил за ней. Я вспомнил другую Ла Горду, в другое время, – сердитую, толстую Ла Горду, толкающую меня в грудь кулаками. Я вспомнил, как смеялся над ее гневом, ублажал ее, как ребенка. Воспоминание окончилось в тот момент, когда замолк голос Ла Горды. Она как будто поняла, что я делал.

Я обратился ко всем и сказал, что мы находимся в опасном положении, что-то неизвестное нависло над нами.

– Оно не нависло над нами, оно уже ударило нас, – тихо сказала Ла Горда. – Я полагаю, ты знаешь, что это.

– Я не знаю, и думаю, что говорю не только за себя, но и за других мужчин, – сказал я.

Трое Хенарос согласно кивнули.

– Мы жили в этом доме, пока мы были на левой стороне, – объяснила Ла Горда. – Я любила сидеть в том алькове и плакать, потому что не знала, что делать. Я думаю, что если бы я осталась в этой комнате чуть дольше, то вспомнила бы все, но что-то вытолкнуло меня оттуда. Я сидела обычно в той комнате, когда там находились другие люди. Но я не могу вспомнить их лиц. Однако другие вещи прояснились, пока я сидела там. Я бесформенная, ко мне приходит все, и плохое, и хорошее. Например, я ощутила свое старое высокомерие и тягу к грустным размышлениям. Но так же я выхватила и хорошие вещи.

– Я тоже, – сказала Лидия хриплым голосом.

– Что это за хорошие вещи? – спросил я.

– Я думаю, что не права в своей ненависти к тебе, – сказала Лидия. – Моя ненависть не дает мне улететь. Так говорили мне все в той комнате, и мужчины, и женщины.

– Какие еще мужчины и женщины? – испуганно спросил Нестор.

– Я была там, когда они там были. Это все, что я знаю, – сказала Лидия. – И ты там был. Все мы там были.

– Кто эти люди, Лидия? – спросил я.

– Я бывала там, когда они там были. Это все, что я знаю, – повторила Лидия.

– А ты, Ла Горда? – спросил я.

– Я уже говорила тебе, что не могу вспомнить лица или что-либо специфическое. Но я знаю одно – что бы мы ни делали в этом доме, это было на левой стороне. Мы пересекали, или кто-то заставлял нас пересекать параллельные линии. Те странные воспоминания, что приходят к нам, идут из того времени, из того мира.

Не сговариваясь, мы покинули площадь и направились к мосту. Ла Горда и Лидия побежали впереди нас. Когда мы пришли туда, то обнаружили, что они стоят на том самом месте, где раньше остановились мы.

– Сильвио Мануэль – это мгла, – прошептала мне Ла Горда, не отрывая глаз от противоположной стороны моста.

Лидия тряслась. Она попыталась заговорить со мной, но я не мог понять, что она бормочет.

Я подтолкнул всех назад, прочь с моста. Я думал, что если мы сумеем собрать по крупицам все, что каждый знает об этом мосте, то совокупное знание поможет нам решить эту проблему. Мы сели на землю в нескольких метрах от моста. Мимо проходило множество людей, но никто не обращал на нас никакого внимания.

– Кто такой Сильвио Мануэль, Ла Горда? – спросил я.

– Никогда раньше не слышала этого имени. Я не знаю этого человека и в то же время – знаю его. Что-то, похожее на волны, накатывает на меня, когда я слышу это имя. Хосефина назвала его, когда мы находились в доме. С этой минуты всякая всячина начала

лезть мне в голову, сама по себе, как у Хосефины. Никогда не думала, что доживу до того, что стану похожей на Хосефину.

– Почему ты сказала, что Сильвио Мануэль – это мгла? – спросил я Ла Горду.

– Понятия не имею, – сказала она. – Однако все мы знаем, что это правда.

Ла Горда подтолкнула женщин, чтобы те заговорили. Никто не произнес ни слова. Я выбрал Розу, которая несколько раз порывалась что-то сказать. Я обвинил ее в том, что она от нас что-то скрывает. Ее маленькое тело содрогнулось.

– Мы переходили этот мост, а Сильвио Мануэль ждал нас на той стороне, – сказала Роза еле слышно. – Я шла последней. Когда он пожирал остальных, я слышала их вопли. Я хотела убежать, но этот дьявол, Сильвио Мануэль, был с обеих сторон моста. Спасти было невозможно.

Ла Горда, Лидия и Хосефина согласились с ней. Я спросил, было ли это просто ощущением, что все так и произошло, или же прямым и точным воспоминанием о чем-то. Ла Горда ответила, что для нее все представляется точно так, как рассказала Роза, – это совершенно отчетливое воспоминание. Остальные женщины согласились с ней.

Я не мог понять, что же было с людьми, живущими у моста. Если женщины кричали так, как рассказывала Роза, то прохожие должны были это слышать. Вопли вызвали бы тревогу. На секунду я почувствовал, что весь город должен был принимать участие в этом сговоре. Дрожь прошла по моему телу. Я повернулся к Нестору и прямо высказал все свои страхи. Нестор сказал, что Нагуаль и Хенаро – воины высших достижений и, как таковые, они были одинокими существами. Их контакты с людьми носили индивидуальный характер. Совершенно невозможно, чтобы целый город, или хотя бы люди, живущие рядом с мостом, находились с ними в сговоре. Для того, чтобы это было возможно, сказал Нестор, все эти люди должны быть воинами, вероятность чего крайне ничтожна.

Хосефина с ухмылкой начала расхаживать вокруг меня.

– Ты нахал, – сказала она. – Притворяешься, что ничего не знаешь, а сам был здесь. Это ведь ты привел нас сюда! Это ты толкал нас на этот мост.

В глазах женщин зажглась угроза. Я повернулся за помощью к Нестору.

– Я ничего не помню, – сказал он. – Это место меня пугает – вот все, что я знаю.

С моей стороны обращение к Нестору было блестящим маневром. Женщины набросились на него.

– Конечно, ты помнишь! – визжала Хосефина. – Мы все были здесь. Что ты за глупый осел!

Мои расспросы требовали порядка. Я увел их прочь от моста. Я думал, что они, будучи активными людьми, смогут больше расслабиться, если начнут двигаться и разговаривать на ходу, вместо того, чтобы сидеть на месте, как предпочел бы я.

Когда мы пошли, гнев женщин утих так же внезапно, как и вспыхнул. Лидия и Хосефина стали еще более разговорчивыми. Они вновь и вновь повторяли, что Сильвио Мануэль был пугающей фигурой. Тем не менее, никто не помнил, чтобы потерпел какой-нибудь физический урон. Они помнили одно – свою парализованность страхом. Роза не произнесла ни слова, но знаками выражала свое согласие со всем, что говорили остальные. Я спросил, не ночью ли они пытались перейти мост. И Лидия, и Хосефина ответили, что это было среди бела дня. Роза прокашлялась и прошептала, что была ночь. Ла Горда уточнила, что это случилось как раз перед рассветом. Мы дошли до конца коротенькой улочки и автоматически повернули назад к мосту.

– Это же так просто! – вырвалось у Ла Горды, как будто ее внезапно осенило. – Мы пересекали, или, вернее, Сильвио Мануэль заставлял нас пересекать параллельные линии. Этот мост – место силы. Дыра в этом мире. Дверь в иной мир. Мы прошли в эту дверь.

Вероятно, проходить было больно, так как мое тело боится. Сильвио Мануэль ждал нас с другой стороны. Никто из нас не помнит его внешности, потому что Сильвио Мануэль – это мгла, и он никогда не показывает своего лица. Мы могли видеть только его глаза.

– Один глаз, – спокойно уточнила Роза и отвернулась.

– Все здесь, включая тебя, – сказала Ла Горда, обращаясь ко мне, – знают, что лицо Сильвио Мануэля пребывает во мгле. Можно только слышать его голос – мягкий, как приглушенное покашливание.

Ла Горда замолчала и начала так пристально рассматривать меня, что я почувствовал себя неловко. В ее глазах мелькала хитринка, что дало мне основания подозревать, что она знает о чем-то, но помалкивает. Я спросил ее. Она отрицала, но признала, что ощущает множество необоснованных чувств, которые даже не старается объяснить. Я подталкивал ее, а затем прямо потребовал, чтобы женщины попробовали вспомнить, что же все-таки случилось с ними на той стороне моста. Каждая могла вспомнить только вопли остальных.

Трое Хенарос оставались в стороне и в наш разговор не вступали. Я спросил у Нестора, нет ли у него хоть какого-нибудь представления о том, что же все-таки произошло. Он мрачно ответил, что все это находится за пределами его понимания.

Тогда я пришел к быстрому решению. Мне показалось, что единственное, что нам остается в этом случае, – пересечь мост. Я предложил вернуться к мосту и перейти через него. Мужчины немедленно согласились, женщины – нет. Исчерпав все свои доводы, я, в конце концов, вынужден был толкать и тащить Лидию, Хосефину и Розу. Ла Горда не была расположена идти, но казалась заинтригованной предстоящим. Она шла рядом, не помогая мне тащить женщин. Хенарос поступали так же. Они нервно посмеивались над моими попытками справиться с сестричками, но и пальцем не пошевелили, чтобы помочь мне. Так мы дошли до той точки, где останавливались раньше. Там я внезапно почувствовал, что слишком слаб, чтобы удержать трех женщин. Я заорал на Ла

Горду, чтобы она мне помогла. Она сделала полуискреннюю попытку удержать Лидию, но тут группа распалась и все стали пробираться, спотыкаясь и тяжело дыша, к безопасности улицы. Мы с Ла Гордой остались как бы приклеенными к мосту, не в силах двинуться вперед и не желая возвращаться.

Ла Горда прошептала мне на ухо, что мне совершенно не следует бояться, потому что именно я и ждал их тогда на той стороне моста. Она добавила, что убеждена, будто я знаю, что являлся тогда помощником Сильвио Мануэля, но не смею признаться в этом остальным.

Тут меня охватила неконтролируемая ярость. Я чувствовал, что Ла Горда не должна лезть с подобными заявлениями или испытывать подобные чувства. Я схватил ее за волосы и крутанул. В наивысшей точке своей ярости я спохватился и остановился. Я извинился и обнял ее. Меня отрезвила простая мысль. Я сказал, что мне действует на нервы необходимость быть руководителем. Напряжение, по мере нашего продвижения, становилось все более и более сильным.

Она не согласилась со мной. Она твердо держалась своего мнения, будто Сильвио Мануэль и я были чрезвычайно близки и поэтому, когда мне напоминали о моем хозяине, я приходил в ярость. Хорошо, что я должен о ней заботиться, сказала она, не то я сбросил бы ее с моста.

Мы повернули назад. Остальные находились уже на безопасном расстоянии от моста и взирали на нас с откровенным страхом. Казалось, господствовало очень странное состояние безвременья. Словно мы были выброшены из привычного потока времени. Вокруг совсем не было людей. Мы пробыли на мосту никак не менее пяти минут, и ни один человек не только не пересек мост за это время, но даже не появился в зоне видимости. Затем, совершенно внезапно, люди опять стали двигаться вокруг нас, как по любой оживленной улице в это деловое время суток.

Не говоря ни слова, мы пошли назад на площадь. Все ощущали опасную слабость. У меня было смутное желание задержаться в

городе еще немного, но мы сели в машину и поехали на восток к атлантическому побережью. Мы с Нестором по очереди вели машину, останавливаясь только для того, чтобы заправиться и перекусить, пока не достигли Вера-Круса. Этот город был для нас нейтральной зоной. Я бывал там только однажды, остальные вообще ни разу. Ла Горда считала, что такой незнакомый город является подходящим местом, чтобы сбросить их старые оболочки. Мы остановились в отеле, и там они приступили к разрыванию на куски своих старых одежд. Возбуждение, которое принес им новый город, творило чудеса с их моралью и чувством благополучия.

Затем мы поехали в Мехико и остановились там в отеле неподалеку от парка Аламеда. Это был тот же отель, где я когда-то останавливался с доном Хуаном. В течение двух дней мы вели себя, как обыкновенные туристы. Мы делали покупки и посещали столько туристских мест, сколько могли. Бениньо приобрел фотоаппарат в магазине подержанных товаров. Он сделал им 425 снимком, не заряжая пленки. В одном месте, пока мы любовались поразительной мозаикой, служитель, приняв меня за гида, спросил, откуда приехали эти великолепные иностранки. Я ответил, что из Шри-Ланки. Он поверил и поразился тому, насколько они похожи на мексиканок.

На следующий день, в десять утра, мы пошли в авиаагентство, в которое дон Хуан втолкнул меня однажды. Когда он втолкнул меня внутрь, я влетел через одну дверь, а вылетел через другую, но не назад на улицу, куда должен был, а на рынок, находящийся примерно в полутора километрах отсюда, где я был свидетелем происходящего там.

Ла Горда рассуждала, что агентство, как и мост, было местом силы, местом перехода с одной параллельной линии на другую. Нагуаль толкнул меня через этот проход, но я застрял посередине между двумя мирами, между линиями, и таким образом смог наблюдать за жизнью базара, не будучи сам ее частью. Она сказала, что Нагуаль, конечно, хотел пропихнуть меня сквозь дверь, но мое упрямство помешало ему, и в конце концов я вернулся назад на ту линию, откуда пришел, в этот мир.

Мы прошли от авиаагентства до рынка, а оттуда в парк Аламеда, где мы с доном Хуаном сидели после происшествия у агентства. Я много раз бывал в этом парке с доном Хуаном. Я чувствовал, что это место является наиболее благоприятным для того, чтобы обсудить наши дальнейшие действия.

Я намеревался подвести итоги всему, что мы сделали, для того, чтобы позволить силе этого места решить, каким будет наш следующий шаг. После попытки пересечь мост я безуспешно пытался придумать, как удержать моих компаньонов в одной группе. Мы уселись на те же каменные ступеньки, и я начал с того, что для меня знание было сплавлено со словами. Я сказал им, что искренне верил в то, что если событие или опыт не сформулированы в концепцию, то они рассеиваются. Поэтому я попросил их представить свои индивидуальные оценки нашего положения.

Паблито заговорил первым. Я нашел это странным, потому что вплоть до настоящего момента он был необыкновенно тихим. Он извинился за то, что собирается высказать не что-нибудь из всплывшего в памяти, но просто свое заключение, основанное на всем том, что он знал. Он сказал, что ему нетрудно понять то, что, по словам женщин, произошло на мосту. Это было, как утверждал Паблито, результатом вынужденного перехода с правой стороны – тоналя на левую – нагуаль. Всех пугал тот факт, что управлял этим переходом кто-то еще, заставлявший их его совершать. Он не видел проблемы в том, чтобы считать, что именно я помог тогда Сильвио Мануэлю. Он подкрепил свое заключение заявлением, что всего лишь двумя днями ранее он был свидетелем того, как я делал то же самое – заталкивал всех на мост силой. В этот раз, однако, мне никто не мог помочь – не было Сильвио Мануэля, чтобы тащить всех к себе из-за моста.

Я попытался сменить тему разговора, сказав, что такая забывчивость, как у нас, называется амнезией. Я знал об амнезии слишком мало, чтобы пролить свет на наш случай, однако достаточно, чтобы считать, что мы не могли так просто и быстро, как по команде, все забыть. Я сказал, что кто-то – может быть, дон Хуан – сделал с нами нечто невообразимое. Я хотел точно выяснить, что же именно.

Паблито настаивал, что для меня очень важно, чтобы я понял, что именно я был в сговоре с Сильвио Мануэлем. Затем он сказал, что Лидия и Хосефина уже говорили с ним о той роли, которую я играл, силой заставляя их пересечь параллельные линии.

Я не испытывал особого удовольствия, обсуждая эти вопросы. Я заметил, что никогда, вплоть до разговора с Соледад, я не слышал о параллельных линиях. Однако я не мог возражать против того, что идею этих линий я понял мгновенно. Я рассказал им, что мгновенно понял, что она имела в виду. Я даже был убежден, что пересек параллельные линии сам, когда думал, что вспомнил ее. Остальные, за исключением Ла Горды, сказали, что впервые услышали о параллельных линиях тогда, когда я заговорил о них. Ла Горда добавила, что она впервые слышала о них от доньи Соледад как раз передо мной.

Паблито сделал попытку завести разговор о моих отношениях с Сильвио Мануэлем. Я прервал его и сказал, что пока мы были на мосту, пытаясь перейти его, я не заметил, что я, а предположительно и все мы, находились в состоянии необычной реальности. Я осознал перемену, когда заметил, что на мосту совсем нет людей. Лишь мы одни находились там. Стоял погожий день, но внезапно небо затянули облака, а яркий свет позднего утра превратился в сумерки. В то время я был настолько поглощен своими страхами и субъективными интерпретациями, что не заметил пугающей перемены. Когда мы сошли с моста, я обнаружил, что другие люди опять идут вокруг нас. Но что произошло с ними, когда мы пытались перейти мост?

Ла Горда и остальные ничего не заметили. В действительности они ничего не знали о переменах до тех пор, пока я их не описал. Теперь они смотрели на меня с раздражением и страхом. Паблито опять перехватил инициативу и обвинил меня в попытке втравить их во что-то такое, чего они не хотят. Он не уточнил, что это может быть такое. Но его ораторского напора оказалось достаточно, чтобы все встали на его сторону. Внезапно передо мной оказалась целая орда разгневанных магов. От меня потребовалась масса усилий и времени, чтобы объяснить, почему мне необходимо исследовать со всех возможных точек зрения нечто настолько странное и

поглощающее, как наш опыт на мосту. В конце концов они успокоились, но не столько из-за того, что я их убедил, сколько из-за эмоциональной усталости. Все, включая Ла Горду, ревностно отстаивали позицию Паблито.

Нестор выдвинул другую линию рассуждений. Он предположил, что я, возможно, был таким невольным соучастником, который полностью не отдавал отчета в своих действиях. Он добавил, что сам он лично не может поверить, как остальные, в то, что я осознавал, будто оставлен с задачей ввести их в заблуждение. Он чувствовал, что я на самом деле не знал, что веду их к уничтожению, хотя делал именно это. Он думал, что существуют два способа пересечения параллельных линий. Один – при помощи чьей-нибудь силы, другой – своими собственными усилиями. Его конечный вывод состоял в том, что Сильвио Мануэль заставил их когда-то пересечь линии, напугав их так сильно, что некоторые даже вообще не помнят об этом. Их задачей было сделать это своими силами, тогда как моей задачей было помешать им в этом.

Затем заговорил Бениньо. Он сказал, что последнее, что сделал дон Хуан для своих учеников-мужчин, – это помог им пересечь параллельные линии, заставив прыгнуть в пропасть. Бениньо считал, что мы уже располагаем достаточно большим знанием о пересечении параллельных линий, но еще не пришло время, чтобы повторить это. На мосту они не могли сделать ни одного шага вперед потому, что еще не настало нужное время. Поэтому они правы, думая, что я пытался их уничтожить, заставляя пересекать линии. Он считал, что переход через параллельные линии с полным осознанием явится для них конечным шагом – шагом, который должен быть сделан только тогда, когда они будут готовы исчезнуть с этой земли.

Затем против меня выступила Лидия. Она не давала никаких оценок, но призывала меня вспомнить, как я в первый раз заманил ее на мост. Она крикливо утверждала, что я был учеником не Нагуаля, а Сильвио Мануэля, и что мы с Сильвио Мануэлем пожрали тела друг друга.

У меня вновь вспыхнул приступ ярости, как на мосту с Ла Гордой. Я вовремя взял себя в руки. Успокоила меня логичная мысль. Я повторял себе вновь и вновь, что заинтересован в анализе. Я объяснил Лидии, что бесполезно напирать на меня таким образом. Но она не хотела остановиться. Она кричала, что Сильвио Мануэль – мой хозяин, и что именно в этом причина того, что я совершенно не являюсь частью их всех.

Роза добавила, что Сильвио Мануэль дал мне все, чем я сейчас являюсь. Я попросил Розу выбирать выражения. Я сказал, что ей следовало бы говорить, что Сильвио Мануэль дал мне все, что я имею. Она настаивала на своем выборе слов. Сильвио Мануэль дал мне все, чем я являюсь.

Даже Ла Горда поддержала ее, сказав, что она помнит то время, когда я был болен – настолько болен, что у меня не оставалось сил для жизни. Все во мне было израсходовано. И именно тогда Сильвио Мануэль взял все в свои руки и вдохнул новую жизнь в мое тело. Ла Горда сказала, что мне лучше было бы узнать свое происхождение, чем продолжать, как я это делал до сих пор, утверждать, что мне помог Нагуаль. Она настаивала на том, что я фиксировался на Нагуале, вследствие его склонности к словам. Сильвио же Мануэль, наоборот, был молчаливой мглой. Она объяснила, что для того, чтобы последовать за ним, мне требовалось пересечь параллельные линии. Ну а чтобы следовать за Нагуалем, достаточно было просто говорить о нем.

Все, что они высказывали, было для меня полной бессмыслицей. Я уже собирался сделать то, что считал уместным в отношении подобной чепухи, как внезапно линия моего мышления была буквально смята. Я не мог уже вспомнить, о чем только что думал, хотя лишь секунду назад решение представлялось максимально ясным. Вместо этого на меня нахлынуло крайне любопытное воспоминание. Это было не ощущением чего-то, а ясной и чистой памятью о случившемся.

Я вспомнил, что был однажды с доном Хуаном и еще одним человеком, лица которого вспомнить не мог. Мы втроем беседовали о чем-то, что я воспринимал как одну из черт мира. Оно находилось в

трех — четырех метрах справа от меня и выглядело, как непостижимая стена желтоватого тумана, разделявшего, насколько я мог судить, весь мир надвое. Эта стена простиралась от земли до неба, уходя в бесконечность. Пока мы беседовали, половина мира, находившаяся справа от меня, была целиком закрыта этим туманом, левая же половина была видна, как на ладони.

Я помню, как сориентировался по ландшафтным признакам и понял, что ось стены тумана идет с востока на запад. Все, находящееся к северу от этой линии было известным мне миром. Помню, как спросил дона Хуана, что случилось с миром к югу от этой линии. Дон Хуан заставил меня повернуться вправо, и я увидел, что стена тумана передвигается по мере того, как я поворачиваю голову. Мир был разделен на уровне, недоступном моему интеллекту. Разделение казалось реальным, но граница проходила не на физическом уровне. Она каким-то образом находилась во мне. Или это не так?

Был еще осколок этого воспоминания. Тот, другой человек сказал, что разделить мир надвое — очень большое достижение. Но еще большее достижение, когда у воина достаточно невозмутимости и контроля для того, чтобы остановить вращение этой стены. Он сказал, что эта стена не находится внутри нас. Она, определенно, снаружи в мире, разделяя его на две части и вращаясь, когда мы поворачиваем голову, как если бы она была прикреплена к нашему правому виску. Удержание стены от поворота — это огромное достижение воина, которое дает ему возможность повернуться к ней лицом и силу проходить сквозь нее в любое время, когда он только пожелает.

Когда я рассказал всем то, что только что вспомнил, женщины были убеждены, что тот другой человек — Сильвио Мануэль. Хосефина, как знаток стены тумана, объяснила, что преимущество Элихио перед остальными состояло в его способности останавливать стену, так что он по желанию мог проходить сквозь нее. Она добавила, что сквозь стену тумана легче проходить в сновидении, потому что тогда она не движется.

Ла Горду, казалось, охватила целая серия болезненных воспоминаний. Ее тело конвульсивно подрагивало, наконец она быстро заговорила. Она сказала, что больше не имеет никаких оснований отрицать тот факт, что я был помощником Сильвио Мануэля. Сам Нагуаль предупреждал ее, что я порабошщу ее, если она не будет осторожна. Даже Соледад просила ее следить за мной, потому что мой дух берет людей в плен и делает их своими слугами. На такое был способен лишь Сильвио Мануэль. Он поработил меня, и теперь я буду порабошщать любого, кто приблизится ко мне. Она призналась, что находилась под действием моих чар вплоть до того момента, когда села в комнате Сильвио Мануэля, и что-то вдруг свалилось с ее плеч.

Я поднялся и буквально зашатался под тяжестью слов Ла Горды. В животе у меня образовался какой-то вакуум. Я был убежден, что могу рассчитывать на ее поддержку при любых обстоятельствах. Я чувствовал себя преданным. Я подумал, что для них было бы не лишним знать, что я чувствую, но на помощь пришло чувство трезвости. Вместо этого я сказал им, что моим бесстрастным заключением, как воина, является следующее. Дон Хуан изменил ход моей жизни в лучшую сторону. Я оценивал и переоценивал то, что он для меня сделал, и вывод всегда оставался тем же. Он принес мне свободу. Свобода – это все, что я знаю, и это все, что я могу принести кому-либо, пришедшему ко мне.

Нестор поддержал меня. Он убеждал женщин перестать враждебно относиться ко мне. Он смотрел на меня глазами человека не понимающего, но жаждущего понять. Он сказал, что я не принадлежу к ним, потому что в действительности я одинокая птица. Они нуждались во мне на короткий миг, чтобы порвать свои границы привязанности и рутины. Теперь, когда они свободны, только небо является их границей. Оставаться со мной было бы, без сомнения, приятно для них, но убийственно.

Он, казалось, был глубоко растроган. Он подошел ко мне, положил руку мне на плечо и сказал, что у него есть чувство, что мы никогда больше не увидимся на Земле. Он очень сожалеет, что мы расстаемся, как мелочные людишки, ропща и обвиняя. Он сказал, что говорит не только от себя, но и от имени остальных. Он просит

меня уехать, так как у нас нет больше возможности оставаться вместе. Он добавил, что посмеялся над Ла Гордой по поводу ее слов о змее, которого мы образуем. Он изменил свое мнение и больше не находит эту идею смешной. Это было нашим последним шансом добиться успеха в качестве единой группы.

Дон Хуан учил меня принимать судьбу смиренно.

– Ход судьбы воина неизменяем, – сказал он мне однажды. – Вызов для него заключается в том, как далеко он сможет пройти в пределах этих жестких границ, насколько безупречным он будет в этих жестких границах. Если на его пути встречаются препятствия, воин стремится безупречно преодолеть их. Если на своей тропе он встречает невыносимые трудности и боль, он плачет, и все его слезы, вместе взятые, не смогут сдвинуть линию его судьбы даже на толщину волоска.

Мое первоначальное решение – позволить силе этого места указать нам наш следующий шаг, – было правильным. Я поднялся. Остальные отвернули лица. Ла Горда подошла ко мне и сказала, как ни в чем не бывало, что мне следует уехать и что она присоединится ко мне потом, позднее. Я хотел возразить, что не вижу причины, почему она должна ко мне присоединяться – ведь она уже решила примкнуть к другим.

Она, казалось, прочла мое чувство, что меня предали. Она спокойно заверила меня, что мы должны исполнить свое предназначение вместе, как воины, а не как мелочные людишки, которыми мы были.

Часть вторая

Сновидения

Глава 6. Потеря человеческой формы

Несколько месяцев спустя Ла Горда поселилась в Аризоне, после того, как помогла всем остальным осесть в разных частях Мексики. Затем мы приступили к разворачиванию самой странной и самой поглощающей части нашего ученичества. Сначала наши отношения были довольно натянутыми. Мне было трудно перешагнуть через свои чувства по поводу того, каким образом мы расстались в парке Аламеда. Хотя Ла Горда и знала местонахождение остальных, мне она ни разу ничего об этом не говорила. Она чувствовала, что мне ни к чему знать об их деятельности.

Внешне между мной и Ла Гордой все было нормально. Тем не менее, я чувствовал горький осадок из-за того, что она в тот раз встала на сторону остальных против меня. Я не подавал виду, но осадок все равно оставался. Я помогал ей и делал для нее все, как если бы ничего не случилось, но это входило в курс (требование) безупречности. Это был мой долг; чтобы выполнить его, я с радостью пошел бы на смерть. Я намеренно ушел в руководство ею и в посвящение ее во все тонкости современной городской жизни. Она даже начала изучать английский язык, причем ее успехи были просто поразительны.

Три месяца пролетели почти незаметно. Но однажды, когда я находился в Лос-Анжелесе, я проснулся на рассвете с невыносимым давлением в голове. Это не было головной болью. Скорее, это походило на очень сильную тяжесть в ушах. Я чувствовал тяжесть также на веках и верхнем небе. Я ощущал жар, но только в голове. Я сделал слабую попытку подняться и сесть. Мелькнула мысль, что у меня, должно быть, удар. Поначалу мне хотелось позвать на помощь, но я все же как-то успокоился и попытался отпустить свой страх. Через некоторое время давление в голове начало спадать, но

усилилось в горле. Я задыхался, хрипел, кашлял. Спустя некоторое время давление постепенно переместилось на грудь, затем на живот, в область паха, пока, наконец, через стопы не ушло из тела.

Происходившее со мной, чем бы оно ни было, длилось примерно два часа. В течение этих мучительных часов казалось, будто что-то внутри моего тела действительно движется вниз, выходя из меня. Мне чудилось, будто это что-то сворачивается наподобие ковра. Другое сравнение, пришедшее ко мне в голову, – шарообразная масса, передвигающаяся внутри тела. Первый образ все же был точнее, так как более всего это походило на что-то, сворачивающееся на себя, ну прямо, как скатываемый ковер. Оно становилось все тяжелее и тяжелее, а отсюда – нарастающая боль, ставшая совсем нестерпимой к коленям и ступням, особенно в правой ступне, которая оставалась очень горячей еще с полчаса после того, как вся боль и давление исчезли.

Ла Горда, услышав мой рассказ, сказала, что на этот раз я, наверняка, потерял свою человеческую форму, сбросив все щиты или, по крайней мере, большинство из них. Она была права. Не зная, каким образом, даже не сознавая, что произошло, я оказался в совершенно незнакомом состоянии. Я чувствовал себя отрешенным, беспристрастным. Теперь уже было не важно, как поступила со мной Ла Горда. Это не означало, что я простил ее за предательство; просто чувство было таким, как будто никакого предательства и не было. Во мне не осталось никакой – ни явной, ни скрытой неприязни ни к Ла Горде, ни к кому бы то ни было другому. То, что я ощущал, не было безразличием или пренебрежительным отношением к действиям, не было это и отчужденностью или даже желанием быть в одиночестве. Скорее, это было незнакомое чувство отстраненности, способности погрузиться в текущий момент, не имея никаких мыслей ни о чем другом. Действия людей больше не влияли на меня, потому что я вообще больше ничего не ждал. Станный покой стал руководящей силой моей жизни. Я чувствовал, что каким-то образом все-таки усвоил одну из концепций жизни воина – отрешенность. Ла Горда сказала, что я сделал больше, чем усвоил ее, – я фактически ее воплотил⁴.

⁴ То embody – воплощать, реализовывать, осуществлять.

Дон Хуан вел со мной долгие беседы о том, что когда-нибудь я добьюсь этого. Он говорил, что отрешенность не означает автоматически мудрости, но, тем не менее, она является преимуществом, потому что позволяет воину делать моментальную паузу для переоценки ситуации и для пересмотра позиции. Однако для того, чтобы последовательно и правильно использовать это дополнительное преимущество, воин должен упорно бороться за продолжительность жизни⁵.

Я уже отчаялся когда-либо испытать это чувство. Насколько я мог судить, не было способа симпровизировать его. Мне было бесполезно думать о преимуществах этого чувства или рассуждать о возможности его появления. В течение тех лет, что я знал дона Хуана, я явно испытывал постепенное ослабление личных связей с миром, но это происходило в интеллектуальном плане. В своей повседневной жизни я не изменился, вплоть до того времени, пока не потерял свою человеческую форму.

Я беседовал с Ла Гордой о том, что концепция потери человеческой формы относится к состоянию тела, которое приходит к ученику тогда, когда он достигает определенного порога в ходе обучения. Как бы там ни было, конечным результатом потери человеческой формы для меня и Ла Горды было, как это ни странно, не только долгожданное чувство отрешенности, но и решение нашей неясной задачи по воспоминанию. И в этом случае интеллект сыграл минимальную роль.

Однажды вечером мы с Ла Гордой обсуждали кинокартину. Она ходила смотреть порнографический фильм, и мне хотелось услышать ее мнение. Фильм ей совершенно не понравился. Она утверждала, что такой опыт расслабляет, так как быть воином означает вести строгую жизнь в полном целомудрии, как Нагуаль Хуан Матус.

Я сказал ей, что дон Хуан не чуждался женщин и не был затворником, я знаю это наверняка и нахожу это великолепным.

⁵ ... unyieldingly struggle for a lifetime.

– Ты безумец! – воскликнула она с изумлением в голосе. – Нагуаль был совершенным воином. Он не был пойман ни в какие сети чувственности.

Она хотела узнать, почему я считаю, что дон Хуан не был затворником.

Я рассказал ей об одном случае, который произошел в Аризоне еще в начале моего ученичества. Я отдыхал однажды в доме дона Хуана после утомительной прогулки. Дон Хуан выглядел странно нервным. Он часто подходил к двери, чтобы выглянуть на улицу, казалось, он ждал кого-то. Затем он внезапно сказал мне, что из-за поворота дороги показалась машина, которая направляется к его дому. Он пояснил, что это девушка, его друг, везет ему одеяло. Я никогда не видел дона Хуана смущенным, и меня ужасно опечалило то, что он так расстроен, даже не знает, как поступить. По моему мнению, он не хотел моей встречи с этой девушкой. Я предложил ему спрятаться, но в его доме не было такого укромного места. Поэтому он уложил меня на пол и укрыл соломенной циновкой. Я услышал, как подъехала машина, затем через щелку в циновке увидел девушку, стоявшую в дверях. Она была высокой, стройной и очень молодой. Мне она показалась очень красивой. Дон Хуан что-то говорил ей тихим интимным голосом. Затем он повернулся и показал на меня.

– Карлос прячется под циновкой, – сказал он девушке громко и отчетливо. – Поздоровайся с ним.

Девушка помахала мне рукой и поздоровалась с дружелюбнейшей улыбкой. Я чувствовал себя очень глупо и сердился на дона Хуана за то, что он поставил меня в такое затруднительное положение. Мне казалось очевидным, что таким образом он избавляется от своей нервозности или, того хуже, красуется передо мной.

Когда девушка уехала, я сердито потребовал объяснений. Он чистосердечно сказал, что был вынужден так поступить, потому что мои ноги торчали наружу, и он не знал, что тут еще можно предпринять. Когда я услышал это, его маневр стал мне ясен. Он

просто показывал мне свою молодую подружку. Я никак не мог высовывать ноги, так как они у меня были поджаты. Я понимающе рассмеялся, и дон Хуан вынужден был объяснить, что он любит женщин, а особенно – эту девушку.

Я никогда не забывал об этом инциденте. Дон Хуан ни разу не обсуждал его. Когда бы я ни поднимал этот вопрос, он всегда меня останавливал. Я чуть ли не навязчиво думал об этой молодой девушке. Я надеялся, что когда-нибудь она разыщет меня, прочитав мои книги.

Ла Горда разволновалась. Пока я говорил, она ходила по комнате взад-вперед, чуть не плача. Я воображал всякого рода сложные сети взаимоотношений, которые оказались затронутыми здесь. Я думал, что Ла Горда – собственница, и реагирует как всякая женщина, когда ей угрожает другая.

– Ты ревнуешь, Горда? – спросил я.

– Не будь дураком, – сказала она сердито. – Я бесформенный воин. Во мне не осталось ни зависти, ни ревности.

Я спросил о том, что говорили Хенарос, – будто бы Ла Горда была женщиной Нагуаля. Ее ответ был едва слышен.

– Я думаю, что была, – сказала она с затуманенным взглядом и села на свою кровать. – У меня такое ощущение, что я была ею, хотя я и не знаю, как. В этой жизни Нагуаль Хуан Матус был для меня тем же, чем и для тебя. Он не был мужчиной. Он был Нагуалем. У него не было интереса к сексу.

Я заверил ее, что сам слышал, как дон Хуан выражал свою привязанность к этой девушке.

– Он говорил тебе, что у него с ней сексуальные отношения?

– Нет, так он не говорил, но это явствовало из того, как он говорил, – сказал я.

– Тебе бы хотелось, чтобы Нагуаль походил на тебя, не так ли?
– спросила она с усмешкой. – Нагуаль был безупречным воином.

Я считал, что прав, и не видел необходимости пересматривать свое мнение. Просто, чтобы поддеть Ла Горду, я сказал, что, может быть, та девушка была ученицей Нагуаля, а не любовницей.

Последовала длинная пауза. То, что я сказал, оказало на меня беспокоящее воздействие. До сих пор я никогда не думал о такой вероятности. Я был зашорен своим предвзятым мнением, не оставив себе никакой возможности для его переоценки.

Ла Горда попросила меня описать ту молодую женщину. Я не мог этого сделать. В самом деле, я не присматривался к ней. Я был слишком сердит и смущен, чтобы разглядывать детали. Она же, казалось, почувствовала неловкость ситуации и поспешила покинуть дом.

Ла Горда сказала, что она, безо всяких на то логических оснований, чувствует, что эта молодая женщина была ключевой фигурой в жизни Нагуаля. Ее заявление привело нас к разговору о друзьях дона Хуана. Мы часами пытались собрать по крупицам сведения о людях, связанных с ним. Я рассказал ей о нескольких случаях, когда дон Хуан приглашал меня участвовать в пейотной церемонии. Я описал всех, присутствовавших там. Она никого не узнала. Тогда я сообразил, что знаю, может быть, больше людей, связанных с доном Хуаном, чем она. Однако что-то из сказанного мной вызвало у нее воспоминание о том времени, когда она видела, как молодая женщина подвозила Нагуаля и Хенаро в небольшом белом автомобиле. Женщина высадила их обоих у дверей дома Ла Горды и пристально посмотрела на нее перед тем, как уехать. Ла Горда подумала тогда, что молодая женщина просто подбросила Нагуаля и Хенаро по их просьбе. Потом я вспомнил, что, выбравшись из-под циновки в доме дона Хуана, успел разглядеть белый Фольксваген, уезжающий прочь.

Я упомянул также о случае с участием еще одного друга дона Хуана – человека, давшего мне несколько растений пейота на городском базаре в северной Мексике. Он тоже годами занимал мое

воображение. Звали этого человека Висенте. Услышав это имя, Ла Горда отреагировала так, как будто был задет ее нерв. Ее голос стал пронзительным. Она попросила меня повторить имя и описать этого человека. И опять я не мог дать никакого описания. Я видел этого человека только однажды, в течение нескольких минут, десять лет назад.

Мы с Ла Гордой прошли через периоды злости, но злились мы не друг на друга, а на то, что держало нас закрытыми.

Последний инцидент, ускоривший наше вполне законченное воспоминание, произошел однажды, когда я простудился и оставался в постели с высокой температурой. Я дремал, и мысли бесцельно мелькали в моей голове. Весь день у меня в уме вертелась мелодия старой мексиканской песни. В какой-то момент мне стало чудиться, будто кто-то играет эту мелодию на гитаре. Я пожаловался на ее монотонность, а тот, кто играл и кому я жаловался, толкнул меня гитарой в живот. Я вскочил, уклоняясь, и, стукнувшись головой о стену, проснулся. Это не было живым сном, лишь мелодия преследовала меня. Я не мог рассеять звука гитары, он продолжал звучать у меня в ушах. Я пребывал в полусонном состоянии, прислушиваясь к музыке. Казалось, я входил в состояние сновидения — полная и продолжительная сцена сновидения появилась перед моими глазами, и в этой сцене рядом со мной сидела молодая женщина. Я мог различить каждую деталь ее внешности. Я не знал, кто она, но то, что я ее вижу, потрясло меня. В один момент я полностью проснулся. Беспокойство, которое вызвало у меня это лицо, было таким интенсивным, что я поднялся и совершенно автоматически начал ходить взад и вперед, обливаясь потом и боясь выйти из комнаты. Я также не мог позвать на помощь Ла Горду, уехавшую на несколько дней в Мексику, чтобы навестить Хосефину. Чтобы стянуть талию, я обвязался простыней. Это помогло немного утихомирить волны нервной энергии, прокатывавшиеся по мне.

По мере того, как я расхаживал по комнате, картина в моем уме постепенно расплывалась, но не в спокойное забытие, как мне хотелось бы, а в сложное полноценное воспоминание. Я вспомнил, как однажды сидел на каких-то мешках с пшеницей или ячменем,

сложенных в амбаре. Молодая женщина пела мексиканскую песню, аккомпанируя себе на гитаре. Это была та самая песня, которая звучала у меня в голове.

Когда я пошутил по поводу ее игры, она толкнула меня в живот толстым концом гитары. Там со мной сидели и другие люди – Ла Горда и двое мужчин. Я очень хорошо знал этих мужчин, но все еще не мог вспомнить, кто была эта молодая женщина. Я старался изо всех сил, но, казалось, это было безнадежно.

Я улегся спать, обливаясь потом. Я хотел немного отдохнуть, прежде чем снять мокрую пижаму. Как только я положил голову на высокую подушку, картина, казалось, еще более прояснилась, и теперь я уже знал, кто играет на гитаре.

Это была женщина-нагуаль, самое значительное на земле существо для меня и Ла Горды. Она была женским аналогом Нагуалья-мужчины, не жена и не женщина его, а его противоположная часть. Она обладала безмятежностью и властью подлинного лидера. Будучи женщиной, она воспитала⁶ нас.

Я не осмеливался слишком далеко подталкивать свою память. Интуитивно я знал, что у меня не хватит сил выстоять перед полным воспоминанием, поэтому остановился на уровне абстрактных чувств. Я знал, что она была воплощением чистейшей, ничем не замутненной и глубокой привязанности. Пожалуй, наиболее подходящим было бы сказать, что мы с Ла Гордой любили женщину-нагуаль больше самой жизни. Что такое могло случиться с нами, что мы забыли ее?

Ночью, лежа в постели, я настолько разволновался, что стал опасаться за свою жизнь. Я начал напевать какие-то слова, ставшие для меня направляющей силой. И лишь когда я успокоился, то вспомнил, что и сами слова, которые я повторял вновь и вновь, были воспоминанием, вернувшимся ко мне той ночью. Воспоминанием о формуле, о заклинании, способным провести меня через переворот, подобный тому, который я переживал:

⁶ To nurture – воспитывать, вскармливать, учить, обучать, питать, насыщать.

Я уже отдан силе, что правит моей судьбой.

Я ни за что не цепляюсь, поэтому мне нечего

Будет защищать.

У меня нет мыслей, поэтому я буду видеть.

Я ничего не боюсь, поэтому я буду помнить себя.

Эта формула имела еще одну строфу, которая в то время была для меня непонятной:

Отрешенный и непринужденный (легкий),

Я стрелой мимо Орла проскочу, чтобы быть свободным.

Моя болезнь и лихорадка, возможно, послужили своего рода буфером; его могло быть достаточно, чтобы отвести часть удара от того, что я сделал, или, скорее, от того, что нашло на меня, так как сам я намеренно не сделал ничего.

Вплоть до той ночи, если бы существовало поминутное описание моего опыта, я мог бы поручиться за непрерывность своего существования. Отрывочные воспоминания, которые были у меня о Ла Горде или о том, что я жил в том доме в горах центральной Мексики, в определенном смысле представляли угрозу моей непрерывности. Однако это не шло ни в какое сравнение с воспоминанием о женщине-нагуаль. И не столько из-за тех эмоций, которые принесло назад это воспоминание, сколько из-за того, что я ее забыл. Забыл не так, как забывают имя или мотив. До момента откровения в уме у меня не было о ней ничего. Ничего! Потом что-то нашло на меня, или что-то с меня свалилось, и я стал вспоминать самого важного для меня человека, которого, с точки зрения «я», образованного опытом моей жизни, предшествующей этому моменту, я никогда не встречал.

Я вынужден был ждать еще два дня до возвращения Ла Горды, прежде чем я смог рассказать ей о моем воспоминании. Ла Горда

вспомнила женщину-нагуаль в тот же момент, как я ей ее описал; ее осознание каким-то образом зависело от моего.

– Девушка, которую я видела в белом автомобиле, была женщина-нагуаль! – воскликнула Ла Горда. – Она возвратилась ко мне, но я не могла тогда ее вспомнить.

Я слышал ее слова и понимал их значение, но потребовалось долгое время, чтобы мысль сфокусировалась на том, что она говорила. Мое внимание дрогнуло. Казалось, у меня перед глазами поставлен источник света, который медленно угасал. У меня было ощущение, что если я не остановлю это угасание, то умру. Внезапно по мне прошла судорога, и я понял, что сложил вместе две части себя, разделенные прежде. Я понял, что молодая девушка, которую я увидел тогда в доме дона Хуана, была женщина-нагуаль.

В этот момент эмоционального подъема Ла Горда ничем не могла помочь мне. Ее настроение было заразительным. Она плакала, не переставая. Эмоциональное потрясение от воспоминания о женщине-нагуаль было для нее травмирующим.

– Как я могла ее забыть? – всхлипывала она.

Я уловил оттенок недоверия в ее взгляде.

– Ты не имел представления о ее существовании, ведь так? – спросила она.

При любых других обстоятельствах я счел бы вопрос неуместным, даже оскорбительным, но я точно так же недоумевал по поводу нее самой. Мне пришло в голову, что она, возможно, знала больше, чем говорила.

– Нет, не знал, – ответил я. – Но как насчет тебя, Ла Горда? Ты знала, что она существует?

На ее лице была такая невинность и такое замешательство, что мои сомнения рассеялись.

– Нет, – ответила она. – До сегодняшнего дня не знала. А теперь совершенно определенно знаю, что я часто сидела с ней и Нагуалем Хуаном Матусом на скамейке, на той площади в Оахаке. Я всегда помнила об этом, помнила ее черты, но считала, что видела все это во сне. Я все знала, и в то же время не знала. Но почему я думала, что это был сон?

На секунду я поддался панике. Потом у меня появилась полная уверенность в том, что по мере того, как она говорит, где-то в моем теле открывается канал. И вдруг мне стало ясно, что я тоже часто сидел с ней и доном Хуаном на той скамейке. Я вспомнил и ощущение, которое каждый раз посещало меня в таких случаях. Это было такое чувство физической удовлетворенности, счастья и полноты, что его невозможно было вообразить. Я думал о том, что дон Хуан и женщина-нагуаль были совершенными существами, и находиться в их обществе – действительно моя великая удача. Сидя на этой скамейке рядом с самыми выдающимися людьми на земле, я испытывал, пожалуй, наивысшую степень своих человеческих чувств. Однажды я сказал дону Хуану, действительно имея это в виду, что хотел бы тут же и умереть, чтобы сохранить данное чувство чистым, незапятнанным, свободным от искажений.

Я рассказал о своем воспоминании Ла Горде. Она ответила, что понимает, что я имел в виду. Секунду мы были спокойны, а затем груз нашего воспоминания опасно качнул нас в сторону печали, даже отчаяния. Мне пришлось удерживать необыкновенно сильный контроль над собой, чтобы, не заплакать. Ла Горда всхлипывала, прикрыв лицо рукой.

Через некоторое время, когда мы немного успокоились, Ла Горда уставилась мне в глаза. Я знал, о чем она думает. Это было похоже на то, что я мог читать вопросы в ее глазах. Это были те же вопросы, которые и меня донимали целыми сутками. Кто была женщина-нагуаль? Где мы ее встретили? Какова ее роль? Знают ли о ней и остальные?

Я как раз хотел сформулировать свои вопросы, но Ла Горда опередила меня.

– Я действительно не знаю, – сказала она, поймав меня на том же вопросе. – Я рассчитывала, что ты скажешь мне все это. Не знаю, почему, но я чувствую, что ты можешь объяснить мне, что к чему.

Она рассчитывала на меня, а я – на нее. Мы рассмеялись над иронией нашего положения. Я попросил ее сообщить мне все, что она помнит о женщине-нагуаль. Ла Горда сделала три или четыре попытки что-нибудь сказать, но, казалось, никак не могла собраться с мыслями.

– Я, в самом деле, не знаю, с чего начать, – сказала она. – Знаю только, что люблю ее.

Я сказал, что испытываю такие же чувства. Неземная печаль охватывала меня, когда я думал о женщине-нагуаль. Пока я говорил, тело мое начало содрогаться.

– Мы с тобой любили ее, – сказала Ла Горда. – Не знаю, почему я это говорю, но знаю, что она владела нами.

Я попросил ее объясниться, но она не могла определить, почему она так сказала. Она нервно говорила о своих чувствах. Я больше не мог уделять ей внимание, ибо ощутил пульсацию в солнечном сплетении. Начало формироваться смутное воспоминание о женщине-нагуаль. Я попросил Ла Горду продолжать говорить, повторять одно и то же, даже если ей будет нечего сказать, но не замолкать. Звук ее голоса действовал на меня, как проводник в иное измерение, в другой вид времени. Как будто кровь бежала по моим жилам под необычайным давлением. Я почувствовал покалывание со всех сторон, а затем возникло странное телесное воспоминание, я знал в своем теле, что женщина-нагуаль была существом, которое делало Нагуаля завершенным. Она принесла Нагуаля мир, полноту, чувство защищенности, освобожденности.

Я сказал Ла Горде, что у меня было такое откровение, будто женщина-нагуаль была партнером дона Хуана. Ла Горда взглянула на меня с изумлением. Она медленно покачала головой из стороны в сторону.

– Она никак не связана с Нагуалем Хуаном Матусом, идиот, – сказала она чрезвычайно авторитетным тоном. – Она была для тебя. Вот почему мы оба принадлежим ей.

Мы с Ла Гордой уставились друг на друга. Я был уверен, что она произвольно высказывает мысли, которые рационально для нее ничего не значат.

– Что ты имеешь в виду, Ла Горда, говоря, что она была для меня? – спросил я после длительного молчания.

– Она была твоим партнером, – ответила она. – Вдвоем вы были командой. А я была ее подопечной. И она доверила тебе однажды передать меня ей.

Я просил Ла Горду рассказать мне все, что она знает, но она, казалось, больше ничего не знала. Я чувствовал себя измотанным.

– Куда она делась? – внезапно спросила Ла Горда. – Я просто не могу себе представить. Она была с тобой, а не с Нагуалем. Она должна была бы быть сейчас с нами.

Потом с ней опять случился приступ неверия и страха. Она обвинила меня, что я скрываю женщину-нагуаль в Лос-Анжелесе. Я пытался успокоить ее, и вдруг с удивлением обнаружил, что разговариваю с Ла Гордой, как с ребенком. Она слушала меня с видимым вниманием, однако глаза ее были пустыми, нефокусированными. Тогда мне стало ясно, что она использует звук моего голоса точно так же, как использовал я – в качестве проводника. Я знал, что и она осознает это. Я продолжал говорить, пока не исчерпал все в пределах нашей темы. Тут что-то еще произошло, и я оказался наполовину прислушивающимся к звукам собственного голоса. Я говорил, обращаясь к Ла Горде, но без всякого волевого усилия с моей стороны.

Слова, которые, казалось, были запечатаны внутри меня, а теперь освободились, достигнув небывалого уровня абсурдности. Я говорил и говорил, пока что-то не остановило меня. Я вспомнил, что дон Хуан говорил мне и женщине-нагуаль на скамейке в Оахаке об особом человеческом существе, чья сущность объединяет для него

все, к чему он стремился и чего мог ожидать от сотрудничества с людьми. Эта женщина была для него тем же, чем и женщина-нагуаль для меня – партнером, противоположной частью. Она покинула его точно так же, как меня покинула женщина-нагуаль. Его чувства по отношению к ней были неизменными и всплывали на поверхность от меланхолии, вызванной некоторыми стихами, которые я ему читал.

Я вспомнил также, что женщина-нагуаль обычно снабжала меня книгами стихов. Она держала их целыми пачками в багажнике моей машины. Именно она побудила меня читать стихи дону Хуану. Внезапно физическая память о женщине-нагуаль, сидящей рядом со мной на скамейке, стала такой явственной, что я судорожно вдохнул, моя грудь раздулась. Давящее чувство утраты, более сильное, чем любое чувство, которое я когда-либо испытывал, завладело всем моим существом. Я согнулся с разрывающей болью в правой лопатке. Было что-то еще, что я знал. Воспоминание, которое какая-то часть меня не хотела освобождать.

Я обратился к тому, что осталось от моего интеллектуального щита, как к единственному средству вернуть самообладание. Я повторял себе вновь и вновь, что мы с Ла Гордой действовали в двух, совершенно различных планах. Она помнила намного больше, чем я. Но она не была склонна к выяснениям, ее не обучали задавать вопросы другим или себе. Затем до меня дошло, что и сам я не лучше. Я все еще был такой же размазней, как и тогда, когда дан Хуан впервые назвал меня так. Я никогда не забывал, что читал стихи дону Хуану, и, тем не менее, мне ни разу не пришло в голову проверить тот факт, что у меня никогда не было книг испанской поэзии, и я никогда не возил таких книг в своей машине.

Ла Горда прервала мои размышления. Она была почти в истерике и кричала, что ей только что стало ясно, будто женщина-нагуаль должна быть где-то совсем рядом с нами. Точно так же, как мы были оставлены, чтобы найти друг друга, женщина-нагуаль была оставлена, чтобы найти нас. Сила ее рассуждений почти убедила меня. Однако что-то во мне знало, что это не так. Это была память, находившаяся внутри меня, которую я не смел вывести на поверхность.

Я хотел затеять с Ла Гордой спор, но не нашел в этом смысла, так как мой щит интеллекта и слов был недостаточен для того, чтобы смягчить воздействие воспоминания о женщине-нагуаль. Его эффект был потрясающим для меня, и более опустошающим, чем даже страх смерти.

– Женщина-нагуаль где-то потерпела кораблекрушение, – жалобно сказала Ла Горда. – Она, вероятно, на необитаемом острове, а мы ничего не делаем, чтобы помочь ей.

– Нет! Нет! – заорал я. – Ее больше здесь нет.

Я не знал в точности, почему я так сказал, но знал, что это правда. На минуту мы погрузились в такие глубины печали, которые невозможно было измерить рассудком. В первый раз на моей памяти я знал, что чувствую искреннюю, безграничную печаль, ужасную незавершенность. Где-то внутри меня была рана, которая открылась снова.

На этот раз я не мог спрятаться, как делал это много раз в прошлом, за покровом загадки и незнания. Не знать было бы для меня благословением. Какую-то секунду я безнадежно соскальзывал в отчаяние. Ла Горда остановила меня.

– Воин – это тот, кто ищет свободу, – сказала она мне. – Печаль – это не свобода. Мы должны освободиться от нее.

Иметь чувство отрешенности, как говорил дон Хуан, значит располагать на мгновение паузой для переоценки ситуации. В глубинах своей печали я знал, что он имел в виду. У меня была отрешенность. Я мог постараться использовать эту паузу правильно.

Я не был уверен, сыграло ли здесь роль какое-нибудь волевое усилие с моей стороны, но моя печаль совершенно исчезла. Казалось, ее никогда не существовало. Скорость изменения моего настроения была мгновенной, и полнота этого изменения встревожила меня.

– Вот теперь ты там, где и я, – воскликнула Ла Горда, когда я описал ей то, что произошло. – После стольких лет я еще не

научилась управлять бесформенностью. Я беспомощно перемещаюсь мгновенно от одного чувства к другому. Из-за своей бесформенности я могу помочь сестричкам, но я также и в их власти. Любая из них достаточно сильна, чтобы толкнуть меня из одной крайности в другую. Проблема была в том, что я потеряла человеческую форму раньше тебя. Если бы мы с тобой потеряли ее одновременно, то могли бы помогать друг другу. Ну, а в той ситуации, в которой я была, я переходила то вверх, то вниз быстрее, чем заботилась о том, чтобы помнить.

Я должен признаться, что ее претензии на бесформенность всегда были сомнительны для меня. В моем понимании потеря человеческой формы влекла за собой и необходимые последствия – постоянство характера, что в свете ее постоянных подъемов и спадов было вне ее возможностей. Из-за этого я судил ее резко и несправедливо. Потеряв свою человеческую форму, я теперь находился в положении, в котором мог понять, что бесформенность, пожалуй, вредила трезвости и уравновешенности. Она не означала автоматического обладания эмоциональной устойчивостью. Быть отрешенным, способным погружаться во все, что делаешь, естественно распространялось на все, включая непостоянство и явную мелочность.

Преимущество бесформенности в том, что она дает нам мгновенную паузу, при условии, что мы имеем самодисциплину и мужество, чтобы воспользоваться ею.

Наконец-то поведение Ла Горды в прошлом стало понятным мне. Она уже несколько лет была бесформенной, но не имела необходимой самодисциплины. Таким образом, она оказывалась во власти резких перепадов настроения и невероятного несоответствия между ее поступками и задачами.

После наших первоначальных воспоминаний о женщине-нагуаль мы с Ла Гордой приложили все наши усилия и целыми днями пытались вывести на поверхность еще какие-нибудь воспоминания, но их вроде бы больше не было. Я опять вернулся туда, где был до того, как начал вспоминать. Я догадывался, что во мне, каким-то образом, похоронено еще очень многое, но не мог до

этого добраться. Мой ум был свободен даже от самых смутных намеков на еще какие-нибудь воспоминания.

Мы с Ла Гордой прошли через период ужасных сомнений и смятения. В нашем случае быть бесформенными означало быть опустошаемыми самыми ужасными сомнениями, какие только возможны.

Мы чувствовали себя подопытными морскими свинками в руках дона Хуана, существа, предположительно знакомого нам, но о котором в действительности мы ничего не знали. Мы накачивали друг друга сомнениями и страхами. Самой серьезной темой была, конечно, женщина-нагуаль. Когда мы фокусировали на ней свое внимание, наша память о ней становилась настолько четкой, что мы не могли представить, как умудрились забыть ее. Это вновь и вновь провоцировало рассуждения о том, что же в действительности сделал с нами дон Хуан. Эти предположения очень легко приводили нас к чувству, что мы были использованы. Мы приходили в ярость от неизбежного вывода, что он нами манипулировал, оставив затем беспомощными и неизвестными самим себе.

Когда наша ярость выдохлась, нас начал охватывать страх – потому что мы оставались лицом к лицу с пугающей возможностью того, что дон Хуан мог сделать с нами еще более разрушительные вещи.

Глава 7. Совместное сновидение

Однажды, для того, чтобы рассеять наше тяжелое настроение, я предложил заняться сновидением. Как только я высказал свою идею, я осознал, что тот мрак, который целыми днями преследовал меня, может быть резко отброшен желанием перемены. Я отчетливо понял: наша с Ла Гордой проблема состояла в том, что мы неосознанно сфокусировали внимание на страхе и недоверии, тогда как все время имели, не осознавая того, противоположную возможность – сконцентрировать внимание на той загадке, на чуде, которое с нами произошло.

Я рассказал Ла Горде о своих соображениях. Она сразу же согласилась со мной, как-то оживилась, тучи ее хандры рассеялись за несколько секунд.

– Какого рода сновидениями ты предлагаешь нам заняться? – спросила она.

– А сколько их есть? – спросил я.

– Мы можем попробовать совместное сновидение, – ответила она. – Мое тело подсказывает мне, что мы уже делали это раньше, уходя в сновидение парой. Это будет для нас страховкой, как в совместном видении.

– Но ведь мы не знаем, что представляет собой процедура совместного сновидения, – сказал я.

– Мы не знали, как видеть совместно, и, однако же, видели, – возразила она. – Я уверена, что мы сможем сделать это, если попробуем. Потому что во всем, что делает воин, нет ступеней. Есть только личная сила. И как раз сейчас она у нас имеется. Мы должны начать наше сновидение в двух различных точках, отстоящих одна от другой настолько далеко, насколько это возможно. Тот, кто войдет в сновидение первым, подождет второго. Как только мы отыщем друг друга, мы сцепим руки и отправимся глубже вместе.

Я сказал, что не имею ни малейшего представления, как ждать ее, если я войду в сновидение первым. Она и сама не могла объяснить всего этого, но сказала, что ждать второго сновидящего означает то, что Хосефина называла «схватить» его. Ла Горда была однажды так схвачена Хосефиной.

– Хосефина называла это «схватыванием», потому что один из нас должен схватить второго за руку, – объяснила она.

Затем она продемонстрировала процедуру смыкания своего левого предплечья с моим правым, когда один берет другого за руку ниже локтя.

– Но как мы сможем сделать это в сновидении? – спросил я.

Я всегда считал, что сновидение – это одно из самых интимных состояний, какие только можно вообразить.

– Не знаю, но я тебя схвачу, – пообещала Ла Горда. – Я полагаю, что мое тело знает, как это сделать. Но чем больше мы об этом разговариваем, тем труднее будет это сделать.

Мы начали свое сновидение в разных местах. Мы могли договориться только о времени, когда ляжем в постель, поскольку вход в сновидение был чем-то таким, чего нельзя рассчитать по минутам.

Возможность того, что именно мне придется ждать Ла Горду, а не наоборот, сильно беспокоила меня, и я не мог войти в сновидение с обычной легкостью. Через десять-пятнадцать минут беспокойства мне наконец удалось войти в состояние, которое я называю спокойным бодрствованием.

Несколько лет назад, когда я достиг определенной опытности в сновидении, я спрашивал дона Хуана, есть ли тут какие-нибудь известные ступени, которые были бы общими для всех нас. Он сказал, что, в конечном счете, каждый сновидящий отличается от других. Но, разговаривая с Ла Гордой, я обнаружил такое сходство в наших сновидениях, что набросал возможную классификационную схему различных состояний.

Спокойное бодрствование – это предварительное состояние, когда чувства засыпают, но человек продолжает осознавать. В моем случае я всегда воспринимал в этом состоянии поток красноватого света, точно такого, какой видишь, когда через плотно сомкнутые веки смотришь на солнце.

Второе состояние сновидения я назвал динамическим бодрствованием. В этом случае красноватый свет рассеивается, как туман, и смотришь на какую-нибудь сцену, вроде табло, так как эта сцена неподвижна. Видишь трехмерную картину. Застывший кусочек чего-то, будь то пейзаж, улица, человек, лицо, что угодно.

Третье состояние я определил как пассивное наблюдение. В этом состоянии сновидящий уже не смотрит на застывший осколок мира, но наблюдает, являясь свидетелем происходящего события. Это выглядит так, как если бы преобладание у нас зрительных и слуховых ощущений превращало это состояние сновидения главным образом в дело глаз и ушей.

В четвертом состоянии я оказываюсь втянутым в действие. В нем человеку нужно прилагать инициативу, предпринимать какие-то шаги. Здесь он проводит большую часть своего времени. Я назвал это состояние динамической инициативой.

Предложение Ла Горды подождать меня было связано со вторым и третьим состояниями нашего совместного сновидения. Когда я вошел в состояние динамического бодрствования, я увидел сцену сновидения, где находились дон Хуан и другие люди, включая и полную Ла Горду. Прежде, чем я успел хотя бы разобраться в том, что вижу, я ощутил сильнейший рывок за руку и сообразил, что рядом со мной «реальная» Ла Горда. Она находилась слева от меня и схватила меня за левое предплечье своей правой рукой. Я ясно почувствовал, как она подняла мою руку к своему предплечью, чтобы мы могли держаться за предплечья друг друга. Потом я оказался в третьем состоянии сновидения, в пассивном наблюдении. Дон Хуан говорил мне, чтобы я присматривал за Ла Гордой и заботился о ней самым эгоистичным образом – так, словно она является мною самим.

Его игра словами доставляла мне удовольствие. Я чувствовал неземное блаженство, находясь здесь вместе с ним и другими. Дон Хуан продолжал объяснять, что мой эгоизм может быть прекрасно использован, и что его вполне можно запрячь в работу.

Общее чувство товарищества царило среди собравшихся здесь людей. Они смеялись над тем, что говорил дон Хуан, но не высмеивали.

Дон Хуан сказал, что самый верный способ запрячь наш эгоизм в работу – с помощью деятельности, которой мы занимаемся в повседневной жизни. Он говорил, что я был эффективен во всем, что делал, потому что некому было разбудить во мне дьявола, и что для меня не было вызовом – взлететь, подобно стреле, самостоятельно. Однако если дать мне задачу, подобную заботе о Ла Горде, то моя независимая эффективность разлетится вдребезги, и для того, чтобы выжить, мне придется расширить эгоистическую заботу о себе настолько, чтобы включить Ла Горду. Только через помощь ей, подчеркнул дон Хуан, я смогу найти ключи к выполнению своей истинной задачи.

Ла Горда обхватила меня за шею своими толстыми руками. Дон Хуан вынужден был остановиться. Он так смеялся, что не мог продолжать говорить. Все просто с ног падали от хохота.

Я ощущал смущение и раздражение в отношении Ла Горды. Я попытался освободиться от ее объятий, но ее руки были крепко сомкнуты у меня на шее. Дон Хуан сделал знак рукой, чтобы остановить меня. Он сказал, что испытываемое мною минимальное раздражение – ничто по сравнению с тем, что меня ждет.

Смех утихал. Я чувствовал себя счастливым, хотя и огорчился, что придется иметь дело с Ла Гордой, так как не знал, что это за собой повлечет.

В этот момент в моем сновидении я изменил точку зрения, или, вернее, что-то выдернуло меня из сцены, и я стал смотреть вокруг как зритель.

Мы находились в доме в северной Мексике, как я мог определить по окружающему ландшафту, который был виден с того места, где я стоял.

Я видел отдаленные горы. Я вспомнил также обстановку дома и его расположение. Мы находились на заднем дворе под навесом на открытой веранде. Некоторые из присутствующих сидели на громоздких стульях. Большинство стояли или сидели на полу. Я узнавал каждого из них. Там было 16 человек. Ла Горда стояла рядом со мной лицом к дону Хуану.

Тут я осознал, что могу испытывать одновременно два различных чувства. Я мог или войти в сцену сновидения и чувствовать, что повторяю давно забытое переживание, или же быть свидетелем этой сцены, сохраняя настроение моей теперешней жизни. Когда я погружался в сцену сновидения, я чувствовал себя в безопасности и под защитой, когда же я был свидетелем, сохраняя свое нынешнее настроение, я чувствовал себя потерянным, незащищенным, встревоженным. Мне это настроение не понравилось, поэтому я погрузился в сцену сновидения.

Полная Ла Горда спросила дона Хуана голосом, перекрывавшим смех всех и каждого, буду ли я ее мужем. Последовала секундная пауза. Дон Хуан, казалось, перебирал варианты ответа. Он погладил ее по голове и сказал, что может поговорить со мной и что я буду в восторге от возможности стать ее мужем. Все присутствующие захохотали. Я смеялся вместе с ними. Мое тело сотрясилось от самого искреннего удовольствия, тем не менее я не чувствовал себя смеющимся над Ла Гордой. Я не считал ее ни клоуном, ни дурой. Она была ребенком. Дон Хуан повернулся ко мне и сказал, что я должен чтить Ла Горду вне зависимости от того, как она станет поступать по отношению ко мне, и что через взаимодействие с ней я должен научить свое тело чувствовать себя легко и свободно в самых трудных ситуациях. Дон Хуан обратился к группе и заметил, что намного легче хорошо себя чувствовать в условиях максимального стресса, чем быть безупречным в обычных обстоятельствах, таких, как взаимодействие с кем-нибудь вроде Ла Горды.

Дон Хуан добавил, что ни при каких условиях я не должен сердиться на Ла Горду, потому что она действительно будет моим бенефактором, так как только через нее я смогу запрячь в работу свой эгоизм.

Я настолько глубоко погрузился в сновидение, что забыл о том, что я сновидящий. Внезапное давление на руку напомнило мне, что я в сновидении. Я почувствовал присутствие Ла Горды рядом со мной, но не видел ее. Она существовала только как прикосновение, тактильное ощущение на моем предплечье. Я перевел на него свое внимание, и это ощущение стало чувствоваться как цепкая хватка, а затем и вся Ла Горда материализовалась целиком, как если бы она была сделана из наложенных друг на друга кадров фотопленки. Это было что-то, похожее на комбинированную съемку в кино. Сцена сновидения рассеялась. Вместо этого мы с Ла Гордой смотрели друг на друга, взявшись за руки.

Одновременно мы опять сфокусировали свое внимание на сцене сновидения, свидетелями которой были. В этот момент я знал без тени сомнения, что мы оба видим одно и то же. Теперь дон Хуан говорил что-то Ла Горде, но я не мог слышать. Мое внимание скакало туда-сюда между третьим состоянием сновидения, пассивным наблюдением, и вторым, динамическим бодрствованием. В какой-то момент я оказывался с доном Хуаном, Ла Гордой и остальными шестнадцатью людьми, а уже в следующую секунду – с современной Ла Гордой, наблюдая застывшую сцену. Затем резкий рывок моего тела перевел меня на другой уровень внимания: я ощутил что-то, похожее на хруст сухого кусочка дерева. Это был маленький взрыв, он походил на очень громкое щелканье сустава пальца. Я оказался в первом состоянии сновидения – в спокойном бодрствовании. Я спал, но в то же время полностью все осознавал. Я хотел подольше остаться на этой мирной стадии, но еще один рывок заставил меня моментально проснуться. Я внезапно осознал, что мы с Ла Гордой сновидели вместе.

Мне более чем не терпелось поговорить с ней. Она чувствовала то же самое. Мы начали оживленно разговаривать друг с другом. Когда мы успокоились, я попросил ее описать мне все, что произошло с ней в нашем совместном сновидении.

– Я тебя долго ждала, – сказала она. – Какая-то часть во мне думала, что я тебя прозевала, но другая знала, что ты нервничаешь и у тебя затруднения, поэтому я ждала.

– Где ты ждала, Ла Горда?

– Я не знаю. Я знаю, что уже вышла из красноватого света, но еще ничего не могла видеть и как бы нащупывала дорогу. А может, я все еще была в красноватом свете. Хотя нет, он не был красноватым. Место, где я находилась, было окрашено в светло-персиковый цвет. Затем я открыла глаза, и там был ты. Ты, казалось, готов был уйти, и поэтому я схватила тебя за руку. Затем я увидела Нагуаля, тебя, себя, других людей в доме Висенте. Ты был моложе, а я была полная.

Упоминание о доме Висенте принесло мне внезапное осознание. Я сказал Ла Горде, что однажды, когда я проезжал через Закатекас в северной Мексике, у меня появилось странное желание заехать и навестить одного из друзей дона Хуана, Висенте. При этом я не понимал, что, поступая так, я необдуманно врываюсь в закрытую область, так как дон Хуан никогда меня с ним не знакомил. Висенте, как и женщина-нагуаль, принадлежали к другой области, к иному миру. Не удивительно, что Ла Горда была так потрясена, когда я рассказал ей о своем визите. Мы его знали настолько хорошо, и он был так же близок к нам, как дон Хенаро, может, даже еще ближе. И, тем не менее, мы его забыли, так же, как и женщину-нагуаль.

Здесь мы с Ла Гордой сразу сделали огромный шаг вглубь воспоминаний. Мы оба вспомнили, что Висенте, Хенаро и Сильвио Мануэль были друзьями дона Хуана, его соратниками. Они все были связаны своего рода обетом. Мы с Ла Гордой не могли припомнить, что их объединяло. Висенте не был индейцем. В молодости он был фармацевтом. Он был ученым группы и настоящим целителем, который постоянно поддерживал их всех здоровыми. У него была страсть к ботанике. Я был абсолютно убежден, что он знает о растениях больше, чем кто-либо из ныне живущих людей. Мы с Ла Гордой вспомнили, что именно Висенте научил всех нас, включая дона Хуана, пользоваться лекарственными растениями. Он особенно

интересовался Нестором, и мы считали, что Нестор будет похож на него.

– Воспоминание о Висенте заставляет меня думать о самой себе, – сказала Ла Горда. – Это наводит меня на мысль, какой непереносимой женщиной я была. Самое худшее, что может произойти с женщиной – это родить детей, получить дыры в своем теле и, тем не менее, вести себя как маленькая девочка. В этом и была моя проблема. Я хотела быть умной, но была пустышкой. И они позволяли мне строить из себя дуру, поддерживали в том, чтобы быть ослицей.

– Кто "они", Ла Горда? – спросил я.

– Нагуаль и Висенте, и все эти люди, бывшие в доме, когда я вела себя с тобой такой ослицей.

Мы с Ла Гордой вспомнили одновременно. Ей позволяли быть несносной только со мной. Больше никто не поддерживал ее чепухи, хотя она и пыталась отыгаться на каждом.

– Висенте принимал меня, – сказала Ла Горда. – Он все время играл со мной. Я даже звала его дядей. Когда я попыталась назвать дядей Сильвио Мануэля, он чуть не разодрал кожу у меня подмышками своими когтеподобными руками.

Мы попытались сфокусировать наше внимание на Сильвио Мануэле, но не могли вспомнить, как он выглядел. Мы могли ощущать его присутствие в своих воспоминаниях, но в них он не был личностью, он был только ощущением.

Насколько это касалось сцены сновидения, мы помнили, что она была точной копией того, что действительно имело место в нашей жизни в определенное время и в определенном месте. Но мы никак не могли вспомнить, когда именно. Я, однако, знал, что принял заботу о Ла Горде как средство самовоспитания и подготовки к преодолению трудностей взаимодействия с людьми.

Совершенно необходимо было воспитать в себе чувство легкости при столкновении с затруднительными социальными ситуациями, и

здесь никто не мог быть лучшим тренером, чем Ла Горда. Проблески воспоминаний, появлявшиеся у меня по отношению к полной Ла Горде, проистекали именно из этих обстоятельств, так как я буквально последовал указаниям дона Хуана.

Ла Горда сказала, что ей не нравилось настроение сцены сновидения. Она бы предпочла просто следить за ней, но я втащил ее внутрь сцены, заставив переживать свои старые чувства, которые были ей отвратительны. Ее неудобство было так велико, что она намеренно сжала мою руку, чтобы прервать наше участие в чем-то, столь неприятном для нее.

На следующий день мы договорились о времени нашего следующего сеанса совместного сновидения. Она начала его из своей спальни, а я – из своего кабинета, но ничего не произошло. Мы выдохлись уже от попытки войти в сновидение. Целыми днями после этого мы пытались достичь эффективности нашего первого опыта. С каждой неудачей мы становились все более жадными и погружались в отчаяние.

Перед лицом наших неудач я решил, что нам следует на некоторое время отказаться от совместного сновидения и более внимательно рассмотреть сам процесс сновидения, проанализировав его концепции и процедуры. Ла Горда поначалу не согласилась со мной. Для нее идея того, что необходим обзор всего, что мы знаем о сновидении, была как бы еще одним способом поддаться отчаянию и жадности. Она предпочитала продолжать попытки, даже если мы не добиваемся успеха. Я настаивал, и она в конце концов приняла мою точку зрения просто из чувства растерянности.

Однажды вечером мы сели и так непринужденно, как только могли, стали обсуждать все, что мы знали о сновидениях. Вскоре выяснилось, что здесь есть несколько ключевых тем, которым дон Хуан придавал особое значение.

Прежде всего, это сам акт сновидения. Он, видимо, начинается как совершенно особое состояние осознания, к которому приходишь, фокусируя остаток сознания, который еще имеешь во сне, на отдельных чертах или элементах сна. Этот остаток сознания,

который дон Хуан называл «вторым вниманием», вводился в действие или запрягался в работу при помощи упражнений неделания. Мы считали, что существенной помощью сновидению было состояние умственного покоя, которое дон Хуан называл «остановкой внутреннего диалога» или «неделанием разговора с самим собой». Чтобы научить меня выполнению этого, он обычно заставлял меня проходить многие мили, удерживая фиксированные и несфокусированные глаза на уровне чуть выше горизонта с тем, чтобы делать ударение на периферийном поле зрения. Этот метод был эффективен сразу в двух планах. После нескольких лет попыток, он позволил мне остановить свой внутренний диалог, и он тренировал мое внимание. Заставляя меня концентрировать внимание на периферии поля зрения, дон Хуан усиливал мою способность сосредоточиваться в течение длительного времени на одной-единственной деятельности.

Позднее, когда я добился успеха в контроле своего внимания и часами мог заниматься какой-нибудь нудной работой, не отвлекаясь, на что ранее не был способен, дон Хуан говорил мне, что наилучший способ войти в сновидение – концентрировать внимание на кончике грудины, на верхней части живота. Он сказал, что внимание, нужное для сновидения, исходит из этой области. Та же энергия, которая нужна, чтобы двигаться и искать в сновидении, исходит из области, расположенной на 2-5 см. ниже пупка. Он называл эту энергию «волей», или силой собирать воедино и выбирать. У женщин как внимание, так и энергия для сновидения исходят из матки.

– Сновидение женщины должно исходить из матки, потому что это ее центр, – заметила Ла Горда. – Мне для того, чтобы начать сновидение или прекратить его, нужно всего лишь перенести внимание на мою матку. Я научилась чувствовать ее внутри. Я сразу вижу красноватое сияние и затем отправляюсь.

– Сколько времени тебе требуется, чтобы увидеть его?

– Несколько секунд. В то же мгновение, когда мое внимание сосредотачивается на матке, я уже в сновидении, – продолжала она. – Я никогда не прикладываю больших усилий и никогда не делала

этого. У женщин всегда так. Самое трудное для нас – понять, как начать. Мне потребовалось два года, чтобы прервать внутренний диалог и сконцентрироваться на матке. Может, поэтому женщина всегда и нуждается в ком-либо, кто направлял бы ее.

Нагуаль клал мне на живот холодные мокрые речные камни, чтобы я почувствовала эту область, или просто какой-нибудь грузик. У меня было свинцовое грузило, которое он дал мне. Он заставлял меня закрывать глаза и концентрировать внимание на той точке, где находился груз. Каждый раз я засыпала. Но это его не заботило. Фактически не имеет значения, что делаешь, в то время как внимание сконцентрировано на матке. В конце концов я научилась концентрироваться на этой точке без всякого грузика.

Однажды я самостоятельно вошла в сновидение. Я чувствовала свой живот в том месте, куда Нагуаль так часто клал грузик, когда внезапно заснула, как и обычно, но только при этом что-то втянуло меня прямо в мою матку. Я увидела красноватое сияние, а затем совершенно изумительный сон. Но как только я попыталась пересказать его Нагуалю, я поняла, что это не был обычный сон. Я не смогла объяснить ему, что это был за сон, просто я чувствовала себя очень сильной и счастливой. Он сказал, что это было сновидение.

С тех пор он никогда не клал на меня грузик. Он позволял мне заниматься сновидением, не вмешиваясь. Время от времени он просил меня рассказать ему об этом и давал указания. Вот так должно осуществляться обучение сновидению.

Ла Горда сказала, что, по словам дона Хуана, для помощи сновидению, в качестве неделания, могло подойти, что угодно, при условии, что это заставляет внимание оставаться фиксированным. Например, он заставлял ее и других учеников пристально смотреть на камни и листья и поддерживал Паблито, когда тот захотел сконструировать свое собственное устройство для неделания. Паблито начал с неделания ходьбы задом наперед. Он двигался, бросая короткие взгляды через плечо, чтобы видеть тропу и избегать, препятствий на ней. Я подал ему идею использовать зеркальце заднего обзора, а он развил ее в целую конструкцию из

деревянного шлема с придатками, на которых примерно в 15 см. от его лица и на 5 см. ниже уровня его глаз были укреплены два маленьких зеркальца. Эти зеркальца не мешали ему смотреть вперед, а благодаря боковому углу, под которым они были установлены, они охватывали все пространство позади него. Паблито хвастал, что имеет полный круговой обзор. При помощи этой конструкции Паблито мог идти задом наперед на любое расстояние и сколь угодно долго.

Поза, которую нужно принимать для сновидения, тоже была очень важной темой.

– Не знаю, почему Нагуаль не говорил мне с самого начала, – сказала Ла Горда, – что лучшей позой, которая нужна для женщины, чтобы начать сновидение, будет сесть со скрещенными ногами, а затем дать телу упасть, как оно и сделает, если сосредоточить внимание на сновидении. Нагуаль сказал мне об этом, наверное, через год после того, как я начала. Теперь я секунду сижу в таком положении, затем ощущаю свою матку, и вот я уже в сновидении.

В самом начале, так же, как и Ла Горда, я входил в сновидение, лежа на спине, пока однажды дон Хуан не сказал мне, что я добьюсь лучших результатов, если буду сидеть на тонкой мягкой циновке, сложив ступни ног одна к другой и положив бедра так, чтобы они касались циновки. Он указал, что поскольку у меня гибкие тазобедренные суставы, то я должен развить их полностью, ставя перед собой задачу, чтобы мои бедра полностью прилегали к циновке. Он добавил, что если я буду входить в сновидение в таком сидячем положении, то мое тело не соскользнет и не упадет в сторону, а туловище наклонится вперед, и я лягу лбом на ступни.

Еще одной очень важной темой было время, в которое следует проводить сновидение. Дон Хуан говорил нам, что наиболее благоприятны для этого – поздняя ночь и раннее утро. Причина, по которой он предпочитал именно эти часы, крылась в том, что он называл практическим применением знания магов. Он сказал, что поскольку заниматься сновидением приходится в социальном окружении, следует выбирать наилучшие условия для уединения и

отсутствия вмешательства. Вмешательством, которое он имел в виду, было не физическое присутствие людей, а их внимание. По словам дона Хуана, бессмысленно уходить из мира и прятаться, потому что даже если человек совсем один в уединенном и пустынном месте, вмешательство людей превалирует, потому что невозможно отключить фиксацию их первого внимания. В зависимости от местности, в часы, когда большинство людей спит, возможно отвести часть этой фиксации на короткий отрезок времени. Именно в эти часы первое внимание окружающих спит.

Это привело к его описанию второго внимания. Дон Хуан объяснял нам, что внимание, необходимое в начале сновидения, должно быть насильственно остановлено на любой детали сна. Таким путем обездвиживания нашего внимания обычный сон можно превратить в сновидение.

Далее он объяснил, что в сновидении приходится пользоваться теми же механизмами внимания, что и в повседневной жизни. Наше первое внимание приучено с большой силой концентрироваться на деталях мира для того, чтобы превратить аморфную и хаотическую сферу восприятия в упорядоченный мир осознания.

Дон Хуан сказал нам также, что второе внимание выполняло функции приманки, притягивающей шансы. Чем больше им пользуются, тем выше вероятность достичь желаемого результата. Но это была также и функция внимания вообще, функция, принимаемая как нечто, настолько само собой разумеющееся в обычной жизни, что ее перестали замечать. Если мы сталкиваемся с удачей, мы говорим о ней как о случае или совпадении, а не в том смысле, что внимание приманило это событие.

Обсуждение второго внимания подготовило почву для второй ключевой темы – тела сновидения. Для того, чтобы привести к нему Ла Горду, дон Хуан поставил перед ней задачу останавливать ее второе внимание так твердо и настойчиво, как только она могла, на составляющих чувства полета в сновидении.

– Как ты научилась летать в сновидении? – спросил и ее. – Тебя кто-нибудь учил?

– Нагуаль Хуан Матус учил меня здесь, в этом мире, – ответила она. – И в сновидении кто-то, кого я никогда не могла увидеть, учил меня. Это был только голос, говорящий мне, что я должна делать. Нагуаль поставил мне задачу летать в сновидении, а голос учил меня тому, как делать это. Затем у меня ушли годы на то, чтобы научиться переходить из обычного тела, которое можно потрогать, в тело сновидения.

– Ты должна мне это объяснить, Ла Горда, – сказал я.

– Ты учился входить в свое тело сновидения, когда видел в сновидении, что выходишь из своего тела. Но, насколько я могу судить, Нагуаль не дал тебе никакой специальной задачи, поэтому ты отправляешься по любому старому пути, по какому только можешь. Передо мной же стояла задача использовать свое тело сновидения. Такую же задачу имели и сестрички. Однажды у меня был сон, в котором я летала, как воздушный змей. Я рассказала об этом Нагуалю, так как мне понравилось ощущение парения. Он воспринял все это очень серьезно и превратил в задачу. Он сказал, что как только человек выучивается делать сновидение, любой сон, который он может запомнить, уже не является просто сном, это – сновидение.

Тогда я стала стараться летать в сновидении. Но я не могла его настроить. Чем больше я старалась воздействовать на свое сновидение, тем труднее это становилось. В конце концов Нагуаль сказал, чтобы я перестала пытаться и позволила ему прийти самому. Мало-помалу я научилась летать в сновидениях. Именно тогда какой-то голос начал говорить мне, что надо делать. Это был женский голос, как я всегда чувствовала.

Когда я научилась летать в совершенстве, Нагуаль сказал, что каждое движение полета, которому я научилась в сновидении, я должна повторить наяву. У тебя была такая же возможность, когда саблезубый тигр учил тебя дышать. Но ты никогда не превращался в тигра в сновидении, поэтому не мог правильно сделать это в состоянии бодрствования. Ну, а я научилась летать в сновидении. Сдвигая свое внимание в тело сновидения, я могла летать как воздушный змей и тогда, когда бодрствовала. Однажды я показала

тебе, как я летаю, так как хотела, чтобы ты увидел, как я научилась использовать свое тело сновидения. Но ты не знал, что происходит.

Она имела в виду тот случай, когда она перепугала меня своим невообразимым имитированием реального колыхания в воздухе, подобно воздушному змею. Событие это настолько далеко выходило за рамки моего понимания, что я едва ли мог начать его обдумывать хоть сколько-нибудь логично. Как всегда, сталкиваясь с такими вещами, я относил их к аморфной категории «ощущений в условиях стресса». Я придерживался мнения, что в условиях сильного стресса восприятие органов чувств очень сильно искажается. Мое объяснение ничего не объясняло, но, казалось, удерживало рассудок в умиротворенном состоянии.

Я сказал Ла Горде, что в том, что она называла своим сдвигом в тело сновидения, должно быть еще и многое другое, помимо простого повторения летательных движений.

Прежде, чем ответить, она немного подумала.

– Я полагаю, Нагуаль тебе тоже говорил, – сказала она, – что единственное, на самом деле имеющее значение в осуществлении подобного сдвига, – это закрепление второго внимания. Нагуаль говорил тебе, что именно внимание создает мир. Он был, конечно, абсолютно прав. У него были причины так говорить. Он был мастером внимания. Я думаю, он сознательно ставил передо мной задачу самой понять, что все, что требуется мне, чтобы переместиться в тело сновидения, это сфокусировать свое внимание на полете. Здесь важно накапливать внимание в сновидении, наблюдая за тем, что делаешь во время полета. Это единственный способ культивировать второе внимание. Как только оно окрепло, стоило лишь чуть-чуть сфокусировать его на деталях и чувстве полета, чтобы это вызывало еще больше сновидения полета до тех пор, пока для меня не стало обычным сновидеть, что я парю в воздухе.

Таким образом, в деле полета мое второе внимание было обострено. Когда Нагуаль поставил передо мной задачу перемещаться в тело сновидения, он имел в виду, чтобы я включила

свое второе внимание, бодрствуя. Так я это понимаю. Первое внимание, внимание, создающее мир, никогда нельзя преодолеть полностью. Оно лишь на какое-то время может быть выключено и замещено вторым вниманием, при условии, что тело уже накопило его в достаточном количестве. Искусство сновидения является естественным путем накопления второго внимания. Поэтому можно сказать, что для перемещения в тело сновидения в бодрствующем состоянии надо следовать практике сновидения, пока у тебя из ушей дым не пойдет.

– Можешь ли ты в любое время, когда захочешь, попадать в свое тело сновидения? – спросил я.

– Нет, это не так просто, – ответила она. – Я научилась повторять движения и чувство полета в бодрствующем состоянии, но, тем не менее, я не могу летать, когда пожелаю. Для моего тела сновидения всегда существует барьер. Иногда я чувствую, что барьер снят. В это время мое тело свободно, и я могу летать, как если бы я была в сновидении.

Я сказал Ла Горде, что в моем случае дон Хуан поставил передо мной три задачи для тренировки второго внимания. Первая состояла в том, что я находил в сновидении свои руки. Затем он рекомендовал мне выбрать место и сфокусировать внимание на нем, а затем провести сновидение днем и посмотреть, смогу ли я в действительности туда попасть. Он предложил, чтобы я поместил в это место кого-нибудь, кого я знаю, предпочтительно женщину, преследуя две цели. Во-первых, зафиксировать малейшие изменения, которые могут действительно указать на то, что я был там в сновидении; во-вторых, найти какую-нибудь малозаметную деталь, которая окажется как раз тем, на что настраивается мое второе внимание.

Наиболее серьезной проблемой, с которой встречается в этом аспекте сновидящий, является неуклонная фиксация второго внимания на такой детали, которая всегда остается незамеченной вниманием повседневным, создавая тем самым почти непреодолимое препятствие для оценки. То, что ищешь в

сновидении, оказывается совсем не тем, чему уделяешь внимание в повседневной жизни.

По словам дона Хуана, только в период обучения необходимо прилагать усилия к тому, чтобы сделать второе внимание неподвижным. После этого приходится бороться с почти непреодолимым притяжением второго внимания и лишь мельком бросать взгляды на окружающее. В сновидении следует удовлетворяться самыми краткими видениями всего, так как если на чем-нибудь сфокусируешься, мгновенно теряешь контроль.

Последней обобщенной задачей, которую он передо мной поставил, был выход из тела. Я частично преуспел в этом, и все время считал это своим единственным реальным достижением в сновидении.

Дон Хуан исчез прежде, чем я усовершенствовал ощущение в сновидении, что я могу свободно обращаться с миром повседневных вещей, находясь тем временем в сновидении. Его уход прервал то, что, по моему мнению, должно было быть неизбежным проникновением времени моего сновидения в мир повседневной жизни.

Для того, чтобы объяснить контроль второго внимания, дон Хуан ввел идею воли. Он сказал, что воля может быть представлена в виде максимального контроля свечения тела как энергетического поля, или о ней можно говорить как об уровне профессионализма, или как о таком состоянии бытия, которое внезапно входит в повседневную жизнь воина в определенное время. Она ощущается как сила, излучаемая из средней части тела вслед за моментом абсолютной тишины, или сильного ужаса, или глубокой печали, но не вслед за моментом счастья, потому что счастье слишком разрушительно и не дает воину концентрации, требуемой, чтобы использовать свечение тела и обратить его в молчание.

– Нагуаль говорил мне, что печаль человеческого существа настолько же могущественна, как и испуг, – сказала Ла Горда. – Печаль заставляет воина лить кровавые слезы. И то, и другое может привести к моменту молчания. Или же молчание приходит само по

себе из-за того, что воин стремится к нему в течение всей своей жизни.

– Ты сама когда-нибудь испытывала такой момент молчания?

– По всей вероятности, да. Но я не могу припомнить теперь, на что это похоже, – сказала она. – Мы с тобой оба испытывали его, но никто из нас ничего не может об этом вспомнить. Нагуаль говорил, что это момент черноты, момент еще более тихий, чем момент выключения внутреннего диалога. Это чернота, эта тишина дают возможность намерению направить второе внимание, управлять им, заставлять его делать то или другое. Именно потому это называется волей. Намерение и результат (эффект) являются волей. Нагуаль говорил, что они взаимосвязаны. Он говорил мне все это, когда я пыталась научиться летать в сновидении. Намерение летать производит результат полета.

Я сообщил ей, что уже почти отбросил возможность когда-либо испытать волю.

– Ты ее испытаешь, – сказала Ла Горда. – Беда в том, что мы не достаточно проницательны, чтобы знать, что же с нами происходит. Мы не ощущаем своей воли, потому что думаем, будто она должна быть чем-то таким, о чем мы знаем наверняка, как о том, что мы делаем или чувствуем, как, например, гневом. Воля очень тиха, незаметна. Воля принадлежит другому «я».

– Какому другому «я»? – спросил я.

– Ты знаешь, о чем я говорю, резко сказала она. – Мы находимся в нашем другом «я», когда совершаем сновидение. К настоящему времени мы уже входили в наше другое «я» бесчисленное количество раз, но мы еще не являемся цельными.

Последовала затяжная пауза. Я признался себе, что она права, утверждая, что мы не цельные. Я понимал это в том смысле, что мы были только учениками неисчерпаемого искусства. Но затем мне пришло на ум, что, возможно, она имела в виду что-то другое. Это не была рациональной мыслью. Сначала я ощутил нечто, вроде покалывания в солнечном сплетении, а потом возникла готовая

мысль, что она, вероятно, говорит о чем-то, совсем другом. Затем я таким же образом ощутил ответ. Он пришел ко мне блоком, своего рода комком. Я знал его целиком сначала кончиком своей грудины, а затем в уме. Проблема состояла в том, что я не мог достаточно быстро распутать то, что знал, чтобы выразить это в словах.

Ла Горда не прерывала моих размышлений ни дальнейшими комментариями, ни жестами. Она, казалось, была внутренне соединена со мной до такой степени, что нам не нужно было говорить что-либо.

Некоторое время мы еще поддерживали состояние общности друг с другом, а затем оно захлестнуло нас обоих. Постепенно мы успокоились. Наконец, я заговорил. Не то, чтобы у меня была потребность произнести то, что мы оба знали и чувствовали. Просто нужно было восстановить опору для нашей дискуссии.

Я сказал ей, что знаю, в каком смысле мы не являемся цельными, но я не могу перевести это свое знание в слова.

– Есть множество вещей, известных нам, – сказала она. – И все же мы не можем заставить их работать на себя, потому что не имеем представления, как их вытащить из себя на поверхность. Ты только начал ощущать это давление. Я ощущаю его уже несколько лет. Я знаю, и в то же время – не знаю. Чаще всего я сбиваюсь, и, когда пытаюсь высказать то, что знаю, это звучит по-идиотски.

Я понял, что она имеет в виду. Понял на физическом уровне. Я знал что-то, чрезвычайно практичное и самоочевидное о воле и о том, что Ла Горда называла другим «я», и в то же время я не мог произнести ни одного слова о том, что я знал, и не потому, что был скрытным или смущенным, а просто потому, что не знал, с чего начать или как организовать свое знание.

– Воля является настолько полным контролем второго внимания, что это называется другим «я», – сказала Ла Горда после длинной паузы. – Несмотря на все, что мы сделали, мы знаем лишь ничтожную частичку нашего другого «я». Нагуаль предоставил нам самим завершить наше знание. В этом и состоит наша задача воспоминаний.

Она хлопнула себя по лбу ладонью, как если бы ее внезапно осенило.

– Господи! Мы же вспоминаем другое «я», – воскликнула она почти на грани истерики. Затем она успокоилась и продолжала говорить приглушенным голосом. – Очевидно, мы уже были там, и единственный способ вспомнить – тот, которым мы пользуемся, когда выстреливаем наши тела сновидения во время совместного сновидения.

– Что ты имеешь в виду под "выстреливанием" наших тел сновидения? – спросил я.

– Ты сам был свидетелем того, как Хенаро выстреливал свое тело сновидения, – сказала она. – Оно выскакивает, как медленная пуля. Оно фактически приклеивается и отклеивается от физического тела с громким треском. Нагуаль говорил мне, что у Хенаро тело сновидения могло делать большинство вещей, которые мы обычно можем делать. Он обычно приходил к тебе в таком виде, чтобы встряхнуть тебя. Я знаю теперь, чего добивались Нагуаль и Хенаро. Они хотели, чтобы ты вспомнил, и с этой целью Хенаро совершал невероятные действия перед самыми твоими глазами, выстреливая свое тело сновидения. Однако все было напрасно.

– Но я совсем не знал, что он был в своем теле сновидения, – сказал я.

– Ты не знал, потому что не следил, – сказала она. – Хенаро пытался дать тебе знать, делая попытки выполнять то, чего тело сновидения выполнить не может. Например, есть, пить и т.д. Нагуаль рассказывал мне, что Хенаро обычно подшучивал над тобой, говоря, что он пойдет срать и заставит горы трястись.

– Почему тело сновидения не может делать этих вещей? – спросил я.

– Потому что оно не может управлять намерением еды и питья, – ответила она.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Великим достижением Хенаро было то, что в своем сновидении он обучился намерению тела, – объяснила она. – Он

закончил то, что ты только начал делать. Он мог сновидеть все свое тело настолько идеально, насколько это вообще возможно. Но у тела сновидения и у тела физического намерения различны. Например, тело сновидения может проходить сквозь стены, потому что оно знает намерение раствориться в воздухе. Физическое тело знает намерение еды и питья, но не исчезновения. Для физического тела Хенаро пройти сквозь стену было столь же невозможно, как для его тела сновидения поест.

Ла Горда немного помолчала, как бы оценивая то, что она только что сама сказала. Я хотел немного подумать, прежде чем задавать ей вопросы.

– Хенаро довел до мастерства только намерение своего тела сновидения, – сказала она. – Сильвио Мануэль, с другой стороны, был абсолютным хозяином намерения. Теперь я знаю, что причина, по которой мы не можем вспомнить его лицо, состоит в том, что он не был таким, как все остальные.

– Что тебя заставляет так говорить, Ла Горда?

Она начала было пояснять, что имела в виду, но оказалась не в состоянии вразумительно выразить свои мысли. Внезапно она улыбнулась. Глаза ее засветились.

– Поймала, – сказала она. – Нагуаль говорил мне, что Сильвио Мануэль был мастером намерения, поэтому он постоянно находился в своем другом «я». Он был настоящим руководителем. Он стоял позади всего, что делал Нагуаль. Фактически благодаря ему, Нагуаль стал заботиться о тебе.

Я испытывал большое физическое неудобство, слушая, как Ла Горда мне это говорит. У меня даже чуть не расстроился живот, и я предпринимал отчаянные усилия, чтобы Ла Горда этого не заметила.

Я отдувался. Она на секунду остановилась, а затем продолжала, как бы приняв решение не обращать внимания на мое состояние. Вместо этого она начала на меня кричать. По ее мнению, сейчас было самое время развеять наши обиды. Напомнив мне о

моих чувствах возмущения после того, что произошло в Мехико, Ла Горда сказала, что горечь я чувствовал не потому, что она примкнула к другим ученикам, встав против меня, а потому, что приняла участие в срывании с меня маски. Я объяснил ей, что эти чувства у меня уже прошли. Она была непреклонна и настаивала, что если я не встречу с этими чувствами лицом к лицу, то они все равно вернуться ко мне снова, но только как-нибудь иначе, и что мои близкие отношения с Сильвио Мануэлем были причиной всего этого.

Я сам не мог поверить тем сменам настроения, через которые я прошел, услышав такое заявление. Я как бы стал сразу двумя людьми. Один – разъяренный, с пеной у рта. Другой – спокойный, наблюдающий. Последовал еще один болезненный спазм живота, и меня вырвало. Однако этот спазм вызвала не тошнота, скорее это была неудержимая ярость.

Когда я, наконец, успокоился, я был смущен своим поведением и переживал в связи с тем, что этот инцидент может случиться со мной вновь и в другое время.

– Как только ты примешь свою истинную природу, – сказала Ла Горда равнодушным тоном, – ты освободишься от ярости.

Я хотел с ней поспорить, но видел тщетность всего этого. Кроме того, мой приступ ярости оставил меня совсем без энергии. Я рассмеялся при мысли, что не буду знать, как поступить, если окажется, что она права. Затем мне пришла в голову мысль, что все возможно, если я умудрился забыть о женщине-нагуаль. У меня было странное ощущение не то тепла, не то раздражения в горле, как если бы я поел горячей острой пищи. В теле я ощутил тревогу, как будто знал, что кто-то крадется у меня за спиной, и в тот же момент я узнал нечто такое, чего не знал мгновением раньше – Ла Горда была права, ответственным за меня был Сильвио Мануэль.

Ла Горда громко рассмеялась, когда я рассказал ей все это. Она ответила, что тоже вспомнила кое-что о Сильвио Мануэле.

– Я не помню его как личность, как я помню женщину-нагуаль, – продолжала она, – но я помню, что говорил мне о нем Нагуаль.

– Что же он тебе говорил?

– Он говорил, что когда Сильвио Мануэль был на этой земле, он был такой, как Элихио. Он исчез однажды, не оставив следа, и вошел в другой мир. Он отсутствовал много лет, а затем однажды вернулся. Нагуаль говорил, что Сильвио Мануэль не помнил, ни где был он сам, ни что он делал, но его тело изменилось. Он вернулся назад в этот мир, но он вернулся в своем другом «я».

– Что еще он говорил, Ла Горда? – спросил я.

– Я не могу больше вспомнить. Это похоже на взгляд сквозь туман.

Я знал, что если мы сосредоточимся сильнее, то вспомним, кто же был Сильвио Мануэль. Я сообщил ей об этом.

– Нагуаль говорил, что намерение присутствует всюду, – внезапно сказала она.

– Что это значит? – спросил я.

– Не знаю, – ответила Ла Горда. – Я просто произношу то, что приходит ко мне в голову. Нагуаль сказал также, что намерение создает мир.

Я знал, что уже слышал эти слова раньше. Я подумал, что дон Хуан, должно быть, говорил мне это, но я просто забыл.

– Когда дон Хуан говорил тебе это? – спросил я.

– Не могу вспомнить. Но он говорил, что люди и все живые существа, в этом отношении, являются рабами намерения. Оно заставляет нас действовать в этом мире. Оно даже принуждает нас умирать. Он сказал, что когда мы становимся воинами, намерение, тем не менее, превращается в нашего друга. Оно позволяет нам на секунду быть свободными, иногда даже приходит к нам, как если бы оно поджидало нас поблизости. Он говорил мне, что сам был только другом намерения. Сильвио же Мануэль был его хозяином.

Целые армады скрытых воспоминаний бились во мне, чтобы вырваться на поверхность. Я испытал на минуту ужасное замешательство, а затем что-то во мне внезапно сдалось. Я успокоился. Я больше не интересовался открытиями о Сильвио Мануэле.

Ла Горда интерпретировала мою смену настроения как признак того, что мы готовы лицом к лицу встретить свои воспоминания о Сильвио Мануэле.

– Нагуаль всем нам показывал, что он может делать со своим намерением, – внезапно сказала она. – Он мог заставлять вещи появляться, призывая намерение. Он говорил, что если я захочу летать, то должен буду вызвать намерение полета. Затем он показал мне, как он сам может призывать его, прыгнув в воздух и пролетев круг надо мной, как огромный воздушный змей. Или же он заставлял предметы появляться в его руке. Он сказал, что знал намерение многих вещей и мог вызывать эти вещи, намереваясь их. Различие между ним и Сильвио Мануэлем состояло в том, что Сильвио Мануэль, будучи хозяином намерения, знал намерение всего.

Я заметил, что ее объяснение требует дальнейших уточнений. Она, казалось, изо всех сил пыталась организовать слова в своем уме.

– Я научилась намерению летать, – сказала она, – повторяя все чувства, которые у меня были, когда летала в сновидении. Это было только одно. Нагуаль за свою жизнь научился намерению сотен вещей. Но Сильвио Мануэль пришел к самому источнику. Он коснулся его. Ему не надо было учиться намерению чего бы то ни было. Он составлял с намерением единое целое. Проблема заключалась в том, что у него не осталось больше желаний, потому что намерение не имеет своих собственных желаний. Таким образом, в вопросах волеизъявления он должен был полагаться на Нагуалья. Другими словами, Сильвио Мануэль мог сделать все, чего бы Нагуаль ни пожелал. Нагуаль направлял намерение Сильвио Мануэля. Но поскольку Нагуаль также не имел желаний, большую часть времени они не делали ничего.

Глава 8

Право- и левостороннее осознание

Обсуждение сновидения оказалось очень полезным не только потому, что вывело нас из тупика с нашим совместным сновидением, но и потому, что перевело его концепции на интеллектуальный уровень. Разговор о сновидении занял нас и позволил сделать некоторую паузу, чтобы снять наше возбуждение.

Однажды вечером, когда я был по делам в городе, я позвонил Ла Горде из телефона-автомата. Она сказала, что ходила в супермаркет и там у нее возникло ощущение, будто я прячусь в витрине среди манекенов. Она была уверена, что я специально ее разыгрываю, и так рассердилась, что бросилась через магазин, чтобы поймать меня и задать хорошую взбучку. Затем она сообразила, что в действительности вспоминает нечто такое, что часто делала в моем присутствии, когда сердилась.

Тогда мы оба высказали желание продолжить наше совместное сновидение. Пока мы разговаривали, мы ощутили новый прилив оптимизма. Я немедленно поехал домой.

Я очень легко вошел в первое состояние – состояние спокойного бодрствования. У меня было ощущение телесного удовольствия, покалывающего излучения из солнечного сплетения, которое преобразовалось в мысль, что сейчас мы добьемся прекрасных результатов. Эта мысль превратилась в нервное ожидание. Я обнаружил, что мои мысли идут от точки покалывания в центре груди, однако в тот момент, когда я перевел внимание туда, покалывание прекратилось. Это было похоже на электрический ток, который я мог включать и выключать.

Опять началось покалывание, сильнее прежнего, и внезапно я очутился лицом к лицу с Ла Гордой – точь-в-точь, как если бы я повернул за угол и с нею столкнулся. Я принялся ее рассматривать. Она была настолько реальной, настолько самой собой, что мне хотелось к ней прикоснуться. Предельно чистая, неземная

привязанность к ней прорвалась во мне в эту минуту, и я непроизвольно начал всхлипывать.

Ла Горда тотчас, чтобы прекратить мое индальгирование, попыталась сцепить наши руки, но она не могла двинуться. Мы осмотрелись. Вокруг не было никакой застывшей картины и вообще ничего в этом роде. Меня внезапно осенило, и я сказал Ла Горде – мы потому пропустили момент появления сцены сновидения, что смотрели друг на друга.

Только я закончил говорить, как понял, что мы уже в новой ситуации. Звук собственного голоса меня испугал. Это был чужой, резкий и неприятный голос, который принес мне чувство физического отвращения.

Ла Горда ответила, что мы ничего не пропустили, что наше второе внимание захвачено чем-то еще. Она улыбнулась и скривила рот в жесте удивления и недовольства звуками собственного голоса.

Я нашел совершенно очаровательным разговаривать в сновидении, так как мы не сновидели сцену, в которой разговаривали – мы действительно общались. Это требовало совершенно уникальных усилий, вроде тех, которые вначале потребовались мне, когда я в сновидении спускался с лестницы.

Я спросил ее, смешно ли звучит мой голос. Она кивнула и громко рассмеялась. Звук ее смеха был совершенно потрясающим. Я вспомнил, как Хенаро издавал чрезвычайно странные и пугающие звуки. Таким же был смех Ла Горды. Меня поразило осознание того, что мы с Ла Гордой совершенно спонтанно вошли в свои тела сновидения.

Я хотел взять ее за руку, но, несмотря на ряд попыток, не мог пошевелиться. Поскольку у меня был какой-то опыт в движениях при таком состоянии, я повелел себе придвинуться к Ла Горде. Моим желанием было обнять ее, но вместо этого я придвинулся настолько близко, что наши тела слились в одно. Я признавал себя как индивидуальное существо, но в то же время я был частью Ла Горды. Это ощущение мне страшно понравилось.

Мы оставались слитыми, пока что-то не разорвало нашу связь. Я ощутил приказ осмотреть местность. Взглянув вокруг, я ясно вспомнил, что уже видел это раньше. Куда ни глянь, нас окружали небольшие круглые холмики, в точности похожие на песчаные дюны. На вид они были из чего-то вроде светло-желтого песчаника или круглых крупинок серы. Небо было того же цвета и выглядело очень низким, давящим. В некоторых местах с неба свисали клочья желтоватого тумана или каких-то испарений.

Я заметил, что дыхание у нас как будто нормальное. Я не мог пощупать свою грудную клетку, но чувствовал, как она мерно вздымается при вдохе. По-видимому, желтые испарения нам не вредили.

Мы начали двигаться – медленно, осторожно, словно прогуливаясь. Но почти сразу я очень устал. Ла Горда тоже. Мы скользили над самой землей и, видимо, подобный способ передвижения был очень утомительным для нашего второго внимания, он требовал необычайной степени концентрации. Мы не подражали намеренно нашей обычной ходьбе, но результат был таков, как будто этим мы и занимались. Движение требовало выбросов энергии, чего-то, вроде периодических микровзрывов. У нас не было никакой определенной цели, поэтому вскоре мы остановились.

Ла Горда заговорила со мной таким слабым голосом, что я едва ее расслышал. Она сказала, что мы бездумно идем в сторону более тяжелых областей и что если мы будем продолжать двигаться в этом направлении, то давление возрастет настолько, что мы можем погибнуть.

Автоматически мы повернулись и пошли назад, но чувство усталости нас не оставляло. Мы оба настолько выдохлись, что не могли удерживаться в вертикальном положении. Мы повалились на землю и непроизвольно приняли позу сновидения.

Я мгновенно проснулся у себя в кабинете, а Ла Горда – у себя в спальне. Первое, о чем я сказал ей после пробуждения, – что уже был в этой местности несколько раз раньше. Я видел ее, по крайней

мере, в двух ракурсах: совершенно плоской и покрытой маленькими, похожими на песчаные дюны, холмиками. Пока я говорил, мне пришло в голову, что я даже не уточнил, одно ли и то же мы видели. Остановившись, я сказал, что позволил себе увлечься. Затем приступил к описанию того, что видел, как если бы мы сравнивали свои впечатления от совместной воскресной прогулки.

– Сейчас об этом говорить уже не имеет смысла, – сказала она со вздохом. – Но если тебе это доставит удовольствие, то я расскажу тебе, что мы видели.

Она терпеливо описала все, что мы видели, говорили или делали. Она сказала, что тоже бывала раньше в этой пустынной пересеченной местности и что знает наверняка – эта земля не принадлежит людям, это – пространство между мирами, между миром, который мы знаем, и иным миром.

– Это пространство между параллельными линиями, – продолжала она. – Мы можем приходить туда в сновидении, но для того, чтобы покинуть этот мир и перейти в тот, надо пройти через эту область целиком, всем своим телом.

Я ощутил озноб при мысли, что надо войти в это бесплодное место в своем физическом теле.

– Мы с тобой уже там бывали в наших телах, – добавила она. – Разве ты не помнишь?

Я сказал, что все, что я могу вспомнить – это то, что я уже дважды под руководством дона Хуана видел этот странный ландшафт, но оба раза отбрасывал этот опыт, потому что он следовал за приемом галлюциногенных растений. Следуя своему рассудку, я рассматривал этот опыт как совершенно субъективные видения, а не как достоверные явления. Я не помнил, чтобы когда-нибудь раньше видел эту местность при других обстоятельствах.

– Когда мы попадали туда в своих телах? – спросил я.

– Не знаю, – сказала она. – Смутное воспоминание об этом просто мелькнуло у меня в голове, когда ты сказал, что был там

раньше. Я полагаю, твоя очередь помочь мне закончить то, что я начала вспоминать. Я не могу на этом сфокусироваться, но припоминаю, что в это пустынное место нас и женщину-нагуаль брал с собой Сильвио Мануэль, но не знаю, зачем. Мы не были тогда в сновидении.

Я уже не слышал, что она говорила дальше. Мой ум стал настраиваться на что-то, пока еще невыразимое. Я попытался привести мысли в порядок. Они бесцельно разбрелись. На секунду я почувствовал, будто вновь вернул те годы и то время, когда не мог останавливать свой внутренний диалог. Затем туман начал рассеиваться. Мысли пришли в порядок без моего сознательного вмешательства, и в результате всплыли законченные воспоминания о событиях, которые я уже частично припомнил в одной из тех беспорядочных вспышек памяти, которые у меня бывали. Ла Горда была права. Нас уже однажды брали в ту область, которую дон Хуан называл «лимб⁷», очевидно, заимствовав этот термин из религиозной догмы. Я знал, что Ла Горда права и в том, что мы были там не в сновидении.

В тот раз, по просьбе Сильвио Мануэля, дон Хуан собрал вместе женщину-нагуаль, меня и Ла Горду. Он объяснил, что причиной нашего сбора послужило то, что я своими собственными средствами, но неосознанно, вошел в особый уголок осознания, который являлся местом острейшей формы внимания. Я уже ранее входил в это состояние, которое дон Хуан называл «лево-левосторонним», но очень ненадолго и всякий раз с его помощью. Одной из основных черт этого состояния, представлявшей для всех нас, связанных с доном Хуаном, огромнейшую ценность, было то, что в этом состоянии мы могли воспринимать необозримую массу желтоватого тумана, которую дон Хуан называл «стеной тумана».

Всегда, когда я мог ее воспринимать, она находилась справа от меня, распространяясь вперед до горизонта и вверх до бесконечности, разделяя мир надвое.

⁷ Limbo – *рел.* лимб (у католиков: пограничная область ада, в которой пребывают души праведников, умерших до пришествия Христа и души умерших некрещеными детей); преддверие ада.

Стена тумана поворачивалась одновременно с движением головы, поэтому я никогда не имел возможности повернуться к ней лицом.

В тот день, о котором идет речь, дон Хуан и Сильвио Мануэль говорили со мной о стене тумана. Я помню, что потом Сильвио Мануэль схватил Ла Горду за загривок, как котенка, и исчез с ней в массе тумана. У меня была доля секунды, чтобы увидеть их исчезновение, потому что дон Хуан каким-то образом добился того, что я оказался повернутым к стене тумана. Он не хватал меня за шкуру, а толкнул в стену тумана, и следующее, что я увидел, была пустынная равнина. Дон Хуан, Сильвио Мануэль, женщина-нагуаль и Ла Горда также находились там. Меня не интересовало, что они делают; я был парализован неприятнейшим и угрожающим ощущением придавленности, усталости, сводящей с ума затрудненностью дыхания. Я воспринимал, что стою внутри душной желтой пещеры с низким потолком. Физическое ощущение давления стало таким сильным, что я больше не мог дышать. Казалось, все мои физические функции остановились. Я не мог чувствовать ни одной из частей своего тела. Однако я все еще мог двигаться, ходить, поднимать руки, поворачивать голову. Я положил руки на бедра, но ни бедра, ни ладони ничего не чувствовали. Мои руки и ноги зрительно были здесь, но на ощупь отсутствовали.

Движимый безграничным страхом, я схватил женщину-нагуаль за руку, дернул и свалил ее с ног. Но потянула ее не моя мускулатура, это была сила, сконцентрированная не в моих мышцах и не в скелете, а в центре моего тела.

Желая опробовать эту силу еще раз, я схватил Ла Горду. От моего рывка она пошатнулась. Тут я понял, что энергия, с помощью которой я все это делал, исходит из стержневидного протуберанца, действующего как щупальце из центра моего тела.

Все это заняло лишь секунду. В следующий момент я вновь погрузился в состояние физической боли и страха. Я посмотрел на Сильвио Мануэля с молчаливой просьбой о помощи. Он взглянул на меня, и я понял, что пропал. Его глаза были холодны и безразличны. Дон Хуан отвернулся от меня, и я внутренне затрясся

от невыразимого физического ужаса. Мне казалось, что кровь в моем теле кипит, но не потому, что я чувствовал жар, а потому, что внутреннее давление приблизилось к точке взрыва.

Дон Хуан приказал мне расслабиться и отдаться смерти. Он сказал, что я останусь здесь, пока не умру, и что у меня есть шанс умереть мирно, если я сделаю сверхусилие и позволю страху завладеть мной; если же я стану с ним бороться, то умру в агонии.

Со мною заговорил Сильвио Мануэль, что случалось крайне редко. Он сказал, что энергия, необходимая для того, чтобы принять мой ужас, находится в центре моего тела, и что единственным способом добиться успеха будет молча согласиться, сдаться, не сдаваясь.

Женщина-нагуаль и Ла Горда были совершенно спокойны. Я был здесь единственным, кто умирал. Сильвио Мануэль сказал, что, судя по тому, как я теряю энергию, до моего конца остаются мгновения, и что я могу считать себя уже мертвым. Дон Хуан сделал женщинам знак следовать за ним, и они повернулись ко мне спиной. Я не видел, что они делали. Я почувствовал мощную вибрацию, идущую сквозь меня, и решил, что это мои смертные судороги. Моя борьба окончена. Меня больше ничего не тревожило. Я отдался необоримому ужасу, убивавшему меня. Мое тело, или образование, которое я считал своим телом, расслабилось, отдав себя смерти. Как только я позволил ужасу войти или, точнее, выйти из меня, я почувствовал и увидел, как разреженный туман, беловатое пятно на фоне сернисто-желтого тумана покидает мое тело.

Дон Хуан вернулся ко мне и с большим любопытством изучал меня. Сильвио Мануэль отошел в сторону и опять схватил Ла Горду за загривок. Я ясно видел, как он швырнул ее, словно огромную тряпичную куклу, в массу тумана. Затем он вошел туда сам и исчез.

Женщина-нагуаль сделала мне знак, приглашая войти в туман. Я двинулся к ней, но прежде, чем я подошел, дон Хуан мощно толкнул меня, и этот толчок пронес меня сквозь толщу тумана. Я не просто потерял равновесие, а пролетел сквозь туман и головой вперед упал на землю в повседневном мире.

Ла Горда вспомнила это событие, когда я рассказал ей о нем. Затем она кое-что уточнила.

– Мы с женщиной-нагуаль не боялись за твою жизнь, – сказала она. – Нагуаль говорил нам, что тебя надо заставить отпустить все, за что ты держишься, но в этом нет ничего нового. Каждого воина-мужчину нужно принуждать страхом.

Сильвио Мануэль уже протаскивал меня сквозь эту стену трижды, чтобы я научилась расслабляться. Он сказал, что если ты увидишь, что я чувствую себя там спокойно, это окажет на тебя влияние. Так и произошло. Ты сдался и расслабился.

– Тебе тоже было трудно научиться расслабляться?

– Нет. Для женщин это легко. В этом наше преимущество. Проблема лишь в том, что нас надо протаскивать через туман. Мы не можем делать этого самостоятельно.

– Почему не можете?

– Надо быть очень тяжелым, чтобы пройти сквозь туман, а женщина легкая, даже слишком, – сказала она.

– А как насчет женщины-нагуаль? Я не видел, чтобы ее тоже кто-нибудь протаскивал.

– Женщина-нагуаль была особенной, – сказала Ла Горда. – Она все могла делать самостоятельно. Она могла взять туда тебя или меня. Она могла даже самостоятельно пройти ту пустынную равнину, что, как говорил Нагуаль, обязательно для всех, кто отправляется в неизвестное.

– Почему она пошла туда со мной?

– Сильвио Мануэль взял нас, чтобы поддержать тебя. Он считал, что тебе нужна защита двух женских и двух мужских сопровождающих – защита от тех сущностей, которые рыскают там. Из этой пустынной равнины приходят союзники и другие твари, еще более свирепые.

– У тебя тоже была защита? – спросил я.

– Я в ней не нуждаюсь. Я – женщина. Я свободна от всего этого. Но мы считали, что ты находишься в ужасном положении. Ты был Нагуаль, но очень глупый Нагуаль. Мы считали, что любой из этих свирепых союзников или, если хочешь, называй их демонами, могут разорвать тебя на части. Так сказал нам Сильвио Мануэль. Он взял нас, чтобы охранять тебя с четырех сторон. Но забавным было то, что ни Нагуаль, ни Сильвио Мануэль не знали, что ты в нас не нуждаешься. Предполагалось, что мы будем некоторое время идти, пока ты не потеряешь свою энергию. Затем Сильвио Мануэль собирался напугать тебя, показав тебе союзников и натравив их на тебя. Он и Нагуаль планировали помогать тебе понемножку. Таково правило. Но что-то нарушилось. В ту же минуту, как ты попал туда, ты взбесился. Ты не сдвинулся ни на дюйм, а уже умирал. Ты был до полусмерти напуган, еще даже не увидев союзников.

Сильвио Мануэль рассказывал мне, что он не знал, что делать, поэтому он сказал тебе на ухо то, что должен был сказать в самую последнюю очередь – сдаться, не сдаваясь. Ты сразу успокоился, сам по себе, и им не понадобилось делать всего того, что они планировали. Нагуалью и Сильвио Мануэлю ничего не оставалось, как забрать нас оттуда.

Я рассказал Ла Горде, что когда я вернулся назад в этот мир, то кто-то был рядом со мной и помог мне подняться. Это все, что я помнил.

– Мы были в доме Сильвио Мануэля, – сказала она. – Сейчас я могу очень многое вспомнить об этом доме. Кто-то говорил мне, не помню, кто, что Сильвио Мануэль нашел его и купил, потому что дом был построен на месте силы. Но кто-то еще говорил, что ему просто понравился этот дом, он купил его, а затем перенес туда место силы. Лично я чувствую, что это Сильвио Мануэль принес силу. Я чувствую, что его безупречность удерживала там место силы, пока он жил там со своей компанией.

Когда им пришло время уходить, сила того места исчезла вместе с ними, и дом стал таким же, каким он был до тех пор, пока Сильвио Мануэль не купил его, – обычным домом.

Пока Ла Горда говорила, мой ум, казалось, еще больше прояснялся, но не настолько, чтобы открыть, что случилось с нами в этом доме и наполняло меня такой печалью. Не зная, почему, я был уверен, что это связано с женщиной-нагуаль. Где она?

Ла Горда не ответила, когда я спросил об этом. Наступило длительное молчание. Она извинилась, сказав, что должна приготовить завтрак; было уже утро. Она оставила меня наедине с самим собой, с очень болезненной тяжестью на сердце. Я позвал ее обратно. Она рассердилась и швырнула кастрюли на пол. Я понял, почему.

В следующей серии совместного сновидения мы еще более углубились в тонкости второго внимания. Это произошло несколько дней спустя. Мы с Ла Гордой, не ожидая этого и не прикладывая к этому усилий, оказались стоящими вместе. Она три-четыре раза пыталась сцепить наши руки, но безрезультатно. Она заговорила со мной, но ее речь была непонятной. Тем не менее, я знал: она говорит, что мы опять находимся в своих телах сновидения. Она предупредила меня о том, что все движения должны делаться из средней части наших тел.

Как и при нашей последней попытке, никакой сцены сновидения не появилось. Однако я, казалось, узнавал местность, которую видел в своих сновидениях почти ежедневно в течение года. Это была долина саблезубого тигра.

Мы прошли несколько метров, и на этот раз наши движения уже не были ни порывистыми, ни взрывообразными. Мы действительно шли, исходя из живота, не напрягая никаких мышц. Трудность состояла только в отсутствии у меня практики. Это походило на первую поездку на велосипеде. Я быстро устал и потерял ритм, стал нерешительным и неуверенным в себе. Мы остановились. Ла Горда тоже потеряла синхронность движений.

Тут мы начали осматривать то, что нас окружало. Все имело неоспоримую реальность, по крайней мере, для глаз. Мы находились в пересеченной местности со странной растительностью. Я не мог определить вид тех странных кустов, которые там росли. Они походили на маленькие деревья, полтора-два метра высотой. На них было немного листьев, плоских и толстых, зеленовато-коричневого цвета, и великолепные, темно-коричневые, с золотистыми полосками цветы. Стебли не были древесными, они выглядели легкими и податливыми, как тростник, и были покрыты длинными устрашающими иглоподобными шипами. Некоторые старые растения высохли и упали на землю. Казалось, что они пустотелые.

Почва была очень темной и казалась сырой. Я попытался нагнуться, чтобы потрогать ее, но мне не удалось двинуться. Ла Горда знаком показала, чтобы я использовал среднюю часть тела. Когда я это сделал, мне не понадобилось нагибаться, чтобы коснуться земли. У меня было что-то вроде щупальца, которым я мог чувствовать. Однако я не мог разобрать, что именно я чувствую. Не было никаких тактильных ощущений, на основе которых можно было бы воспринимать различия. Земля, которой я коснулся, казалась почвой, но на вид, а не на ощупь. Тут я погрузился в интеллектуальную дилемму. Почему сновидение кажется продуктом моих зрительных способностей? Может быть, потому, что зрение доминирует у нас в повседневной жизни? Вопросы были бессмысленными. Я не был в том состоянии, когда мог бы отвечать на них, и единственным, к чему привели эти размышления, было ослабление моего второго внимания.

Ла Горда прервала мои рассуждения, хорошенько боднув. Я ощутил как бы удар. Дрожь пробежала по всему моему телу. Она показала вперед. Как обычно, саблезубый тигр лежал на каменистом выступе, где я его видел всегда. Мы приблизились, пока не оказались в двух метрах от камня, так что нам приходилось поднимать голову, чтобы смотреть на тигра. Мы остановились. Он поднялся. Его размеры были поразительны, особенно ширина.

Я знал, что Ла Горда хочет пройти со мной вокруг тигра на другую сторону холма. Я хотел сказать ей, что это может быть

опасно, но не знал, как ей это передать. Тигр казался сердитым, возбужденным. Он присел на задние лапы, как бы собираясь прыгнуть на нас. Я испугался.

Ла Горда повернулась ко мне, улыбаясь. Я понял, что она говорит, чтобы я не поддавался панике, так как тигр был только образом, подобным призраку. Движением головы она подталкивала меня идти вперед. Однако на неизмеримо более глубоком уровне я знал, что тигр является сущностью, может быть не в таком смысле настоящей, как в нашем обычном мире, но тем не менее – реальной. А поскольку мы с Ла Гордой были в сновидении, мы потеряли свою повседневную реальность. В этот момент мы были с тигром на равных. Наше существование тоже было призрачным.

Мы сделали еще один шаг по настоянию Ла Горды. Тигр прыгнул. Я видел, как в воздухе взметнулось его огромное тело, направляясь прямо на меня. Я потерял ощущение, что я в сновидении, для меня тигр был реальным и через мгновение должен был меня растерзать. Каскад огней, образов самых интенсивных красок, какие я только видел, замелькал вокруг меня. Я проснулся в своем кабинете.

После того, как мы добились значительных успехов в совместном сновидении, у меня появилась уверенность, что мы хитрили, сохранить свою отрешенность, и торопиться больше некуда. Нас заставляли действовать не результаты наших усилий. Скорее, это было какое-то скрытое, невыраженное побуждение, дававшее нам толчок действовать безупречно, без мысли о награде. Наши последующие сеансы были такими же, как и первый, за исключением быстроты и легкости, с которой мы теперь входили во второе состояние сновидения – динамичное бодрствование.

Наше искусство в совместном сновидении дошло до такого уровня, что мы с успехом повторяли его каждую ночь. Без всякого специального намерения с нашей стороны, наше совместное сновидение фокусировалось наугад на трех областях: на песчаных дюнах, на месте обитания саблезубого тигра и, самое важное, на забытых событиях прошлого.

Когда перед нами представляли сцены, имевшие отношение к забытым событиям, в которых Ла Горда и я играли важную роль, она без всяких затруднений сцепляла свою руку с моей. Это действие давало мне иррациональное ощущение безопасности. Ла Горда объяснила, что этот акт необходим для того, чтобы рассеять то абсолютное одиночество, которое является результатом второго внимания. Она сказала, что смыкание рук вызывает чувство объективности, и в результате мы можем следить за действиями, происходящими в каждой сцене. Иногда мы были вынуждены вовлекаться в эту деятельность, а иногда бывали полностью объективными и наблюдали за сценой, как в кино.

Когда мы посещали песчаные дюны или место обитания саблезубого тигра, мы не могли сомкнуть руки. В этих случаях наши действия никогда не повторялись, они никогда не были предусмотренными и всегда производили впечатление спонтанных реакций на новую ситуацию.

По мнению Ла Горды, большинство наших совместных сновидений распадалось на три категории. Первая, самая большая, состояла из повторного участия в событиях, которые мы уже когда-то пережили. Вторая – когда мы оба наблюдали за действиями, которые я один когда-то совершил, – страна саблезубого тигра относилась к этой категории. Третья – действительное посещение такой области, которая существовала такой же, какой мы видели ее в момент посещения. Ла Горда утверждала, что упомянутые желтые холмы существуют здесь и сейчас и что именно так они выглядят и так расположены для приходящего туда воина.

В одном пункте мне хотелось с ней поспорить. У нас случались загадочные встречи с людьми, которых мы почему-то забыли, но с которыми явно были знакомы. Саблезубый тигр, с другой стороны, был существом из моего сновидения. Я не мог воспринимать его и тех людей как относящихся к одной категории.

Прежде, чем я успел задать свой вопрос, я уже услышал ответ Ла Горды. Казалось, она и впрямь находится у меня в голове, читая как по раскрытой книге.

– Они все одного класса, – сказала она и нервно рассмеялась. – Мы не можем найти объяснения тому, почему мы забыли или как так получилось, что мы вспоминаем сейчас. Мы ничего не можем объяснить. Саблезубый тигр где-то там. Мы никогда не узнаем, где. Но почему мы должны тревожиться из-за каких-то надуманных несоответствий? Сказать, что это – факт, а вот это – сновидение, не имеет ни малейшего смысла для другого «я».

Мы с Ла Гордой использовали совместное сновидение, как средство достижения невообразимого мира скрытых воспоминаний. Оно позволяло извлекать на поверхность события, добраться до которых посредством повседневной памяти было невозможно. Когда мы перебирали такого рода события во время бодрствования, это вызывало еще более детальные воспоминания. Подобным образом мы, так сказать, отрыли массу воспоминаний, погребенных в нас. Потребовалось почти два года невероятных усилий и концентрации, чтобы прийти к минимальному пониманию того, что же с нами произошло.

Дон Хуан говорил нам, что человеческие существа разделены надвое. Правая сторона, которую он называл тоналем, схватывала все, что может постичь⁸ интеллект. Левая сторона – нагуаль, – это область, черты которой неописуемы, область, которую невозможно заключить в слова. Левая часть, возможно, постигается⁹ (если это можно назвать постижением) всем нашим телом, отсюда и его сопротивление построению концепций.

Дон Хуан говорил нам также, что все способности, возможности и достижения магии, от самых простых до самых невысказанных, заключаются в самом человеческом теле.

Исходя из того, что мы разделены надвое и что все вообще заключено в самом теле, Ла Горда предложила объяснение наших воспоминаний. Как она поняла, в течение всего периода нашей связи с Нагуалем Хуаном Матусом наше время было разделено поровну между состояниями нормального осознания, на правой стороне, тонале, где преобладает первое внимание, и состояниями

⁸ To conceive – полагать, размышлять, постигать, представлять себе.

⁹ To comprehend – понимать, постигать, осмысливать, соображать, охватывать.

повышенного осознания, на левой стороне, нагуале, или на стороне второго внимания.

Ла Горда считала, что усилия Нагуаля были направлены на то, чтобы привести нас к другому «я» при помощи контроля над вторым вниманием посредством сновидения. Однако в непосредственный контакт со вторым вниманием он вводил нас при помощи манипуляций с телом. Ла Горда прибавила, что он заставлял ее переходить с одной стороны на другую, толкая ее в спину или массируя ее ей, а иногда нанося сильный удар в область правой лопатки. Результатом было вхождение в состояние необычной ясности. Ла Горде казалось, что в этом состоянии все происходит быстрее, хотя в мире все остается прежним.

Спустя несколько недель после этого рассказа Ла Горды я вспомнил, что точно так же бывало и со мной. В любой момент дон Хуан мог нанести мне сильный удар в спину. Я всегда ощущал этот удар между лопатками и чуть выше. За ударом следовала необычайная ясность. Мир оставался таким же, но становился четче. Все становилось самым собой. Видимо, удар дона Хуана отключал мою способность делать умозаключения, таким образом позволяя мне воспринимать без ее интерпретаций.

Я мог оставаться в этом состоянии неопределенно долго или до тех пор, пока дон Хуан не наносил мне второй удар, чтобы вернуть меня в нормальное состояние сознания. Он никогда меня не толкал и не массировал. Это всегда был прямой и сильный удар. Но не такой, как удар кулаком, а скорее шлепок, от которого у меня на секунду перехватывало дыхание. В таких случаях я обычно начинал задыхаться, дышал мелко и часто, пока не восстанавливал дыхание.

Ла Горда рассказывала о таком же эффекте: удар Нагуаля мгновенно опустошал легкие, и чтобы их вновь наполнить, приходилось хватать воздух, как не в себя. Ла Горда полагала, что это дыхание и было самым важным фактором. По ее мнению те быстрые глотки воздуха, которые она была вынуждена делать после удара, и были тем, что вызывало перемену, но каким образом дыхание воздействовало на восприятие и сознание — этого она не могла объяснить. Она сказала также, что ей никогда не наносился

удар, чтобы вернуть ее в нормальное осознание: возвращалась она уже самостоятельно, хотя и не знала, как.

Все, что она рассказала, похоже, в равной степени относилось ко мне. Не только в детстве, но уже будучи взрослым, когда мне случалось грохнуться спиной, я испытывал такое ощущение, будто из легких сразу вылетел весь воздух. Но последствия удара донна Хуана, хотя я тоже моментально становился бездыханным, были совсем иными. Тут не было никакой боли, вместо этого возникало ощущение, описать которое невозможно. Пожалуй, точнее всего было бы сказать, что это вызывало ощущение, похожее на сухость внутри меня. Удары в спину, казалось, высушивали мне легкие и затягивали все вокруг туманом. Затем, по наблюдениям Ла Горды, все, что затуманивалось после удара, становилось кристально ясным одновременно с восстановлением дыхания, как если бы дыхание было катализатором, фактором первостепенной важности.

То же самое происходило и со мной на пути к нормальному, повседневному осознанию жизни. Воздух бывал из меня выбит, мир становился затуманенным, а затем он прояснялся, когда я вновь наполнял легкие воздухом.

Еще одной чертой этих состояний повышенного осознания было ни с чем не сравнимое богатство наших личных взаимодействий. Богатство, которое наши тела воспринимали как ощущение увеличения скорости. Наши двухсторонние перемещения между правой и левой сторонами облегчали нам понимание того, что на правой стороне слишком много энергии поглощается поступками и взаимодействиями нашей повседневной жизни. На левой стороне, напротив, существует врожденная потребность в экономии и скорости.

Ла Горда не могла описать, чем в действительности была эта скорость. Не мог и я. Лучше всего я мог бы сказать, что на левой стороне я мог схватывать значение всего точно и напрямую.

Любая грань деятельности была свободна от вступлений и введений. Я действовал и отдыхал. Я шел вперед и отступал, без

всяких мыслительных процессов, столь обычных для меня. Именно это мы с Ла Гордой понимали как увеличение скорости.

В какой-то момент мы выяснили, что богатство восприятия на левой стороне осознавалось постфактум, то есть наши взаимодействия оказывались такими богатыми в свете нашей возможности помнить их. Мы заметили, что в этих состояниях повышенного осознания мы воспринимали все одним целым куском, монолитной массой неотделимых деталей. Мы назвали эту способность воспринимать все сразу интенсивностью. Годами мы находили невозможным изучить отдельные составляющие части этих монолитных кусков опыта. Мы не могли синтезировать эти части в такую последовательность, которая имела бы смысл для интеллекта. Поскольку мы были не способны на такой синтез, мы не могли и вспомнить. Эта наша неспособность вспомнить была фактически нашей неспособностью перевести память о нашем восприятии в линейную последовательность. Мы не могли, так сказать, разложить наши переживания на плоскость и организовать их затем в последовательный порядок. Полученный опыт был доступен для нас, но в то же время мы не могли вернуть его себе, так как он был заблокирован стеной интенсивности.

Следовательно, задача вспоминания была в действительности задачей соединения наших правых и левых сторон, задачей объединения этих двух различных форм восприятия в единое целое. Это была задача по консолидации целостности самого себя путем перевода интенсивности в линейную последовательность.

Для нас стало ясно, что та деятельность, в которой мы принимали участие, могла занимать немного времени, если судить по часам. По причине нашей способности воспринимать на языке интенсивности мы могли иметь только подсознательное ощущение больших отрезков времени. Ла Горда чувствовала, что, если бы мы могли расположить интенсивность в линейной последовательности, мы были бы вправе честно признать, что прожили тысячу лет.

Прагматический шаг, предпринятый доном Хуаном для того, чтобы облегчить нам задачу вспоминания, состоял в том, что он вводил нас в контакт с определенными людьми, пока мы

находились в состоянии повышенного осознания. Он тщательно следил за тем, чтобы мы не видели этих людей в состоянии обычного осознания. Таким образом, он создал подходящие условия для воспоминания.

Двигаясь к завершению нашего воспоминания, мы с Ла Гордой вошли в очень странное состояние. У нас было детальное знание о социальных взаимодействиях, которые мы разделяли с доном Хуаном и его партнерами. Это не были воспоминания в том смысле, как я мог бы вспомнить эпизод из своего детства. Это были более чем живые, детальные воспоминания о событиях. Мы восстановили разговоры, которые, казалось, еще звучали у нас в ушах, как если бы их слушали. Мы оба чувствовали, что излишним было бы стараться разобраться в том, что с нами произошло. Все то, что мы вспоминали, с точки зрения нашего опыта, происходило непосредственно сейчас. Таков был характер наших воспоминаний.

Наконец-то мы могли ответить на вопросы, так мучавшие нас. Мы вспомнили, кем была женщина-нагуаль, какое место она среди нас занимала, какова была ее роль. Мы вспомнили, а точнее – вычислили, что провели одинаковое время с доном Хуаном в состоянии нормального осознания и с доном Хуаном и его сотоварищами в состоянии повышенного осознания. Мы восстановили каждый нюанс этих взаимоотношений, скрытых интенсивностью.

После вдумчивого обзора всего того, что мы обнаружили, мы хоть и минимальным образом, но соединили две свои стороны. Затем мы обратились к другим темам, к новым вопросам, которые встали на место старых. Существовало три предмета, три вопроса, суммировавших все, что нас волновало. Кто был дон Хуан и кем были его сотоварищи? Что они в действительности делали с нами и куда они все ушли?

Часть третья *Дар Орла*

Глава 9. Правило нагуаля

Дон Хуан был очень скуп на информацию о своем прошлом и о своей личной жизни. Его сдержанность была, в сущности, дидактическим средством. Насколько это касалось его самого, его время началось с того момента, когда он стал воином. Все, что случилось с ним раньше, значения практически не имело.

Все, что мы с Ла Гордой знали о его прошлом, – это то, что он родился в Аризоне. Его родители были индейцами племен яки и юма. Когда он был еще ребенком, родители перевезли его жить к индейцам яки в северную Мексику. В десятилетнем возрасте его закрутил водоворот войн яки. Мать убили, а отца захватили в плен мексиканские солдаты. Дона Хуана с отцом сослали в резервацию для репатриантов на южной окраине штата Юкатан, где он и вырос.

Он никогда не рассказывал нам о том, что происходило с ним в этот период. Он полагал, что говорить об этом нет никакой необходимости. Я считал иначе. Значение, которое я придавал этому периоду его жизни, было связано с убеждением, что все отличительные черты и характер его лидерства коренятся в опыте, приобретенном им в то время.

Однако не этот опыт, каким бы важным он ни был, сделал дона Хуана столь неизмеримо значимой фигурой в наших глазах и в глазах его сотоварищей. Своим выдающимся положением он был обязан тому случайному происшествию, благодаря которому он оказался вовлечен в правило.

Быть вовлеченным в правило – все равно, что жить в мифе. Дон Хуан и жил мифом, мифом, поймавшим его и сделавшим Нагуалем.

Дон Хуан говорил, что когда правило поймало его, он был агрессивным и неуправляемым человеком, живущим в изгнании, как жили в то время тысячи других индейцев яки из северной Мексики. Он работал на табачной плантации в южной Мексике. Однажды в результате роковой стычки из-за денег со своим напарником он получил пулевое ранение в грудь. Когда он пришел в себя, над ним склонился старый индеец, ощупывающий рану в его груди. Пуля застряла в мышцах у ребра, не пробив груди. Дон Хуан два-три раза терял сознание от шока, потери крови и, по его собственным словам, от страха перед смертью. Старик-индеец извлек пулю и, поскольку дону Хуану некуда было идти, взял его к себе домой и выхаживал его в течение месяца.

Старый индеец был добрым, но жестким человеком. Однажды, когда дон Хуан достаточно окреп, старик нанес ему сильный удар в спину и заставил его войти в состояние повышенного осознания. Затем, без лишних церемоний, он открыл дону Хуану часть правила, относящуюся к Нагуалю и его роли.

Дон Хуан проделал то же самое со мной и Ла Гордой. Он заставил нас сместить уровни осознания и рассказал нам правило Нагуаля в следующей форме:

Сила, правящая судьбой всех живых существ, называется Орлом. Не потому, что это орел или что-то, имеющее нечто общее с орлом либо как-то к нему относящееся, а потому, что для видящего она выглядит как неизмеримый иссиня-черный Орел, стоящий прямо, как стоят орлы, высотой уходя в бесконечность.

Когда видящий пристально смотрит¹⁰ на черноту, являющуюся Орлом, четыре вспышки света открывают то, что представляет из себя Орел. Первая вспышка, подобно молнии, помогает видящему охватить контуры тела Орла. На нем имеются пятна белизны, выглядящие, как перья и когти Орла. Вторая вспышка молнии открывает колышущуюся, создающую ветер черноту, выглядящую как крылья Орла. С третьей вспышкой молнии видящий замечает пронзительный нечеловеческий глаз. А четвертая, последняя вспышка открывает то, что Орел делает.

¹⁰ To gaze - пристально глядеть; вглядываться.

Орел пожирает осознание всех существ, живших на Земле мгновение назад, а сейчас мертвых, прилетевших к клюву Орла, как бесконечный поток мотыльков, летящих на огонь, чтобы встретить своего Хозяина и причину того, что они обладали жизнью. Орел расправляет эти маленькие пламена, кладет их ровно, как дубильщик растягивает шкуру, а затем съедает, потому что осознание является пищей Орла.

Орел – сила, правящая судьбой живых существ, – отражает всех этих живых существ одновременно и одинаково. Поэтому у человека нет возможности молиться Орлу, просить об услугах, надеяться на его милость. Человеческая часть Орла слишком незначительна, чтобы затронуть целое.

Только судя по действиям Орла, видящий может сказать, чего Орел хочет. Хотя Орла и не волнуют обстоятельства жизни любого живого существа, каждому из них он сделал дар. По принадлежащему ему праву и своим собственным способом, каждое из них, если пожелает, имеет силу сохранить пламя осознания, силу не повиноваться зову смерти и тому, чтобы быть сожранным. Каждому живому существу была дарована сила, если оно того пожелает, искать проход к свободе и пройти через него. Для того видящего, который видит этот проход, и для тех существ, которые прошли сквозь него, совершенно очевидно, что Орел дал этот дар для того, чтобы увековечить осознание.

Для того, чтобы вести живых существ к этому проходу, Орел создал Нагуаля. Нагуаль – это двойное существо, которому было открыто правило. Будь он в форме человека, растения или чего угодно живого, Нагуаль, в силу своей двойственности, имеет тягу искать этот скрытый проход.

Нагуаль приходит парами, образованными мужчиной и женщиной. Двойной мужчина и двойная женщина становятся Нагуалем только после того, как каждому из них будет открыто правило и каждый из них поймет и примет его полностью.

Глазу видящего Нагуаль-мужчина или Нагуаль-женщина видятся как светящееся яйцо с четырьмя отделами. В отличие от

обычных людей, имеющих только две стороны – правую и левую, у Нагуаля левая сторона разделена на две длинных секции, точно так же и правая.

Орел создал первых Нагуаля-женщину и Нагуаля-мужчину видящими и немедленно поместил их в мир, чтобы видеть. Он снабдил их четырьмя женщинами-воинами, которые были сталкерами, тремя воинами-мужчинами и одним мужчиной-курьером, о которых они должны были заботиться, делать их сильнее и вести к свободе.

Женщины-воины называются направлениями, четырьмя углами квадрата, четырьмя настроениями, четырьмя ветрами, различными женскими личностями, существующими в человеческом роде.

Первая – Восток. Она зовется порядком. Она оптимистична, беззаботна, уравновешенна, настойчива, как устойчивый бриз.

Вторая – Север. Она зовется силой. Она находчива, резка, пряма, несгибаема, как сильный ветер.

Третья – Запад. Она зовется чувством. Она интроспективна, склонна к раскаяниям и сожалениям, ловка и хитра, подобна прохладному порыву ветра.

Четвертая – Юг. Она зовется ростом. Она питает, она шумна, застенчива, тепла, как горячий ветер.

Трое мужчин-воинов и курьер представляют собой четыре типа мужской деятельности и темперамента.

Первый тип – хорошо осведомленный человек, ученый, благородный, на него можно положиться, он спокоен, полностью предан выполнению своей задачи, какова бы она ни была.

Второй тип – человек действия, очень переменчивый, большой весельчак и ненадежный компаньон.

Третий тип – организатор за сценой, загадочный, непознаваемый человек. О нем нельзя ничего сказать, так как сам он никакой информации о себе не дает выскользнуть наружу.

Четвертый тип – курьер. Это помощник, неразговорчивый, мрачный, действует очень хорошо, если его должным образом направить, но не может действовать полностью самостоятельно.

Для того, чтобы облегчить задачу, Орел показал мужчине и женщине-нагуаль, что каждый из этих четырех типов среди мужчин и женщин Земли имеет особые черты в своем светящемся теле.

Ученый имеет своего рода неглубокую впадину, яркую вмятину у солнечного сплетения. У некоторых людей она выглядит, как лужица интенсивного свечения, иногда гладкая и сияющая, как зеркало без отражения.

У человека действия есть волокна, выходящие из области воли. Количество волокон варьируется от трех до пяти, их размер колеблется от размера струны до толстого кнотовидного щупальца до 2,5 м. длиной. Некоторые из них имеют по три таких волокна, развившиеся в щупальца.

Человека за сценой можно узнать не по его отличительным чертам, а по его способности совершенно произвольно создавать вспышки силы, которые эффективно блокируют внимание видящего. Находясь в присутствии такого человека, видящий оказывается погруженным, скорее, в посторонние детали, чем в видение.

Помощник не имеет явных очертаний, видящему он кажется ясным свечением в безукоризненной оболочке.

В женском царстве Восток узнается по почти незаметным пятнам в ее светимости, чем-то похожим на небольшие обесцвеченные области.

Север имеет всестороннее излучение. Она излучает красноватое свечение, очень похожее на жар.

Запад вся окутана очень тонкой пленкой, заставляющей ее казаться темнее остальных.

Юг имеет перемежающееся свечение. Она мгновение светится, а затем гаснет, чтобы вспыхнуть вновь.

У Нагуаля мужчины и Нагуаля женщины имеются два различных типа движения в светящихся телах. Их правые стороны колышутся, а левые – вращаются¹¹.

В личностном смысле Нагуаль-мужчина является опорой, он постоянен и неизменен. Женщина-нагуаль – это существо, находящееся в состоянии войны, и в то же время она расслаблена. Она постоянно осознает, но без напряжения. Оба они отражают четыре типа их пола, как четыре варианта поведения.

Первым приказанием, данным Орлом Нагуалю-мужчине и Нагуалю-женщине, было разыскать своими силами другой набор четырех женщин-воинов, четырех направлений, которые были бы точной копией сталкеров, но которые были бы сновидящими.

Сновидящие кажутся видящему как бы с передничком светящихся волокон в средней части тела. У сталкеров тоже имеется похожее на передник образование, но состоит оно не из волокон, а из бесчисленных мелких округлых протуберанцев.

Восемь женских воинов делятся на две группы, называемые правой и левой планетами. Правую планету составляют четыре сталкера, а левую – четыре сновидящих. Воины каждой планеты были обучены Орлом правилу их конкретной задачи: сталкеры обучались искусству сталкинга, сновидящие – искусству сновидения.

Два женских воина каждого направления живут вместе. Они так похожи, что являются зеркальным отражением друг друга, и лишь через безупречность могут найти утешение и вызов в отражении друг друга.

¹¹ To whirl – вертеть(ся); кружить(ся); вращать(ся).

Четверо сновидящих и четверо сталкеров собираются вместе только тогда, когда им нужно выполнить очень трудную задачу. Но лишь в исключительных обстоятельствах эти четверо могут соединять свои руки, ибо их соприкосновение сливает их в единое существо и должно совершаться только в случае крайней нужды или в момент покидания этого мира.

Два женских воина каждого направления связаны с одним из мужчин в любой требуемой комбинации. Таким образом, они образуют четыре дома, способных включать в себя столько воинов, сколько необходимо.

Мужские воины и курьер тоже могут образовывать независимую единицу из четырех человек или же действовать как отдельные существа в зависимости от обстоятельств.

Следующий приказ, полученный Нагуалем и его партией, состоял в том, чтобы найти еще трех курьеров. Они могли быть женщинами или мужчинами, либо же составлять смешанную группу, но все мужчины должны быть из четвертой группы – помощниками, а все женщины должны представлять Юг.

Чтобы быть уверенным, что Нагуаль-мужчина поведет свою партию к свободе, а не отклонится от пути и не окажется совращенным, Орел поместил Нагуалья-женщину в ином мире, чтобы она служила маяком, ведя всю партию к выходу.

Затем Нагуалю и его воинам было приказано забыть. Они были брошены во тьму, и перед ними были поставлены новые задачи: задача вспомнить себя и задача вспомнить Орла.

Команда забыть была настолько сильной, что все разделились. Они не помнили, кем они были. В намерение Орла входило, что если они окажутся способными вновь вспомнить самих себя, то они обретут целостность себя. Только тогда у них появились бы сила и выдержка, необходимые для того, чтобы искать и встретить лицом к лицу свое окончательное (решающее) путешествие.

Их последней задачей после того, как они восстановят свою целостность, было разыскать новую пару двойных существ и

преобразовать их в нового Нагуаля-мужчину и Нагуаля-женщину, посредством открытия им правила. И точно так же, как первый Нагуаль мужчина и Нагуаль-женщина были снабжены минимальной партией, они должны были снабдить новую пару Нагуалей четырьмя женскими воинами, которые представляли бы собой сталкеров, тремя мужскими воинами и одним мужчиной-курьером.

Когда первый Нагуаль и его партия были готовы пройти через проход, первая женщина-нагуаль ждала, чтобы провести их. Потом им было приказано взять новую женщину-нагуаль с собой, в иной мир, чтобы она служила маяком своим людям, оставляя нового Нагуаля в мире, чтобы повторить цикл.

В мире минимальное количество воинов под руководством Нагуаля равно 16: восемь женских воинов, четыре мужских воина, считая Нагуаля, и четыре курьера. В момент покидания мира, когда к ним присоединяется новая женщина-нагуаль, число воинов партии Нагуаля составляет 17. Если его личная сила позволит ему иметь больше воинов, то может быть добавлено число, кратное четырем.

Я потребовал от дона Хуана объяснить, как правило стало известно человеку. Он растолковал, что правило бесконечно и охватывает каждую грань поведения воина. Интерпретация и накопление правила является работой видящих, чьей единственной задачей из века в век было видеть Орла, наблюдать за его бесконечным потоком. Из своих наблюдений видящие сделали вывод, что если светящаяся оболочка, заключающая человеческие качества (существа) сломана, то возможно найти в Орле слабое отражение человека. Тогда непреложные указания Орла могут быть восприняты видящими, правильно истолкованы ими и накоплены в форме руководства.

Дон Хуан объяснил, что правило — это не сказка, и что перейти к свободе не означает вечной жизни в том смысле, как обычно понимается вечность — как вечная жизнь.

Правило утверждает то, что возможно сохранить осознание, которое обычно сдается в момент умирания. Дон Хуан не мог объяснить, что это значит – сохранить такое осознание, возможно, он даже не представлял себе этого.

Его бенефактор говорил ему, что в момент перехода человек входит в третье внимание, и тело во всей его полноте загорается знанием. Каждая клетка мгновенно осознает себя и целостность всего тела.

Его бенефактор говорил также, что это осознание бессмысленно для нашего, мыслящего отделенными друг от друга отсеками ума. Поэтому суть борьбы воина состоит не столько в том, чтобы осознать, что переход, о котором говорит правило, означает переход к третьему вниманию, сколько в том, чтобы постичь, что такое осознание вообще существует.

Дон Хуан сказал, что сначала правило было для него чем-то таким, что находится исключительно в царстве слов. Он не мог вообразить, каким образом правило может входить в фактический мир и его законы. Однако под эффективным руководством своего бенефактора и после напряженной работы он в конце концов ухватил истинную природу правила и полностью принял его как ряд прагматических указаний, а не просто как миф. С этого момента у него не было проблем в том, что касалось реальности третьего внимания. Единственная преграда на его пути выросла из-за его полной убежденности, что правило – это карта, с которой он должен сверяться, чтобы в буквальном смысле найти в мире проход. Каким-то образом он, без всякой на то надобности, задержался на первом уровне развития воина.

В результате собственная работа дона Хуана как лидера и учителя была направлена на то, чтобы помочь ученикам, а в особенности мне, избежать повторения его ошибки. Работая с нами, он добился успеха в том, что провел нас через три стадии развития воина, ни на одной не делая чрезмерного акцента. Сначала он вел нас к принятию правила как карты, затем к пониманию того, что можно достичь высшего осознания, раз оно существует, и, наконец, привел нас к фактическому проходу в иной, скрытый мир осознания.

Для того, чтобы провести нас через первую стадию, стадию принятия правила как карты, дон Хуан взял ту его часть, которая относится к Нагуалю и его роли, и показал, что все в ней соответствует неоспоримым фактам.

Он добился этого, позволив нам, пока мы находились в состоянии повышенного осознания, иметь неограниченные контакты с членами его собственной группы, представлявшими собой живые воплощения восьми типов людей, описанных правилом. В ходе общения с ними нам были открыты еще более сложные и содержательные аспекты правила, пока, наконец, мы не поняли, что пойманы в сеть чего-то такого, что мы сначала рассматривали как миф, но что, в сущности, было картой.

Дон Хуан рассказал нам, что в этом аспекте его случай был идентичен нашему. Его бенефактор помог ему пройти через эту стадию, разрешив точно такое же общение. С этой целью он постоянно переводил его то в левое, то в правое осознание, так же, как поступал с нами дон Хуан.

На левой стороне он познакомил его с членами своей собственной группы: с восемью женскими и тремя мужскими воинами и четырьмя курьерами, которые были, как и полагается, точнейшими образцами типов, описанных правилом. Эффект знакомства и общения с ними был для дон Хуана потрясающим. Это не только заставило его рассматривать правило как фактическое руководство, но и дало ему возможность понять масштаб неизвестных возможностей.

Он сказал, что к тому времени, когда все члены его собственной группы уже были набраны, он настолько основательно стоял на пути воина, что воспринял как само собой разумеющееся тот факт, что без каких-либо особых усилий с чьей-нибудь стороны они оказались точной копией партии воинов его бенефактора. Сходство их личных вкусов, предпочтений и прочего не было результатом подражания. Дон Хуан считал, что они принадлежали, как отмечено правилом, к особым группам людей, имеющих одинаковые исходные данные и

одинаковую отдачу¹². Единственными различиями среди членов одной и той же группы были высота и тембр их голоса, звук их смеха.

Стараясь объяснить мне последствия общения с воинами его бенефактора, дон Хуан обратил особое внимание на существенную разницу между его бенефактором и им самим в том, как они истолковывали правило, а также в том, как они вели и учили других воинов принимать его в качестве карты. Он сказал, что существует два типа интерпретаций – универсальная и индивидуальная. Универсальное толкование принимает установки основного отдела правила такими, какими они есть. Для примера можно было бы сказать, что Орлу нет никакого дела до человеческих действий, и все же он предоставил человеку проход к свободе.

Индивидуальная же интерпретация является тем заключением, к которому приходят видящие, используя универсальные интерпретации как исходные посылки. Например, вследствие отсутствия у Орла интереса, я должен убедиться, что мои шансы достичь свободы возрастают благодаря, возможно, моей преданности.

Согласно дону Хуану, он и его бенефактор были совершенно разными в отношении тех методов, которыми они пользовались, чтобы вести своих подопечных. Дон Хуан говорил, что методом его бенефактора была суровость. Он вел железной рукой и, следуя своему убеждению, что с Орлом ни о каких даровых подаяниях не может быть и речи, он ни для кого ничего не делал напрямую. Вместо этого он активно помогал каждому помогать самому себе. Он считал, что дар свободы, пожалованный Орлом, не ниспосланная благодать, а только шанс получить шанс.

Дон Хуан, хотя и признавал достоинства метода своего бенефактора, не был с ним согласен. Позднее, уже став самостоятельным, он сам увидел, что при этом методе тратится драгоценное время. Для него более уместным было поставить

¹² Same input and output. Input – потребляемая мощность; подводимая мощность; ввод информации; информация на входе; input data — исходные данные; входные данные; входной сигнал; входное устройство; устройство ввода. Output – выпуск; выработка; производительность; мощность, отдача; итог, результат; выходное устройство, устройство вывода; вывод.

каждого перед определенной ситуацией и заставить принять ее, а не дожидаться, пока каждый станет готовым встретить ее самостоятельно. В этом и состоял его метод взаимодействия со мной и другими учениками.

Для дона Хуана событием, на примере которого было видно огромное значение этой разницы в руководстве, было его обязательное взаимодействие с воинами своего бенефактора. Команда правила состояла в том, что его бенефактор должен был найти для дона Хуана сначала женщину-нагуаль, а затем четырех женщин и четырех мужчин, которые составили бы его партию воинов. Его бенефактор видел, что дон Хуан не имеет еще достаточной личной силы, чтобы принять на себя ответственность за женщину-нагуаль, поэтому он изменил последовательность и попросил женщин своей собственной партии найти для дона Хуана сначала четырех женщин, а затем четырех мужчин.

Дон Хуан признался, что был захвачен идеей такой перестановки. В его понимании эти женщины предназначались ему, что по его представлению означало сексуальные отношения. Он, однако, необдуманно поделился своими предвкушениями с бенефактором, и тот немедленно познакомил дона Хуана с мужчинами и женщинами своей партии, предоставив ему самому общаться с ними.

Для дона Хуана встреча с этими воинами была настоящим испытанием, и не только потому, что они намеренно жестко контактировали с ним, но и потому, что сама природа такой встречи должна была быть прорывом.

Дон Хуан сказал, что взаимодействие в левостороннем осознании не произойдет, если не все участники разделяют это состояние. Именно поэтому он переводил нас в левостороннее осознание только в тех случаях, когда мы должны были встречаться с его воинами. Этой процедуры придерживался и его бенефактор, взаимодействуя с ним.

Дон Хуан кратко рассказал мне о том, что произошло во время его первой встречи с членами группы его бенефактора. Он считал,

что я, возможно, смогу использовать его опыт, хотя бы как пример того, чего можно ожидать. Он сказал, что мир его бенефактора был удивительно упорядоченным. Членами его партии были индейские воины со всех концов Мексики. В то время, когда он их встретил, они жили в отдаленном горном районе южной Мексики.

Когда дон Хуан добрался до их дома, его встретили две очень похожие друг на друга особы, самые крупные индейские женщины, каких он когда-либо встречал. Они были угрюмы и мрачны, но все же черты их были очень приятными. Когда он попытался пройти между ними, они зажали его между своими огромными животами, схватили за руки и начали избивать. Они швырнули его на землю и уселись сверху, едва не раздавив ему грудную клетку. Они продержали его без движения более 12 часов, препираясь с его бенефактором, который должен был без остановки говорить всю ночь напролет, пока, наконец, утром они не отпустили дон Хуана. Больше всего его испугала непреклонность в глазах этих женщин. Он думал, что с ним уже все кончено, что они будут сидеть на нем, пока он не умрет, что, по их словам, они и собирались сделать.

В нормальных условиях после этого должен был последовать перерыв в несколько недель, прежде чем знакомиться с другими воинами, но из-за того, что его бенефактор хотел оставить его в их среде, дон Хуан немедленно был отведен на встречу с другими. Его познакомили со всеми в один день, и они отнеслись к нему как к грязи. Они утверждали, что он – неподходящий для работы человек, что он слишком неотесан и глуп, молод годами, но уже ведет себя, как старик. Его бенефактор блестяще выступал в его защиту. Он говорил им, что они могут изменить эти условия и что как для них, так и для дон Хуана должно быть высшим удовольствием принять такой вызов.

Дон Хуан сказал, что его первое впечатление оказалось правильным. С этих пор для него существовала только работа и бесконечные трудности. Женщины видели, что дон Хуан был неуправляемым и что ему нельзя было доверить выполнение такой сложной и деликатной задачи, как вести четырех женщин. Поскольку сами они были видящими, они сделали собственную интерпретацию правила и решили, что дону Хуану сначала будут

полезны четверо мужских воинов, а затем уже четверо женских. Дон Хуан сказал, что их видение было верным, потому что для того, чтобы иметь дело с женскими воинами, Нагуалю надо было находиться в состоянии совершенной личной силы, состоянии безмятежности и контроля, в котором человеческие чувства играют минимальную роль, состоянии, которое в то время было для него непостижимым.

Его бенефактор поместил его под непосредственное наблюдение двух своих западных женщин, самых свирепых и бескомпромиссных воинов из всех. Дон Хуан сказал, что все западные женщины, в полном соответствии с правилом, безумствуют и что о них надо заботиться. Под давлением сновидения и сталкинга они теряют правую сторону, свой рассудок. Их ум легко воспламеняется из-за необыкновенной обостренности левостороннего осознания. Потеряв рассудочную сторону, они становятся несравненными сновидящими и сталкерами, поскольку их больше не сдерживает никакой рациональный балласт.

Дон Хуан сказал, что эти женщины излечили его от похоти. В течение шести месяцев он большую часть времени проводил в корсете, подвешенный к потолку их сельской кухни, как коптящийся окорок, пока окончательно не очистился от мыслей о достижениях и личном удовлетворении.

Дон Хуан объяснил, что кожаный корсет – превосходный способ для излечения от некоторых болезней, не являющихся телесными.

Идея состоит в том, что чем выше человек подвешен и чем дольше он не имеет возможности коснуться земли, болтаясь в воздухе, тем выше вероятность по-настоящему очищающих последствий.

В то время, пока западные воины очищали его, остальные женщины были заняты розыском мужчин и женщин для его партии. Чтобы справиться с этим, потребовались годы.

Тем временем дон Хуан был вынужден самостоятельно взаимодействовать с воинами его бенефактора. Присутствие этих воинов и контакт с ними настолько его угнетали, что ему начало

казаться, будто он никогда не избавится от этого давления. Результатом явилось его полная и буквальная приверженность тексту правила. По словам дона Хуана, он тратил драгоценное время, размышляя о существовании действительного прохода в иной мир. Он рассматривал подобную заботу, как ловушку, которую следует избежать любой ценой. Чтобы уберечь меня от нее, он позволил, чтобы требуемое взаимодействие с членами его группы происходило тогда, когда я защищен присутствием Ла Горды или любого из остальных учеников.

В моем случае встреча с воинами дона Хуана была конечным результатом длительного процесса. О них никогда не упоминалось ранее в случайных беседах с доном Хуаном. Я знал об их существовании единственно потому, что оно вытекало из правила, открываемого мне доном Хуаном по частям. Позднее он признал, что они существуют, и что в конце концов мне придется встретиться с ними. Он подготовил меня к столкновению с ними, дав общие инструкции и указания.

Он предостерег меня от обычной ошибки – переоценки левостороннего осознания, ослепления его ясностью и силой. Он сказал, что находиться в левостороннем осознании совсем не означает немедленного освобождения от собственной глупости. Это означает только расширенную способность к восприятию, большую легкость понимания и обучения и, прежде всего, большую возможность забывать.

Когда пришло время познакомить меня с воинами своей партии, дон Хуан дал мне общее описание партии его бенефактора, в качестве путевода для меня. Он сказал, что для внешнего наблюдателя мир его бенефактора, в определенное время, казался как бы состоящим из четырех домов.

Первый был образован южными женщинами и курьером Нагуаля; второй – восточными женщинами, ученым и мужчиной-курьером; третий – северными женщинами, человеком действия и другим мужчиной курьером; четвертый – западными женщинами, человеком за сценой и третьим мужчиной-курьером.

В другое время этот мир мог бы показаться состоящим из нескольких групп. Одну образовывали совершенно непохожие друг на друга пожилые мужчины – бенефактор дона Хуана и три его мужских воина. Другую группу составляли четверо очень похожих друг на друга мужчин-курьеров. Следующая состояла из двух пар женщин близнецов, живущих вместе, которыми были южные и восточные женщины, и двух других пар женщин, кажущихся сестрами, которыми были северные и западные женщины.

Эти женщины не были родственницами – они просто выглядели одинаково из-за невероятно огромной личной силы, которой обладал бенефактор дона Хуана. Дон Хуан описывал южных женщин как двух мастодонтов устрашающего вида, но очень дружелюбных. Восточные женщины были очень красивы, свежи и забавны, действительно услаждая слух и взор. Северные женщины были исключительно женственными, рисующимися, кокетливыми, озабоченными своим возрастом, но в то же время ужасно прямыми и нетерпеливыми. Западные женщины временами были безумны, но в другое время представляли собой воплощение жесткости и целеустремленности. Именно они больше всего беспокоили дона Хуана, потому что у него в голове не укладывалось, как они, будучи столь трезвы, добры и дружелюбны, в любой момент могут потерять свою выдержку и буквально обезуметь. Мужчины же ничем не запомнились дону Хуану. Он не видел в них ничего примечательного. Казалось, они были всецело поглощены потрясающей силой решимости женщин и всеподавляющей силой его бенефактора.

Что касалось его личного пробуждения, дон Хуан говорил, что, будучи брошен в мир своего бенефактора, он осознал, насколько легко и удобно ему было идти по миру без всяких самоограничений. Он понял, что заблуждался, считая, будто его цели являются единственно стоящими из всех, какие только может иметь человек. Всю свою жизнь он был нищим, и поэтому его всепоглощающая амбиция сводилась к тому, чтобы иметь материальные блага, быть кем-то. Он был настолько занят своим желанием вырваться вперед и отчаянием из-за отсутствия успеха, что у него не было времени осмотреться и хоть что-нибудь проверить. Он с радостью примкнул к своему бенефактору, ибо понял, что ему предоставляется

возможность что-то сделать из самого себя. Уж если не остается ничего иного, думал он, то тут есть возможность научиться быть магом. Он представлял себе, что погружение в мир его бенефактора было для него подобно эффекту испанского завоевания индейской культуры. Оно разрушило все, но в то же время заставило его провести раздробляющее исследование самого себя.

Моей реакцией на подготовку к встрече с партией воинов дона Хуана были, как ни странно, не благоговение и страх, а мелочная интеллектуальная озабоченность по двум вопросам. Первое – заявление, что в мире существуют только четыре типа мужчин и женщин. Я возражал дону Хуану, что амплитуда индивидуальной изменчивости людей слишком велика для такой простой схемы. Он не согласился и сказал, что правило окончательно и что для неопределенного числа типов людей в нем нет места.

Вторым вопросом была культурная подоплека знания дона Хуана. Он и сам ее не знал, рассматривая свое знание как продукт своего рода всеиндейский. Его предположение относительно истоков этого знания состояло в том, что когда-то в мире индейцев, задолго до завоевания, управление вторым вниманием пришло в негодность. Оно, вероятно, в течение тысячелетий развивалось без помех и достигло той точки, на которой потеряло свою силу. Практики того времени могли не испытывать надобности в контроле, поэтому второе внимание, не имея ограничений, вместо того, чтобы становиться сильнее, ослабло из-за возросшей усложненности. Затем явились испанские завоеватели и своей превосходящей технологией уничтожили индейский мир.

Дон Хуан сказал, что его учитель был убежден, будто лишь горстка тех воинов выжила, смогла вновь собрать свое знание и перенаправить свою тропу. Все, что дон Хуан и его бенефактор знали о втором внимании, было лишь реставрированной, новой версией, имеющей ограничения, потому что она выковывалась в условиях жесточайшего угнетения.

Глава 10. Партия воинов нагуаля

Когда дон Хуан решил, что пришло время познакомить меня с его воинами, они изменил мой уровень осознания. Затем ясно дал мне понять, что он сам никоим образом не будет влиять на то, как меня встретят, и предупредил, что если им взбредет в голову меня избить, то он не сможет их остановить. Они могут делать со мной все, что захотят, но только не убивать. Он вновь и вновь подчеркивал, что воины его партии являются точной копией воинов его бенефактора, но некоторые женщины еще более свирепы, а все мужчины уникальны и могущественны. Поэтому моя первая встреча с ними может быть похожей на падение вниз головой.

С одной стороны, я был встревожен и нервничал, но с другой – меня разбирало любопытство. Мысли бешено плясали в моей голове. В первую очередь меня интересовало, как выглядят эти воины.

Дон Хуан сказал, что у него есть выбор – или направить меня на запоминание сложного ритуала, как это было сделано с ним самим, или же сделать встречу предельно произвольной. Он ожидал знака, чтобы решить, какой вариант избрать. Его бенефактор делал нечто подобное, только он настоял, чтобы дон Хуан научился ритуалу до того, как появится знак. Когда дон Хуан высказал свои сексуальные мечты о том, как он будет спать с четырьмя женщинами, его бенефактор истолковал это как знак, отбросил ритуал и кончил тем, что препирался, как торговец свиньями, из-за жизни дон Хуана.

В моем случае дон Хуан хотел получить знак прежде, чем учить меня ритуалу. Этот знак был дан, когда мы с ним проезжали пограничный городок в Аризоне, и полицейский остановил машину. Полицейский решил, что я – незаконно въехавший иностранец. Лишь после того, как я предъявил ему свой паспорт, который он счел вначале поддельным, и другие документы, он разрешил нам ехать дальше. Все это время дон Хуан сидел на переднем сидении рядом со мной, и полицейский как будто не замечал его. Он был сфокусирован исключительно на мне. Дон Хуан решил, что это и

есть тот знак, которого он ждал. Он истолковал его так, что мне будет очень опасно привлекать к себе внимание, и сделал вывод, что мой мир должен быть миром совершенной простоты и открытости. Сложный ритуал и помпезность для меня не подходили. Он заметил, однако, что минимальное соблюдение ритуала при знакомстве с его воинами будет в порядке вещей. Я должен начать с приближения к ним со стороны юга, потому что именно в этом направлении идет непрекращающийся поток силы. Жизненная сила течет к нам с юга и оставляет нас, уходя на север. Он сказал, что единственный вход в мир Нагуаля идет через юг и что ворота образованы двумя женскими воинами, которые будут приветствовать меня и позволят мне пройти, если сочтут это возможным.

Он привез меня в город центральной Мексики, к дому на окраине. Когда мы пешком со стороны юга приблизились к нему, я увидел двух массивных индейцев, стоявших в полутора метрах друг от друга, лицом к лицу. Они находились примерно в 10-12 метрах от двери дома, стоя на твердой, спекшейся почве.

Женщины выглядели необыкновенно мускулистыми и крепко сбитыми. У обеих были иссиня-черные волосы, заплетенные в длинную косу. Они походили друг на друга, как сестры: одинакового сложения, примерно 160 см. ростом и до 70 кг. весом. Одна из них была очень темной, почти чернокожей, другая – намного светлее. На них была типичная одежда индейских женщин центральной Мексики – длинное свободное платье, шаль и самодельные сандалии.

Дон Хуан остановил меня в метре от них. Он повернулся сам и заставил меня повернуться к женщине слева от нас. Он сказал, что ее зовут Сесилией и что она сновидящая. Затем он резко повернулся, не дав мне времени что-либо сказать, и заставил меня стать лицом к более темной женщине. Он сообщил, что ее имя Делия и она сталкер. Женщины кивнули мне. Они не улыбнулись, не двинулись пожать мне руку и не сделали ни одного приглашающего жеста.

Дон Хуан прошел между ними, как если бы они были двумя опорными столбами ворот. Он сделал несколько шагов и обернулся, как бы ожидая, что женщины пригласят меня пройти между ними. Секунду женщины спокойно смотрели на меня. Затем Сесилия пригласила меня войти, как если бы я стоял на пороге настоящего дома.

Дон Хуан показывал дорогу к дому. У входной двери мы встретили очень худощавого мужчину. На первый взгляд он выглядел молодым, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что ему около шестидесяти. Он производил впечатление постаревшего ребенка – небольшого роста, худощавый, с проникновенными темными глазами. Он был подобен эльфу или тени. Дон Хуан представил его мне как Эмилито, сказав, что это его курьер, помощник во всех делах, который будет рад приветствовать меня сам.

Мне показалось, что Эмилито действительно наиболее подходящее существо, чтобы приветствовать кого бы то ни было. Его улыбка излучала радушие, зубы были идеально ровными. Он пожал мне руку, вернее, скрестил обе свои руки, обхватив ими обе мои. Казалось, он преисполнен удовольствия. И можно было поклясться, что он в экстазе от радости видеть меня. Его голос был очень мягким, а глаза светились.

Мы прошли в большую комнату. Там находилась еще одна женщина. Дон Хуан сказал, что ее имя Тереза и что она является курьером Сесилии и Делии. Ей было, вероятно, чуть больше двадцати лет, и выглядела она как дочь Сесилии. Она была спокойна и молчалива, но очень дружелюбна. Мы прошли за доном Хуаном в заднюю часть дома, где располагалась крытая веранда. Стоял теплый день. Мы сели за стол и после скромного обеда разговаривали, пока не перевалило за полночь.

Эмилито был за хозяина. Он очаровывал и развлекал всех своими экзотическими рассказами. Женщины раскрылись. Они были для него великолепными слушателями. Слышать их смех доставляло подлинное наслаждение. Они были поразительно мускулистыми и телесно живыми. В одном месте, когда Эмилито

сказал, что Сесилия и Делия являются для него как бы двумя матерями, а Тереза – дочкой, они схватили его и подбросили в воздух, как ребенка.

Из двух женщин Делия выглядела более рассудительной, более земной. Сесилия же была, пожалуй, более отчужденной, но она, казалось, обладала большей внутренней силой. Она производила впечатление более нетерпимой или более нетерпеливой. Ее вроде бы раздражали некоторые из рассказов Эмилито.

Тем не менее, она была явно заинтригована, когда он рассказывал свои, так называемые, «истории вечности». Каждую историю Эмилито начинал словами: «Знаете ли вы, дорогие друзья, что...». История, которая произвела на меня наибольшее впечатление, была посвящена неким существам, по его словам, существующим во вселенной и сильно напоминающим людей, но не являющимися ими. Эти существа были всецело захвачены движением и обладали способностью заметить малейшее колебание внутри себя или снаружи. Они были настолько чувствительны к движению, что это стало их проклятием. Движение причиняло им такую боль, что пределом их мечтаний являлось обретение покоя.

Эмилито пересыпал свои легенды вечности самыми непристойными шутками. Из-за его необычайного дара рассказчика я понимал каждую из его историй как метафору или притчу, при помощи которой он нас чему-нибудь учил.

Дон Хуан сказал, что Эмилито просто докладывает о том, чему он был свидетелем в своих путешествиях по бесконечности. Роль курьера состояла в том, чтобы путешествовать впереди Нагуаля, подобно лазутчику в военных операциях. Эмилито уходил к границам второго внимания, и все, чему он являлся свидетелем, затем сообщал остальным.

Вторая встреча с воинами дона Хуана прошла так же без осложнений, как и первая. Однажды дон Хуан перевел меня в повышенное осознание и сказал, что меня ждет вторая встреча. Он велел мне ехать в город Закатекас в северной Мексике. Мы прибыли туда ранним утром. Дон Хуан сказал, что здесь у нас будет просто

остановка и что нам надо передохнуть до завтрашнего дня, когда нам нужно будет прибыть на вторую официальную встречу, чтобы познакомиться с восточными женщинами и воином-ученым из его партии. Потом он растолковал мне тонкий и запутанный момент выбора. Он сказал, что мы встретили Юг и курьера в середине второй половины дня, потому что он сделал индивидуальную интерпретацию правила и выбрал этот час как символизирующий ночь. Юг в действительности был ночью, теплой, дружелюбной, уютной ночью, и на самом деле мы должны были бы идти на встречу с теми двумя южными воинами после полуночи. Однако это оказалось бы для меня неблагоприятным, потому что я имел направленность к свету, к оптимизму – тому оптимизму, который сам гармонично трансформируется в загадку тьмы. Он сказал, что именно это мы и проделали в тот день. Мы наслаждались компанией друг друга, пока не стало совершенно темно. Я еще удивился тогда, почему никто не зажигает лампу. Дон Хуан сказал, что восток, напротив, является утром, светом и что мы будем встречать восточных женщин завтра в середине утра.

Перед завтраком мы пошли на площадь и сели на скамейку. Дон Хуан сказал мне, что он оставит меня здесь подождать его, пока он сделает кое-какие дела. Он ушел, и вскоре после его ухода подошла женщина и села на противоположном конце скамейки. Я не обратил на нее никакого внимания и стал читать газету. Через минуту еще одна женщина присоединилась к первой. Я хотел пересест на другую скамейку, но вспомнил, что дон Хуан специально подчеркнул, чтобы я сидел здесь и никуда не уходил. Я отвернулся от женщин и словно забыл об их существовании. Они сидели тихо, и вдруг с ними поздоровался какой-то мужчина, остановившись лицом ко мне. Из их разговора я понял, что женщины ждали его. Мужчина извинился за опоздание. Он явно хотел сесть. Я отодвинулся, освобождая ему место. Он пышно поблагодарил меня и извинился за причиненное беспокойство, а затем сказал, что они, будучи сельскими жителями, совершенно теряются в городе и что однажды, когда они ездили в Мехико, чуть не попали под машину. Он спросил меня, живу ли я в Закатекасе. Я сказал «нет» и уже хотел было оборвать разговор, но в его улыбке было что-то уж больно обаятельное. Он был пожилым человеком, хорошо сохранившимся, для своего возраста. Он не был индейцем, а

напоминал благородного фермера из какого-то сельского местечка. На нем были костюм и соломенная шляпа. Черты его лица были утонченными, кожа казалась прозрачной, нос имел высокую переносицу, рот был маленьким, окаймленным тщательно подстриженной, седой бородкой. Здоровье, казалось, переполняло его, и в то же время он выглядел хрупким. Он был среднего роста и хорошо сложен, но в то же время создавал впечатление, что худощав, почти истощен.

Он поднялся и представился как Висенте Медрано, сказав, что приехал в город по делам только на один день. Затем указал на женщин и сообщил, что это его сестры. Женщины встали и повернулись к нам. Они были очень худенькими, лицом темнее брата и намного моложе его. Одна из них вполне могла быть его дочерью. Я заметил, что кожа у них не такая, как у него, а суше. Обе женщины имели очень приятную внешность. У них были такие же утонченные черты лица, а глаза светились чистотой и спокойствием. Они были ростом около 160 см., одеты в прекрасно сшитые платья, но со своими шальями, туфлями на низком каблуке и темными, хлопчато-бумажными чулками выглядели зажиточными селянками. Старшей, казалось, было уже за пятьдесят, младшей – лет на десять меньше.

Мужчина представил их мне. Старшую звали Кармела, младшую – Эрмелинда. Я встал и слегка пожал им руки. Я спросил, есть ли у них дети. Обычно этот вопрос был верной завязкой разговора. Женщины рассмеялись и одновременно провели руками по своим животам, показывая, какие они стройные. Мужчина спокойно объяснил, что его сестры – старые девы, а сам он закоренелый холостяк. Полушутливым тоном он поведал мне, что его сестры, к сожалению, чересчур мужественны; не имея женственности, делающей женщин желанными, они не смогли найти себе мужей.

Я сказал, что вряд ли они проиграли, если учесть, что в нашем обществе женщины частенько довольствуются ролью прислуги. Они не согласились со мной, возразив, что ничего не имели бы против того, чтобы быть служанками, если бы только нашлись мужчины, пожелавшие стать их хозяевами. Младшая сказала, что суть

проблемы здесь состоит в том, что их отцу не удалось научить их вести себя так, как полагается женщинам. Мужчина со вздохом пожаловался, что их отец был настолько деспотичным, что даже помешал ему жениться, ибо намеренно не учил его, как стать женихом. Все трое вздохнули и помрачнели. Меня душил хохот.

После некоторого молчания мы опять уселись. Мужчина сказал, что если я еще немного посижу на этой скамейке, у меня появится шанс встретиться с их отцом, который еще достаточно бодр для своего преклонного возраста. Он добавил смущенным тоном, что отец собирался повести их позавтракать, так как у них самих никогда не бывает денег. Тесемка кошелька всегда находились в руках у отца.

Я опешил. Эти старые люди, выглядевшие так бодро, в действительности были подобны слабым зависимым детям. Я попрощался и поднялся, чтобы уйти. Мои собеседники настаивали, чтобы я остался. Они заверяли меня, что их отцу будет приятно, если я составлю им компанию за завтраком. Я не хотел встречаться с их отцом, но в то же время меня одолевало любопытство. Я сказал им, что сам жду кое-кого. При этих словах женщины начали посмеиваться, и затем все трое разразились хохотом. Я почувствовал себя в глупом положении, и мне захотелось убраться оттуда. В этот момент показался дон Хуан, и я понял их маневр. Я не находил его забавным.

Мы все поднялись. Они еще продолжали смеяться, когда дон Хуан сообщил мне, что эти женщины были Востоком, что Кармела – сталкер, а Эрмелинда – сновидящая, а Висенте – воин-ученый и его старейший сотоварищ.

Когда мы покидали площадь, к нам присоединился еще один человек, темный индеец старше сорока лет. Он был одет в джинсы Levi's и ковбойскую шляпу. Выглядел он ужасно сильным и мрачным. Дон Хуан представил его мне как Хуана Туму, курьера и помощника в изысканиях Висенте.

Мы прошли несколько кварталов до ресторана. Женщины держали меня под руки с двух сторон. Кармела сказала, что

надеется на то, что я не слишком обиделся на их шутку, ибо у них был выбор – прямо представиться или немного подурочить меня. К последнему варианту их склонило мое снобистское поведение, когда я повернулся к ним спиной и даже хотел пересесть на другую скамейку. Эрмелинда добавила, что следует быть предельно смиренным и не иметь ничего, что следовало бы защищать, даже свою собственную личность. Собственная личность должна быть предохраняемой, но не защищаемой. Проявляя к ним высокомерие, я не предохранял себя, а просто защищался.

Я пребывал в склочном настроении. Их маскарад выбил меня из колеи. Я начал спорить, но прежде, чем я успел высказать свое мнение, ко мне подошел дон Хуан. Он сказал женщинам, что мне надо простить мою задиристость, потому что нужно очень много времени, чтобы счистить весь тот мусор, который подбирают в этом мире светящиеся существа.

Хозяин ресторана, в который мы пришли, знал Висенте и приготовил нам изысканный завтрак. Все были в прекрасном настроении, но я никак не мог освободиться от своего недовольства. Тогда по просьбе дона Хуана Хуан Тума начал рассказывать о своих путешествиях. Он был очень конкретен. Я был загипнотизирован его сухими отчетами о вещах, выходящих за пределы моего понимания. Наиболее захватывающими мне показались его описания неких лучей света или энергии, которые, как будто, пересекают Землю. Он сказал, что эти лучи не колеблются и не изменяются, как все остальное во вселенной, но фиксированы в определенной структуре. Эта структура совпадает с сотнями точек светящегося тела. Эрмелинда поняла так, что все эти точки находятся в нашем физическом теле, но Хуан Тума объяснил, что поскольку светящееся тело достаточно велико, некоторые точки удалены чуть ли не на метр от физического тела. В каком-то смысле они вне нас, но это не так. Они находятся на периферии нашей светимости и поэтому принадлежат общему телу. Самая важная из этих точек находится в 30 сантиметрах от живота, на 40 градусов правее воображаемой линии, идущей прямо вперед. Хуан Тума сказал нам, что это центр сбора второго внимания и что этим центром можно манипулировать, мягко поглаживая воздух ладонями. Слушая Хуана Туму, я забыл о своем гневе.

Предметом следующей встречи с миром дона Хуана был Запад. Дон Хуан пространно предупредил меня, что первая встреча с Западом – очень ответственное событие, потому что именно она, так или иначе, решит, что я буду делать впоследствии. Он насторожил меня, сказав, что это событие станет для меня испытанием, поскольку я чересчур негибок и считаю себя важной персоной. Он сообщил, что к Западу, как и следовало ожидать, нужно приближаться в сумерках – во время суток, трудное само по себе, и что его воины Запада чрезвычайно могущественны, смелы и откровенно безумны. В то же время я встречусь там с мужским воином, являющимся человеком за сценой. Дон Хуан призвал меня сохранять предельную осторожность и терпение, потому что женщины не только безумствовали, но, как и мужчина, являлись самыми могущественными воинами, каких он когда-либо знал. По его мнению, они были непререкаемыми авторитетами во втором внимании. Дальше эту мысль дон Хуан не развивал.

Однажды, как бы под влиянием внезапного решения, он сказал, что пришло время отправиться на встречу с западными женщинами. Мы доехали до какого-то города на севере Мексики.

Перед наступлением темноты дон Хуан велел мне остановить машину у большого неосвещенного дома на окраине города. Мы вышли, и дон Хуан несколько раз постучал в парадную дверь, но никто не ответил. У меня было ощущение, что мы приехали не вовремя, дом казался пустым.

Дон Хуан продолжал стучать, пока, казалось, не устал. Он велел мне сменить его и стучать без остановки, потому что хозяева плохо слышат. Я спросил, не будет ли лучше возвратиться попозже или на следующий день. Он велел мне продолжать барабанить в дверь.

После бесконечного ожидания дверь медленно приоткрылась, и какая-то странно выглядящая женщина поинтересовалась, не собираюсь ли я проломить дверь или разозлить соседей и их собак. Дон Хуан сделал шаг вперед, чтобы что-то сказать, но женщина вышла наружу и с силой оттолкнула его в сторону. Она стала грозить мне пальцем, вопя, что я веду себя так, будто весь мир

принадлежит мне, будто только я один существую на этой земле. Я запротестовал, что делал только то, что мне велел дон Хуан. Она спросила, велел ли мне дон Хуан выламывать дверь. Дон Хуан попытался вмешаться, но опять был отметен в сторону.

Женщина выглядела так, будто только что встала с постели. Наш стук, наверное, разбудил ее и она надела платье из корзины с грязным бельем. Она была босая, ее волосы с проседью были взлохмачены. У нее были красные, как пуговики, глаза. Она была домашней женщиной, но каким-то образом страшно внушительной, довольно высокой, около 170 см, темной и ненормально мускулистой. Ее голые руки были покрыты буграми мышц. Я заметил, что у нее очень красивой формы икры. Она смерила меня глазами с головы до ног, возвышаясь надо мной, и прокричала, что не слышит моих извинений. Дон Хуан прошептал, что мне следует извиниться громко и ясно.

Как только я это сделал, она улыбнулась и, повернувшись к дону Хуану, обняла его, как ребенка. Она укоряла его, что не нужно было позволять мне стучать, так как мои прикосновения к двери очень скользкие и беспокоящие. Она взяла дону Хуана за руку и повела его в дом, помогая переступить высокий порог. Она называла его «миленьким старикашечкой», а дон Хуан смеялся. Мне было дико видеть, что он ведет себя так, как будто ему приятна та чушь, которую несла эта ужасная женщина. Заведя «миленького старикашечку» внутрь дома, она сделала мне знак рукой, как будто отгоняя прочь приبلудившуюся собаку, и рассмеялась над моим недоумением. Ее зубы были большими, неровными и темными. Затем она как будто переменила решение и сказала, чтобы я вошел.

Дон Хуан направился к двери, которую было едва видно в конце темного холла. Женщина распекала его за то, что он не знает, куда идет. Она провела нас через еще один темный холл. Дом, казалось, был огромным, но в нем во всем не было света. Женщина открыла дверь в очень большую и практически пустую комнату. Там стояли только два старых кресла в центре под самой тусклой электрической лампочкой, которую я видел в жизни. Это была старомодная длинная лампочка.

Еще одна женщина сидела в одном из кресел. Первая женщина села на пол на небольшую соломенную циновку и прислонилась спиной к другому креслу. Затем она прижала колени к груди, совершенно при этом обнажившись. На ней не было нижнего белья. Я ошарашено уставился на нее.

Отвратительно грубым голосом женщина спросила меня, почему я так уставился на ее влагалище. Я не знал, что сказать, и потому начал отнекиваться. Она вскочила и, казалось, была готова ударить меня. Она потребовала, чтобы я сказал, что глазел на ее влагалище потому, что не видел влагалища никогда в своей жизни. Я чувствовал себя виноватым, был крайне смущен и также раздосадован тем, что она поймала мой нескромный взгляд.

Женщина спросила дона Хуана, что я за Нагуаль, если никогда не видел влагалища. Она повторяла это вновь и вновь, крича во весь голос, обежала вокруг комнаты и, остановившись у сидящей женщины, потрясла ее за плечи и, указав на меня, сказала, что я — мужчина, ни разу в жизни не видевший влагалища. Она смеялась и издевалась надо мной.

Я был подавлен. Я чувствовал, что дон Хуан должен был что-то сделать, чтобы избавить меня от этого унижения. Я вспомнил, как он говорил мне, что эти женщины бывают совершенно безумными. Он недооценил их, эта фурия была готова стать клиенткой психбольницы. Я взглянул на дона Хуана в поисках поддержки и совета. Он смотрел в сторону и выглядел таким же растерянным, хотя мне показалось, что я поймал злорадную ухмылку, которую он скрыл, отвернув голову.

Женщина легла на спину, задрала юбку и велела мне смотреть, сколько душе угодно, вместо того, чтобы бросать взгляды украдкой. Я, по-видимому, покраснел, судя по тому жару, который чувствовал на лице и шее. Я был так раздражен, что чуть не потерял контроль над собой. Мне хотелось проломить ей голову.

Тут сидящая в кресле женщина внезапно поднялась и, схватив первую за волосы, рывком поставила ее на ноги, совершенно без видимых усилий. Она посмотрела на меня сквозь полуприкрытые

веки, приблизив лицо почти вплотную к моему. Ее запах был удивительно свежим.

Очень высоким голосом она сказала, что мы должны перейти к делу. Обе женщины стояли теперь рядом со мной под электрической лампочкой. Они не были похожи. Вторая женщина была старше или просто так выглядела, ее лицо было покрыто толстым слоем косметической пудры, придававшей ей вид клоуна. Ее волосы были ровно уложены в шиньон. Она казалась спокойной, только у нее постоянно дрожали нижняя губа и подбородок.

Обе женщины были одинаково высокими и сильными на вид. Они угрожающе нависли надо мной и долгое время пристально на меня смотрели. Дон Хуан не прерывал их затянувшегося разглядывания. Старшая женщина кивнула головой, и дон Хуан сказал мне, что ее зовут Зулейка и что она сновидящая. Женщину, открывшую нам дверь, звали Зойла и она была сталкером.

Зулейка повернулась ко мне и спросила, верно ли, что я никогда не видел влагалища. Дон Хуан не мог больше сдерживаться и начал хохотать. Жестом я показал ему, что не знаю, как отвечать. Он прошептал мне на ухо, что будет лучше, если я отвечу, что не видел, иначе я должен буду подготовиться к тому, чтобы описать его, потому что это будет следующим, что Зулейка от меня потребует.

Я так и ответил, и Зулейка сказала, что сочувствует мне. Затем она велела Зойле показать мне свое влагалище. Зойла легла на спину под лампочкой и раздвинула ноги. Дон Хуан смеялся и кашлял. Я умолял его вывести меня из этого сумасшедшего дома. Он опять прошептал мне на ухо, что будет лучше, если я хорошенько рассмотрю то, что мне показывают, иначе нам придется оставаться здесь до второго пришествия. После моего тщательного и внимательного изучения Зулейка сказала, что теперь я могу хвастаться тем, что я — знаток, и что если я опять наткнулся на женщину без трусов, то уже не буду таким бесстыдным и вульгарным и смогу оторвать глаза от ее промежности, потому что уже видел влагалище.

Зулейка очень тихо повела нас во внутренний дворик. Она сказала, что там есть некто, ожидающий встречи со мной. Во двореке было так темно, что я едва мог различать силуэты остальных. Затем я увидел темные очертания человека, стоящего в нескольких футах от меня. Мое тело ощутило непроизвольный толчок.

Дон Хуан тихо заговорил с этим человеком, сообщая ему, что привел меня для встречи с ним. Он назвал этому человеку мое имя. После секундного молчания дон Хуан сказал мне, что его зовут Сильвио Мануэль и что он – воин темноты и фактический лидер всей партии воинов. Затем Сильвио Мануэль заговорил со мной. Я подумал, что у него какой-то дефект речи, так как его голос был приглушенным и слова вылетали зарядами, как мягкое покашливание.

Он велел мне подойти поближе. Когда я попытался приблизиться к нему, он отдалился так, как будто завис в воздухе. Он провел меня в еще более темный конец зала, неслышно двигаясь спиной вперед. Он пробормотал что-то, но я не разобрал, что именно. Я хотел заговорить, но в горле у меня пересохло и першило. Он два или три раза повторил мне что-то, пока до меня не дошло, что он приказывает мне раздеться. В его голосе и окружающей темноте было что-то завораживающее, и я не смел послушаться. Сняв с себя одежду, я стоял совершенно голый, трясаясь от страха и холода. Было настолько темно, что я не знал, здесь ли еще дон Хуан и двое женщин. Я услышал тихое продолжительное шипение из источника в нескольких футах от меня и, ощутив прохладный ветерок, понял, что Сильвио Мануэль, выдыхая воздух, обдувает им все мое тело.

Затем он попросил меня сесть на мою одежду и смотреть на яркую точку, легко различимую в темноте и излучавшую, как мне казалось, слабый янтарный свет. Я смотрел на эту точку, казалось, несколько часов, пока внезапно не сообразил, что точкой был левый глаз Сильвио Мануэля. После этого я уже смог различить контуры его лица и тела. В зале было не настолько темно, как казалось сначала. Сильвио Мануэль приблизился ко мне и помог подняться. Меня захватило то, что я мог с такой ясностью видеть в темноте. Мне даже стало все равно, что я раздет и что, как я теперь видел,

женщины наблюдают за мной. Очевидно, они тоже могли видеть в темноте, так как в упор смотрели на меня. Я хотел одеть брюки, но Зойла выхватила их у меня из рук. Обе женщины и Сильвио Мануэль долгое время разглядывали меня, затем дон Хуан, возникнув из ниоткуда, вручил мне мои туфли. Зойла повела нас по коридору к открытому дворику с деревьями. Я различил темный силуэт женщины, стоящей в центре двора. Дон Хуан заговорил с ней, и она что-то пробормотала в ответ. Она сказала мне, что она южная женщина, зовут ее Марта и что она является курьером двух западных женщин. Марта добавила, что она может поспорить, что я еще никогда не знакомился с женщиной, будучи совершенно голым. Потому что нормальным является сначала знакомиться, а уже потом раздеваться. Она громко рассмеялась. Этот смех был таким приятным, таким чистым и молодым, что по мне пробежала дрожь. Ее смех перекатывался по всему дому, усиливаясь темнотой и тишиной вокруг. Я взглянул на дона Хуана, ища поддержки. Его не было, не было и Сильвио Мануэля. Я остался один с тремя женщинами. Забеспокоившись, я спросил у Марты, не знает ли она, куда ушел дон Хуан. И как раз в этот момент кто-то схватил меня за кожу подмышками. Я взвыл от боли. Я знал, что это Сильвио Мануэль. Он поднял меня так, словно я вообще ничего не весил, и стряхнул с меня туфли. Затем он поставил меня в низкий бак с ледяной водой и опустился к моим коленям.

Я оставался в баке довольно долго, пока все они пристально изучали меня. Затем Сильвио Мануэль поднял меня и поставил рядом с туфлями, которые кто-то аккуратно поставил рядом с баком.

Дон Хуан опять вынырнул из ниоткуда и вручил мне мою одежду. Он прошептал, что мне следует одеться и побыть еще некоторое время, чтобы не показаться невежливым. Марта подала мне полотенце. Я оглянулся, разыскивая остальных женщин и Сильвио Мануэля, но их нигде не было видно.

Марта, дон Хуан и я оставались в темноте, продолжая разговор. Марта говорила вроде бы с доном Хуаном, но именно я был ее основным слушателем. Я ждал, когда дон Хуан подаст мне знак, что пора уходить, но он, казалось, наслаждался оживленной беседой с Мартой. Она рассказывала ему, что Зойла и Зулейка в этот день

находились в высшей точке своего безумия. Затем она добавила для меня, что почти все время они бывают в здравом уме.

Как бы открывая секрет, Марта рассказала нам, что причиной того, что волосы у Зойлы были в таком растрепанном виде, было то, что, по крайней мере, треть их была волосами Зулейки. Случилось так, что они прониклись друг к другу исключительно теплыми чувствами, и одна помогала другой делать прическу. Зулейка заплетала в косу волосы Зойлы, как делала это уже сотни раз, но, находясь вне контроля, вплела в волосы Зойлы и часть своих. Марта сказала, что когда они поднялись, то тут же началась суматоха. Она бросилась им на помощь, но, пока она успела добежать до комнаты, Зулейка уже одержала верх и, будучи в этот день более рассудительной, чем Зойла, решила отрезать ту часть волос Зойлы, которая была сплетена с ее волосами. В суматохе она ошиблась и вместо Зойлиных обрезала свои волосы.

Дон Хуан смеялся так, как если бы это было презабавнейшей вещью на свете. Я слышал мягкий кашель, подобный смеху, из темноты в дальнем конце дворика. Марта добавила, что ей придется сделать для Зулейки шиньон, пока у нее не отрастут волосы.

Я смеялся вместе с доном Хуаном. Марта нравилась мне, а две других женщины были мне отвратительны. Меня просто тошнило от них. Марта же, с другой стороны, казалась образцом спокойной и тихой целенаправленности. Я не мог видеть черты ее лица, но она казалась мне очень красивой. Звук ее голоса увлекал.

Очень вежливо она спросила у дона Хуана, не соглашусь ли я чего-нибудь поесть. Он ответил, что я чувствую себя скованно в присутствии Зойлы и Зулейки и что у меня может разболеться живот. Марта заверила меня, что обе женщины ушли, взяла меня за руку и провела через абсолютно темный зал в неожиданно хорошо освещенную кухню. Контраст оказался болезненным для глаз. Я остановился в дверях, привыкая к свету.

Кухня имела высокий потолок, была современной и удобной. Мы сели. Марта казалась молодой и очень сильной женщиной, у нее была полная чувственная фигура, круглое лицо, небольшие рот и

нос. Ее иссиня-черные волосы были заплетены в косу и уложены вокруг головы.

Я подумал, что ей, наверное, так же любопытно рассмотреть меня, как и мне ее. Мы сидели, ели и беседовали очень долго. Я был очарован ею. Она была необразованной женщиной, но своей беседой околдовала меня. Она развлекала нас подробными описаниями нелепых поступков, совершенных Зойлой и Зулейкой, когда они были сумасшедшими.

Когда мы отъехали, дон Хуан выразил свое восхищение Мартой. Он сказал, что она, пожалуй, представляет собой наилучший среди всех известных ему образец того, как решимость может влиять на человеческое существо. Без опыта и без всякой подготовки, за исключением своего нестигаемого намерения, Марта успешно справлялась с самой трудной из всех вообразимых задач, взяв на себя заботу о Зойле, Зулейке и Сильвио Мануэле.

Я спросил у дон Хуана, почему Сильвио Мануэль не пожелал, чтобы я взглянул на него при свете. Он ответил, что Сильвио Мануэль находился в своей среде, в темноте, и что у меня еще будут бесчисленные возможности увидеть его. Во время же первой встречи полагается, чтобы он оставался в границах своей силы – во мгле ночи. Сильвио Мануэль и эти две женщины жили вместе, потому что они были сплоченной группой потрясающих магов.

Дон Хуан посоветовал мне не делать скороспелых выводов о западных женщинах. Я встретился с ними, когда они были вне контроля, но это отсутствие контроля относится только к внешнему поведению.

У них есть внутреннее ядро, которое неизменно. Так, в минуты самого глубокого безумия они способны смеяться над своим собственным поведением, как будто наблюдают представление, разыгрываемое кем-то другим.

С Сильвио Мануэлем все обстояло иначе. Он не был сумасшедшим ни в коей мере. Фактически именно его глубокая трезвость давала ему возможность эффективно взаимодействовать с этими женщинами, потому что они находились на разных полюсах.

Дон Хуан сказал, что Сильвио Мануэль таким родился, и все окружающие признавали его отличие от них. Даже его бенефактор, который был жестким и непреклонным со всеми, уделял Сильвио Мануэлю очень много внимания. Дону Хуану потребовались годы, чтобы понять причину такого предпочтения. Благодаря чему-то необъяснимому в своей природе Сильвио Мануэль, войдя однажды в левостороннее осознание, уже никогда из этого состояния не выходил. Его постоянное пребывание в повышенном осознании вкупе с великолепным руководством его бенефактора позволило ему не только прежде, чем кому-либо иному, прийти к заключению, что правило является картой и что действительно существует другой род осознания, но также и к действительному проходу в этот другой мир осознания. Дон Хуан сказал, что Сильвио Мануэль безупречнейшим образом уравновесил свои исключительные достижения тем, что поставил их на службу общей цели. Он стал молчаливой силой за спиной дона Хуана.

Последняя из серии моих предварительных встреч состоялась с северными воинами дона Хуана. Дон Хуан поехал со мной в город Гвадалахару. Он сказал, что место встречи находится рядом с центром города. Встреча должна была состояться в полдень, потому что Север представляет собой середину дня. Мы вышли из гостиницы примерно в 11 часов утра и неторопливо пошли через центр города. Я шел, не глядя по сторонам, озабоченный предстоящей встречей, и с разгона налетел на какую-то даму, выходящую из магазина. Она несла кучу пакетов с покупками, которые рассыпались по всему тротуару. Я извинился и стал помогать ей собирать их. Дон Хуан попросил меня поторопиться, так как мы рискуем опоздать. Дама, казалось, не вполне пришла в себя от моего могучего толчка. Я поддержал ее.

Она была высокой худенькой женщиной, лет шестидесяти, очень элегантно одетой. Она была изысканно вежлива и приняла вину на себя, сказав, что отвлеклась, высматривая своего слугу. Она производила впечатление дамы из общества. Затем она спросила, не могу ли я помочь ей отыскать слугу в толпе. Я повернулся к дону Хуану. Он сказал, что наименьшее, что я могу сделать после того, как чуть не убил ее, это помочь ей.

Я взял ее покупки, и мы вернулись в универмаг. Неподалеку я заметил индейца, стоявшего в толпе с растерянным видом, жалкого и неуместного. Дама окликнула его, и он подошел к ней, как побитая собака. У него был такой вид, будто он собирался лизать ей руки.

Дон Хуан ожидал нас у магазина. Он объяснил даме, что мы торопимся, а затем назвал мое имя. Дама мило улыбнулась и протянула мне руку, здороваясь. Я подумал, что в молодости она, вероятно, была восхитительна, поскольку и сейчас она достаточно красива и привлекательна.

Дон Хуан повернулся ко мне и внезапно сказал, что ее имя Нелида, что она – Север и сновидящая. Затем он повернул меня к слуге и сказал, что его зовут Хенаро Флорес, что он человек действия, воин действия в партии. Мое удивление было полным, и они втроем расхохотались. Чем большим было мое замешательство, тем сильнее, видимо, это их забавляло.

Дон Хенаро раздал покупки группе детей, сказав им, что эта добрая леди купила все это им в подарок – это ее добрый поступок сегодняшнего дня. Затем мы молча прошли примерно полквартила. Мой язык совершенно не слушался меня. Внезапно Нелида указала на магазин и попросила минутку подождать, потому что она выбрала там нейлоновые чулки, которые для нее отложили. Улыбаясь, она посмотрела прямо на меня сияющими глазами и сказала, что магия там или не магия, но ей нужно носить нейлоновые чулки и кружевное белье. Дон Хуан и дон Хенаро засмеялись как два идиота. Я уставился на Нелиду, потому что ничего больше делать не мог. Что-то в ней было чрезвычайно земным, и в то же время она выглядела почти небесным созданием.

Она ребячливо попросила дона Хуана поддержать меня, потому что я собираюсь брякнуться в обморок. Затем она вежливо попросила дона Хенаро сходить в магазин и взять ее заказ у определенного продавца. Когда он пошел внутрь, Нелида, казалось, изменила свое решение и позвала его обратно, но он, видимо, не расслышал ее и исчез в магазине. Она извинилась и пошла за ним. Дон Хуан надавил мне на спину, чтобы успокоить. Он сказал, что я

встречусь с другой северной женщиной – Флориндой, наедине и в другое время, потому что она будет звеном, соединяющим меня с другим циклом, с другим настроением. Он описал Флоринду как точную копию Нелиды или наоборот.

Я заметил, что Нелида настолько утончена и стильна, что я не удивился бы, увидев ее в журнале мод. Тот факт, что она так красива и изящна, вероятно, родом из Франции или северной Италии, удивил меня. Хотя Висенте тоже не был индейцем, его деревенская внешность не так выделялась. Я спросил дона Хуана, почему в его мире есть неиндейцы. Он сказал, что воинов партии Нагуаля выбирает сила, а ее планы вывести невозможно. Мы торчали у дверей магазина уже более получаса. Дон Хуан, казалось, потерял терпение и попросил меня зайти внутрь и предложить им поторопиться. Я вошел в магазин. Это было небольшое помещение, из которого не было второго выхода. И никого нигде не было видно. Я спросил продавцов, но они ничем не могли мне помочь.

Я бросился к дону Хуану и потребовал объяснений по поводу того, что произошло. Он сказал, что они или испарились в воздухе, или улизнули, пока он похлопывал меня по спине. Я разъярился и сказал ему, что большинство его людей – шуты и паяцы. Он смеялся до слез. Он сказал, что я – идеальный объект для розыгрышей. Моя самозначительность делает из меня презабавнейшего субъекта. Он так хохотал над моим раздражением, что вынужден был прислониться к стене.

Ла Горда тоже описала мне свою первую встречу с воинами дона Хуана. Ее версия отличалась только конкретными фактами, форма была той же. Пожалуй, воины были с ней чуть жестче, но она поняла это, как попытку стряхнуть с нее ее сон, а также как естественную реакцию на то, что она считала своей отвратительной личностью.

Когда мы пересмотрели мир дона Хуана, то поняли, что он был копией мира его бенефактора. Его можно было рассматривать как состоящий из групп или домов. Имелась группа из четырех независимых пар женщин, похожих на сестер, которые жили и работали вместе. Другая группа состояла из трех мужчин одного

возраста с доном Хуаном, бывших очень близкими к нему. Группа из двух мужчин помоложе – курьеров Эмилито и Хуана Тумы. И, наконец, группа из молодых женщин, южных воинов Марты и Терезы, которые казались родственницами. В другое время мир казался состоящим из четырех отдельных домов, находящихся в отдалении друг от друга в различных районах Мексики. Один был образован двумя западными женщинами, Сильвио Мануэлем и их курьером Мартой. Следующий состоял из восточных женщин, Кармелы и Эрмелинды, а также Висенте и курьера Хуана Тумы. Еще один – из южных женщин, Сесилии и Делии, курьера дона Хуана – Эмилито и курьера Терезы. Последний – из северных женщин, Нелиды и Флоринды, и дона Хенаро.

Согласно дону Хуану, его мир не имел такой гармонии и равновесия, как мир его бенефактора. Единственные две женщины, которые полностью уравнивали друг друга и выглядели как двойняшки, были его северные воины Нелида и Флоринда. Нелида однажды говорила мне, что и группа крови у них была одинаковая.

Для меня одним из самых приятных сюрпризов явилась трансформация Зулейки и Зойлы, которые показались мне столь отвратительными при первой встрече. Как и говорил дон Хуан, они оказались самыми трезвыми и спокойными, преданными своему делу воинами, каких только можно себе представить, и я не мог поверить своим глазам, когда увидел их вновь. Период их безумия прошел, и они выглядели хорошо одетыми мексиканскими дамами, высокими, темными и крепкими, со сверкающими глазами, подобными осколкам блестящего темного обсидиана. Они смеялись и подшучивали надо мной по поводу нашей первой встречи, как если бы ее участниками были другие, а сами они не имели к случившемуся никакого отношения. Я легко мог представить себе кошмар дона Хуана с западными воинами его бенефактора. Я абсолютно не мог себе представить, чтобы Зулейка и Зойла могли превращаться в тех невыносимых, тошнотворных существ, которых я встретил в первый раз. После мне неоднократно приходилось быть свидетелем их метаморфоз, но я никогда больше не мог судить о них так сурово, как сделал это после первой встречи. Их выходки потом вызывали у меня главным образом печаль.

Но самым большим сюрпризом оказался для меня Сильвио Мануэль. В темноте нашей первой встречи он представлялся мне сверхсильным гигантом, внушительным мужчиной. На самом же деле он был малюткой, хотя и ширококостным. Его тело было телом жокея, небольшим, но ладно скроенным. Он показался мне похожим на гимнаста. Его физический контроль над телом был таким замечательным, что он мог, раздувшись, как лягушка, стать вдвое толще, чем был на самом деле, напрягая все мышцы своего тела. Он устраивал поразительные демонстрации того, как можно разъединять свои суставы и ставить их затем на место без малейших признаков боли.

Глядя на Сильвио Мануэля, я всегда испытывал глубокое и незнакомое чувство страха. Он казался мне похожим на пришельца из другого времени. Цвет его кожи был палево-темным, как у бронзовой статуи. Черты его лица были острыми, а горбатый нос, толстые губы и широко расставленные щелочки глаз делали его похожим на стилизованную фигуру с фресок майя. Большую часть дня он был дружелюбным и теплым, но как только сгущались сумерки, становился неизмеримо далеким. Его голос менялся. Он садился в темном углу и позволял темноте поглотить себя. Все, что оставалось от него видимым, – это его левый глаз, который не закрывался и приобретал странное сияние, подобно глазам кошек.

Второй темой, затронутой в нашем общении с воинами дона Хуана, был вопрос о контролируемой глупости.

Дон Хуан однажды дал мне краткие объяснения, когда рассказывал о двух категориях, на которые, в обязательном порядке, делятся все женские воины, – о сновидящих и сталкерах. Он сказал, что все воины его партии применяют искусство сновидения и сталкинга как часть своей повседневной жизни, но женщины, образующие планету сновидящих, и те, что образуют планету сталкеров, являются главными авторитетами в соответствующей деятельности.

Сталкеры – это те, кто взваливает на себя тяготы повседневного мира. Они ведут все дела, и именно они имеют дело с людьми. Все, что хоть как-то относится к миру обычных дел, совершается через

них. Сталкеры практикуют контролируемую глупость, точно так же, как сновидящие практикуют искусство сновидения. Другими словами, контролируемая глупость является основой сталкинга, так же как сны являются основой сновидения. Дон Хуан сказал, что, вообще говоря, самым большим достижением воина во втором внимании является сновидение, а самым большим его достижением в первом внимании – сталкинг.

Я неправильно понял то, что воины дона Хуана делали по отношению ко мне при нашей первой встрече. Я принял их действия за трюкачество, и это мнение так и осталось бы у меня до сего дня, если бы не идея контролируемой глупости. Дон Хуан сказал, что их действия со мной были мастерским уроком в искусстве сталкинга. Он добавил, что его бенефактор обучал его этому искусству прежде всего остального. Для того, чтобы выжить среди воинов своего бенефактора, ему приходилось учиться этому искусству ускоренным темпом. В моем случае, по его словам, поскольку мне не пришлось самостоятельно бороться с его воинами, сначала я должен был научиться сновидению. Когда настанет нежный момент, появится Флоринда и введет меня в сложности сталкинга. Никто другой не может квалифицированно разговаривать со мной об этом, они могут только давать мне уроки прямой демонстрации, что они и делали при нашей первой встрече.

Дон Хуан подробно объяснил мне, что Флоринда является одним из самых выдающихся практиков искусства сталкинга, поскольку она была обучена каждой его тонкости его бенефактором и четырьмя его женскими воинами-сталкерами. Флоринда была первым женским воином, попавшим в мир дона Хуана, и из-за этого она станет моим личным проводником не только в искусстве сталкинга, но и в загадке третьего внимания, если я когда-нибудь туда попаду. Дон Хуан не стал углубляться в этот вопрос дальше. Он сказал, что все это подождет до тех пор, пока я не буду готов сначала учиться искусству сталкинга, а затем войти в третье внимание.

Дон Хуан говорил, что его бенефактор не жалел времени на него и на других воинов во всем, что относилось к овладению искусством сталкинга. Но применял сложные розыгрыши, чтобы создать подходящий контекст для гармонического соответствия

между буквой правила и поведением воина в повседневном мире, когда он взаимодействует с людьми. Он считал это единственным способом убедить их в том, что при отсутствии самозначительности единственный способ, которым воин может взаимодействовать с социальной средой, – это контролируемая глупость. Разрабатывая свои ситуации, бенефактор дона Хуана обычно сталкивал действия людей и действия воинов с командами правила, а затем отходил в сторону и предоставлял естественной драме разворачиваться самостоятельно. Глупость людей некоторое время занимает главенствующее положение и вовлекает воинов в свое течение, как и следует из естественного хода событий, но только для того, чтобы, в конце концов, быть побежденной более всеохватывающими замыслами правила.

Дон Хуан рассказывал нам, что сначала он был возмущен контролем бенефактора над участниками ситуации. Он даже высказывал ему это в лицо. Бенефактора это не задело. Он возразил, что его контроль – не более чем иллюзия, созданная Орлом. Он только безупречный воин, а его действия были смиренной попыткой отразить Орла, как в зеркале.

Дон Хуан сказал, что та сила, с которой его бенефактор приводил свои замыслы в исполнение, исходила из его знания того, что Орел реален и окончателен и что все, что делают люди, является абсолютной глупостью. То и другое вместе дает начало контролируемой глупости, которую бенефактор дона Хуана описывал как единственный мостик между глупостью людей и тем окончательным, что диктует Орел.

Глава 11. Женщина-нагуаль

Дон Хуан рассказывал, что когда он находился под опекой двух западных женщин, чтобы те очистили его, он также попал под начало северной женщины, сравнимой с Флориндой, сталкером номер один, обучавшей его основам этого искусства. Она и его бенефактор дали ему действенные средства для того, чтобы взять под свою опеку троих мужчин-воинов, одного курьера и четырех женщин-сталкеров, которые должны были составить его партию.

Восемь женщин-видящих из группы его бенефактора были брошены на поиски отличительных конфигураций светимости и не встретили никаких затруднений в обнаружении мужских и женских воинов подходящего типа для партии дона Хуана. Однако бенефактор не позволял этим видящим собирать найденных ими воинов. Дону Хуану было предоставлено самостоятельно применить на практике принципы сталкинга и заполнить¹³ их.

Первым воином был Висенте. У дона Хуана не хватало мастерства в искусстве сталкинга, чтобы втянуть его. Его бенефактор и северные сталкеры вынуждены были проделать основную работу. Затем пришел Сильвио Мануэль, позднее – Хенаро и, наконец, Эмилито – курьер. Флоринда была первым женским воином, за ней последовала Зойла, затем Делия и, наконец, Кармела. Дон Хуан говорил, что его бенефактор непреклонно настаивал, чтобы все взаимодействие с миром проходило исключительно на языке контролируемой глупости. Конечным результатом явилась потрясающая команда практиков, задумывавших и исполнявших самые сложные планы.

Когда все они достигли определенного мастерства в искусстве сталкинга, его бенефактор решил, что для него пришло время найти женщину-нагуаль. Придерживаясь своей политики – помогать каждому помогать самим себе, он не спешил вводить ее в их мир до тех пор, пока они не только стали мастерами сталкинга, но и дон

¹³ To secure – охранять; защищать; оберегать (от чего-л.); завладевать, овладевать; добиваться; достигать (цели); получать.

Хуан не научился видеть. Хотя дон Хуан и очень сожалел о времени, потраченном на ожидание, он признавал, что их совместные усилия в том, чтобы заполучить ее, укрепили связывающие их узы и как бы вдохнули вторую жизнь в их решение посвятить себя поиску собственной свободы.

Его бенефактор начал разворачивать свою стратегию по вовлечению женщины-нагуаль с того, что внезапно стал ревностным католиком. Он потребовал, чтобы дон Хуан, будучи наследником его знания, ходил с ним в церковь как его сын. Он водил его к мессе ежедневно. Дон Хуан сказал, что его бенефактор, будучи очень располагающим к себе и красноречивым, в церкви знакомил его со всеми как своего сына, костоправа.

Дон Хуан, в то время, по его собственным словам, — неотесанная деревенщина, был подавлен тем, что, попав в общество, оказался вынужденным вести беседы и рассказывать о себе. Он утешался мыслью, что у его бенефактора должны быть высшие причины для всего, что он делает. Он пытался наблюдать за ним и выяснить, какие же это причины. Действия его бенефактора были неизменными и казались совершенно искренними. Как образцовый католик, он завоевал расположение множества людей, и особенно приходского священника, весьма его уважавшего и считавшего своим другом и доверенным лицом. Дон Хуан не мог представить себе, зачем ему все это нужно. Ему даже приходила в голову мысль, что его бенефактор на самом деле принял католицизм или же спятил. Он еще не понимал того, что воин не теряет рассудка ни при каких обстоятельствах.

Недовольство дон Хуана вынужденными посещениями церкви прошло, когда его бенефактор начал знакомить его с дочерьми тех людей, с которыми он уже был знаком. Это ему нравилось, хотя он и чувствовал себя не в своей тарелке. Дон Хуан решил, что его бенефактор помогает ему улучшить его речь. Он не был ни обаятельным, ни красноречивым, а его бенефактор говорил ему, что Нагуаль, по необходимости, должен быть и тем и другим.

Однажды в воскресенье, во время мессы, после почти целого года практически ежедневного посещения церкви, дон Хуан узнал,

зачем в действительности он туда ходил. Он стоял на коленях рядом с девушкой по имени Олинда – дочерью одного из знакомых его бенефактора. Он обернулся, чтобы обменяться с ней взглядами, что уже стало обычным после нескольких месяцев их почти ежедневных встреч. Их глаза встретились, и внезапно дон Хуан стал видеть, видеть ее как светящееся существо – и тут же сам увидел ее двойное строение. Олинда была двойной женщиной. Его бенефактор знал об этом с самого начала и избрал труднейший путь для того, чтобы ввести дона Хуана в соприкосновение с ней. Дон Хуан признался нам, что этот момент произвел на него ошеломляющее впечатление.

Его бенефактор знал, что дон Хуан увидел. Его миссия по сведению вместе двух двойных существ была закончена успешно и безупречно. Он поднялся и окинул взглядом всю церковь. Затем вышел, не оглядываясь. Ему больше нечего было там делать.

Дон Хуан сказал, что когда его бенефактор вышел посреди мессы, все головы повернулись за ним. Дон Хуан хотел последовать за ним, но Олинда смело схватила его за руку и удержала на месте. Тогда он понял, что сила видения принадлежит не ему одному. Какая-то искра пробежала между ними, и они оказались связанными. Дон Хуан вдруг сообразил, что месса давно закончилась и что они находятся уже не в церкви. Его бенефактор пытался успокоить мать Олинды, рассерженную и смущенную неожиданным и непозволительным проявлением их привязанности.

Дон Хуан понятия не имел, что делать дальше. Он знал, что ему надлежит разработать план. У него были для этого возможности, но важность события заставила его потерять уверенность в своих силах. Он забыл о своей подготовке сталкера и погрузился в интеллектуальные раздумья о том, следует ли обращаться с Олиндой в рамках контролируемой глупости.

Его бенефактор сказал, что ничем помочь ему не может. Его долгом было столкнуть их. На этом его ответственность заканчивалась. Теперь долгом дона Хуана было предпринять необходимые шаги для того, чтобы заполучить¹⁴ ее. Он предложил, чтобы дон Хуан учел даже возможность жениться на ней, если

¹⁴ To secure – см. стр. 201

только это будет именно тем, что здесь поможет. Только после того, как она сама по своей воле придет к нему, он сможет помочь ему, вступив с ней в контакт как Нагуаль.

Дон Хуан начал с формальных ухаживаний. Ее родители не приняли его, потому что и подумать не могли о ком-нибудь из другого общественного класса, как о паре для своей дочери. Олинда не была индеанкой. Ее родители были среднего достатка горожанами, имеющими небольшое собственное дело. Отец вынашивал другие планы относительно дочери. Он пригрозил отослать ее, если дон Хуан не откажется от своего намерения жениться на ней.

Дон Хуан сказал, что двойные существа, особенно женщины, необычайно консервативны, даже робки. Олинда не была исключением. После внезапной вспышки в церкви она была охвачена осторожностью, даже страхом. Ее собственная реакция испугала ее.

В качестве стратегического маневра его бенефактор посоветовал дону Хуану отступить. Так, чтобы это выглядело уступкой желанию ее отца, которому поведение девушки не понравилось, причем это мнение разделяли все, кто был свидетелем инцидента в церкви. Люди сплетничали, что их выходка была столь неприятна его отцу, что тот, будучи таким ревностным католиком, даже перестал ходить в церковь.

Бенефактор сказал дону Хуану, что воин никогда не бывает осажденным. Находиться в осаде означает, что имеешь какую-то личную собственность, которую могут подвергнуть осаде. У воина же ничего в мире нет, кроме его безупречности, а безупречности ничто угрожать не может. Тем не менее, в битве за собственную жизнь, вроде той, которую вел Нагуаль, чтобы заполучить женщину-нагуаль, воин должен стратегически использовать все доступные средства.

В полном соответствии с этим дон Хуан, чтобы получить эту девушку, решил использовать известное ему мастерство сталкинга. С этой целью, чтобы похитить девушку, он привлек Сильвио

Мануэля, чтобы тот применил в этих целях свое магическое искусство, которое даже на той ранней стадии было поразительным.

Сильвио Мануэль и Хенаро, который был настоящим сорвиголовой, пробрались в дом девушки, переодевшись женщинами-прачками. Был середина дня, и все готовили пищу для большой группы родственников и друзей, приглашенных к обеду. Предполагались неофициальные проводы Олинды. Сильвио Мануэль рассчитал, что люди, увидев двух незнакомых прачек с узлами белья, решат, что это связано с вечеринкой Олинды, и ничего не заподозрят. Дон Хуан предварительно снабдил Сильвио Мануэля и Хенаро всей необходимой информацией о привычках живущих в доме людей. Он рассказал им, что прачки обычно несут свои узлы выстиранного белья внутрь дома и оставляют их в кладовой для глажки. Неся здоровенный тюк белья, Сильвио Мануэль и Хенаро прошли прямо в нужную комнату, зная, что в это время Олинда будет там.

Дон Хуан рассказывал, что Сильвио Мануэль, подойдя к Олинде, гипнотической силой заставил ее потерять сознание. Они положили ее в мешок, обернули его простынями с ее постели и вышли, оставив принесенный с собой тюк. В дверях они столкнулись с ее отцом. Тот не обратил на них никакого внимания.

Бенефактор, узнав об этом маневре, совершенно вышел из себя. Он велел дону Хуану немедленно вернуть девушку домой. Совершенно обязательно, сказал он, чтобы двойная женщина пришла в дом бенефактора по своей собственной свободной воле, пусть без намерения присоединиться к нему, но хотя бы из любопытства.

Дон Хуан считал, что все пропало. Вероятность незаметно доставить ее в дом была слишком мала. Однако Сильвио Мануэль нашел решение. Он предложил, чтобы четыре женщины из партии дона Хуана понесли женщину по пустынной дороге, где дон Хуан спасет ее. Сильвио Мануэль предложил, чтобы женщины притворились, будто похищают ее ради выкупа. Где-нибудь на дороге кто-то увидит их и бросится в погоню. Преследователь догонит их, и они бросят мешок так, чтобы не осталось сомнений в

серьезности их намерений. Преследователем же будет, естественно, дон Хуан, который чудесным образом окажется в нужном месте в нужное время.

Сильвио Мануэль требовал действий предельно жизненных. Он велел женщинам завязать девушке рот, так как к тому времени она, конечно, очнется и начнет верещать в мешке. Он велел им бежать несколько миль по дороге, неся мешок, затем спрятаться от своего преследователя и, наконец, после действительно утомительной гонки они должны были бросить мешок так, чтобы девушка могла быть свидетелем отчаянной схватки между доном Хуаном и четырьмя женщинами. Сильвио Мануэль сказал женщинам, что все должно выглядеть предельно реально. Он вооружил их палками и велел побить ими дону Хуана поубедительнее, прежде чем он прогонит их прочь. Среди женщин особенно легко впадала в истерику Зойла. Как только они начали колотить дону Хуана, она вошла в роль, и представление захватывало дух. Она наносила дону Хуану такие могучие удары, что у того на плечах и на спине тело стало сплошной раной. Еще мгновение, и похитители, казалось, одержат победу. Сильвио Мануэль был вынужден выйти из укрытия и, притворившись прохожим, напомнить им, что это лишь розыгрыш и что им пора убегать.

Таким образом, дон Хуан оказался спасителем и защитником Олинды. Он сказал ей, что сам не сможет отвезти ее домой, так как сильно избит и изранен. Но он отправит ее туда со своим набожным отцом. Она сама помогла ему дойти до дома его бенефактора. Дон Хуан рассказал, что ему не понадобилось изображать раненого, он весь истекал кровью и с трудом добрался до дверей собственного дома.

Когда Олинда рассказала его бенефактору о происшедшем, то его желание рассмеяться было настолько сильным, что ему пришлось скрыть свой смех, притворившись рыдающим. Дону Хуану перевязали раны и уложили в постель. Олинда начала было объяснять, почему ее отец не принял его, но не закончила. В комнату вошел бенефактор дону Хуана и сказал ей, что ему кажется,

судя по ее походке, будто похитители повредили ей спину. Он предложил выправить ее, пока не возникли осложнения.

Олинда заколебалась. Он напомнил ей, что похитители не шутили – они чуть не убили его сына. Это напоминание подействовало. Она прошла на половину бенефактора и позволила нанести ей хороший удар по лопатке. Лопатка щелкнула, и Олинда вошла в состояние повышенного осознания. Он открыл ей правило, и она, как и дон Хуан, приняла его полностью. Не осталось ни сомнений, ни колебаний.

Женщина-нагуаль и дон Хуан нашли друг в друге завершенность и спокойствие. Дон Хуан говорил, что чувство, которое они испытывали друг к другу, не имело ничего общего с привязанностью или потребностью. Это было, скорее, разделяемое ими обоими физическое ощущение, что внутри них сломан некий зловещий¹⁵ барьер и они являются одним и тем же существом.

Дон Хуан и его женщина-нагуаль, как и предписывало правило, несколько лет работали вместе, чтобы собрать группу из четырех женщин-сновидящих, которыми оказались Нелида, Зулейка, Сесилия и Эрмелинда, и трех курьеров – Хуана Тумы, Терезы и Марты. Их обнаружение стало еще одним событием, которое прояснило для дон Хуана прагматическую природу правила: все они были именно такими, какими должны были оказаться согласно правилу. Их приход означал начало нового цикла для каждого, включая бенефактора дон Хуана и его партию. Для дон Хуана и его партии это означало цикл сновидения, а для бенефактора и его партии – период ни с чем не сравнимой безупречности в поступках.

Бенефактор объяснил дону Хуану, что когда его в молодости познакомили с правилом как со средством освобождения, он очутился на седьмом небе от счастья. Свобода для него была реальностью за ближайшим углом. Когда он дорос до понимания природы правила как факта, его надежды и оптимизм удвоились. Позднее же его жизнь затопила трезвость. Чем старше он становился, тем меньше шансов он видел для личного успеха и

¹⁵ Ominous – грозный, зловещий, угрожающий.

успеха партии своих воинов. В конце концов он убедился, что вне зависимости от того, что они делают, шансы против того, чтобы их незначительное¹⁶ человеческое осознание когда-нибудь полетело свободно, слишком велики. Он смирился со своей судьбой и с поражением. Он сказал Орлу из самой своей глубины, что он рад и гордится тем, что подпитывает его осознание, и пригласил Орла к этому.

Дон Хуан рассказывал, что такое же настроение разделялось всеми воинами партии его бенефактора. Свобода, о которой говорилось в правиле, была чем-то таким, что он считал недостижимым. Они уловили отблески той уничтожающей силы, которой был Орел, и почувствовали, что у них нет ни одного шанса выстоять против нее. Все они, тем не менее, согласились, что проживут свою жизнь безупречно, без всяких на то причин, кроме самой безупречности.

Дон Хуан сказал, что его бенефактор со своей партией, несмотря на чувство своей несоразмерности¹⁷ или, может быть, по причине этого чувства, нашли свою свободу. Они вошли в третье внимание, хотя и не группой, а один за другим. Тот факт, что они нашли проход, был конечным подтверждением истины, содержащейся в правиле. Последним покидал мир осознания повседневной жизни бенефактор. Действуя в соответствии с правилом, он взял с собой женщину-нагуаль дона Хуана. Когда они оба растворились в полном осознании, дон Хуан и его воины как бы взорвались изнутри. Он не мог найти другого сравнения, чтобы описать чувство, охватившее их при насильственном забвении всего, чему они были свидетелями в мире его бенефактора.

Кто никогда ничего не забывал, так это Сильвио Мануэль. Именно он привлек дона Хуана к непосильному труду по вторичному сведению вместе всех членов их группы, которые разбрелись, кто куда. Затем он погрузил их в задачу отыскания целостности самих себя. Им понадобились годы, чтобы выполнить обе эти задачи.

¹⁶ Tenuous – тонкий; незначительный, слабый, бедный, скудный; разреженный (о воздухе); неведущий, неуловимый.

¹⁷ Inadequacy - неадекватность; несоответствие требованиям; недостаточность; несоразмерность.

Дон Хуан очень много говорил на тему забывания, но только в связи с их огромными трудностями в том, чтобы вновь собраться и начать все сначала, но уже без своего бенефактора. Он никогда не объяснял им, что это значит – забыть или найти целостность самого себя. В этом отношении он был верен учению своего бенефактора – только помогать нам помогать самим себе.

Для этого он обучил Ла Горду и меня совместному видению и сумел показать нам, что хотя человеческие существа и кажутся видящему светящимися яйцами, но яйцевидная форма – лишь внешний кокон – оболочка светимости, скрывающая крайне интригующую, захватывающую, гипнотическую сердцевину, состоящую из концентрических колец желтоватой светимости цвета пламени свечи. Во время нашего последнего сеанса он позволил нам видеть людей, снующих вокруг церкви. День был на исходе, смеркалось, и существа внутри своих прочных светящихся коконов излучали достаточно света, чтобы ясно освещать все вокруг. Зрелище было чудесным.

Дон Хуан объяснил, что яйцевидная оболочка, казавшаяся такой яркой, на самом деле была тусклой. Светимость исходила из сияющей сердцевины. Оболочка же фактически затемняла это сияние. Дон Хуан открыл нам, что для того, чтобы освободить это существо, оболочка должна быть сломана. Она должна быть сломана изнутри и в нужное время, точно так же, как проламывают скорлупу существа, вылупляющиеся из яиц. Если им не удастся этого сделать, они задыхаются и погибают. И так же, как существа, вылупляющиеся из яиц, воин не может проломить оболочку своей светимости раньше положенного срока.

Дон Хуан сказал нам, что потеря человеческой формы является единственным средством сломать эту оболочку, единственным средством освобождения светящейся сердцевины осознания, выступающей пищей Орла. Сломать эту оболочку значит вспомнить свое другое «я» и прийти к целостности самого себя.

Дон Хуан и его воины пришли к целостности самих себя и приступили к своей последней задаче, состоявшей в том, чтобы найти пару двойных существ. По словам дона Хуана, они считали

это простым делом. Все остальное пока удавалось им сравнительно легко. Они не представляли себе, что кажущаяся легкость их достижений как воинов была следствием мастерства и личной силы их бенефактора. Их попытки найти новую пару двойных существ оказались тщетными. В своих поисках они ни разу не натолкнулись на женщину с двойной светимостью. Они нашли нескольких двойных мужчин, но все они были хорошо обеспеченными, занятыми, процветающими и настолько довольными своей жизнью, что подходить к ним было совершенно бесполезно. Им не было нужды искать цель жизни. Они считали, что уже нашли ее. Дон Хуан рассказал, как однажды понял, что и он сам и его группа старятся и, казалось, что у них уже нет надежды выполнить свою задачу. Впервые они ощутили жало отчаяния и бессилия.

Сильвио Мануэль настоял на том, что им следует примириться с этим и жить безупречно, без надежды найти свою свободу. Дону Хуану казалось вероятным, что это действительно может быть ключом ко всему. В этом смысле он оказался идущим по стопам своего бенефактора. Он пришел к принятию того, что неодолимый пессимизм одолевает воина в определенной точке своего пути. Чувство поражения или, точнее, чувство своей недостойности находит на него почти незаметно. Дон Хуан говорил, что раньше он, бывало, посмеивался над сомнениями своего бенефактора и никак не мог поверить, что тот беспокоится всерьез. Несмотря на протесты и предупреждения Сильвио Мануэля, дон Хуан считал все это гигантским розыгрышем, призванным научить их чему-то.

Поскольку он не мог поверить, будто сомнения его бенефактора реальны, то он не мог поверить и в то, что решение бенефактора жить безупречно без надежды на свободу было искренним. Когда до него, наконец, дошло, что бенефактор со всей серьезностью признал свое поражение, то ему стало ясно и то, что решение жить безупречно несмотря ни на что, нельзя рассматривать как стратегию, гарантирующую успех. Дон Хуан и его партия сами подтвердили эту истину, когда поняли как непреложный факт, что шансы против них неимоверны. Дон Хуан сказал, что в такие моменты верх берет тренировка в течение всей жизни, и воин входит в состояние непревзойденного смирения. Когда истинная нищета

его человеческих ресурсов становится неоспоримой, воину не остается ничего другого, как отступить назад и склонить голову.

Дон Хуан поражался, что осознание этого не оказало никакого влияния на женских воинов его партии. Это смятение, казалось, не расстроило их. Это же он заметил и в партии своего бенефактора. Женщины никогда не были так озабочены и так мрачны из-за своей судьбы, как мужчины. Они, казалось, просто присоединились к суждению своего бенефактора и последовали за ним, не показывая признаков эмоционального утомления. Если женщины и были затронуты хоть на каком-нибудь уровне, то они остались безразличны к этому. Быть занятыми – вот все, что имело для них значение. Казалось, только мужчины бросили вызов свободе и ощутили ответный удар.

В своей собственной группе дон Хуан наблюдал такой же контраст. Женщины охотно согласились с ним, когда он сообщил, что ресурсов у него недостаточно. Он мог сделать единственный вывод, что женщины, хотя они никогда и не упоминали об этом, с самого начала никогда не верили, что у них есть какие-либо ресурсы. Как следствие, они никогда не могли испытывать разочарования или отчаяния, обнаружив, что они бессильны. Это было известно им с самого начала.

Дон Хуан рассказал нам, что причина, по которой Орел требовал вдвое больше женских воинов, чем мужских, состояла как раз в этом – в том, что женщинам присуще врожденное равновесие, которого нет у мужчин. В критический момент именно мужчины впадают в истерику и совершают самоубийство, если приходят к выводу, что все потеряно. Женщина же может убить себя из-за отсутствия направления и цели, но не из-за краха той системы, к которой она принадлежит.

После того, как дон Хуан и его воины отказались от надежды или, скорее, как выразился дон Хуан, когда он и мужчины достигли каменистого дна, а женщины нашли подходящие способы успокоить их, дон Хуан, наконец, натолкнулся на двойного мужчину, который мог ему подойти. Этим мужчиной оказался я. Он сказал, что поскольку никто в здравом уме на такое противоестественное дело,

как битва за свободу, добровольно не пойдет, ему пришлось последовать принципам своего учителя и в истинном стиле сталкера заманить меня, так же, как когда-то он заманил членов своей собственной партии. Ему нужно было быть со мной наедине в таком месте, где он смог бы оказать физическое давление на мое тело, причем было совершенно необходимо, чтобы я пришел туда по собственной воле. Он заманил меня в свой дом с большой легкостью. Как он говорил, захватить двойного мужчину никогда не бывает большой проблемой. Трудность состоит в том, чтобы найти именно доступного.

Первый визит в его дом, с точки зрения моего повседневного осознания, прошел без особых событий. Дон Хуан был очарователен и шутил со мной. Он подвел разговор к теме усталости, которую испытывает тело водителя за рулем. Тема эта мне, студенту антропологии, казалась совершенно посторонней. Затем он случайно заметил, что моя спина выглядит немного искривленной и, не говоря больше ни слова, положил мне руку на грудь, выпрямил меня и нанес мне мощный шлепок по спине. Он до такой степени застал меня врасплох, что я потерял сознание. Когда я открыл глаза, то чувствовал себя так, как если бы он сломал мне спину, но я знал, что я другой – не тот, которого я знал. С тех пор при каждой встрече он перемещал меня из правостороннего осознания в левостороннее, а затем раскрывал мне правило.

Почти сразу же после встречи со мной Дон Хуан обнаружил и двойную женщину. Он не сводил нас с ней при помощи какого-либо плана, как его бенефактор, а изобрел розыгрыш, настолько же эффективный и искусный, как любой из розыгрышей его бенефактора, с помощью которого он сам завлек и захватил двойную женщину. Он взял на себя этот труд, потому что считал обязанностью Нагуаля захватить обоих двойных существ сразу после их нахождения, а уж затем свести их вместе как партнеров по невообразимому предприятию.

Он рассказал мне, как однажды, живя в Аризоне, он пришел в какое-то правительственное учреждение, чтобы заполнить какую-то бумагу. Дама в справочном окне отправила его к служащей в другом секторе и, не глядя, показала налево. Дон Хуан проследил за ее

вытянутой рукой и увидел двойную женщину. Когда он принес к ней свое прошение, то обнаружил, что это еще совсем молоденькая девушка. Она сказала, что к прошению никакого отношения не имеет, но из сочувствия к бедному старому индейцу уделила ему время, чтобы помочь оформить документ.

Требовались определенные юридические документы. Они находились у дона Хуана в кармане, но он изобразил полную беспомощность и невежество. Казалось, бюрократическая организация является для него полнейшей загадкой. Дон Хуан говорил, что изображать полную безмозглость ему было совсем не трудно. Все, что от него требовалось, так это вернуться к тому, что когда-то было его нормальным осознанием. В его задачу входило продлить контакт с девушкой, насколько возможно. Его наставник говорил ему, да и сам он убедился в этом, что двойные женщины крайне редки. Его наставник говорил ему также, что эти женщины обладают внутренними ресурсами, делающими их очень переменчивыми. Дон Хуан опасался, что если он не сумеет провести свою игру мастерски, девушка может сбежать. Он играл на ее сочувствии, чтобы выиграть время. Он создал дальнейшие проволочки, притворившись, что юридические документы потеряны. Почти каждый день он приносил ей разные бумажки. Она читала их, и каждый раз с сожалением говорила, что это не та справка, которая нужна. Девушка была настолько тронута его жалким положением, что даже вызвалась заплатить адвокату, чтобы тот оформил удостоверение об утере документов.

Через три месяца таких хождений дон Хуан решил, что пришло время извлечь документы на свет. К этому времени она уже привыкла к нему и чуть ли не ждала его появления каждый день. Дон Хуан пришел в последний раз, чтобы выразить свою благодарность и попрощаться. Он сказал, что был бы рад преподнести ей подарок, чтобы выразить ей свою признательность, но у него нет денег даже на еду. Она была растрогана его прямоотой и пригласила на ленч. Пока они ели, он говорил, что подарок не обязательно должен быть предметом, который покупают. Это может быть нечто такое, что дают только глазам получателя. Нечто, что можно помнить, но не владеть этим.

Она была заинтригована. Дон Хуан напомнил ей, что она выразила сочувствие к индейцам и к индейскому существованию. Он спросил, не хочет ли она взглянуть на индейцев не как на нищих, а как на артистов. Он сказал, что знаком с одним стариком, который является последним в династии танцоров силы. Он обещал, что этот человек станцует для нее по его просьбе и что никогда в жизни она не видела ничего подобного и не увидит вновь. Этот танец – нечто такое, чему бывают свидетелями одни лишь индейцы.

Ей понравилась эта идея. Она посадила его в свою машину после работы, и они поехали к холмам, где, по словам дона Хуана, обитал этот индеец. Дон Хуан направил ее к своему собственному дому. Он попросил ее остановить машину неподалеку, и остаток пути они прошли пешком. Прежде, чем они достигли дома, он остановил ее и, начертив на мягком песке дорожки линию, сказал, что эта линия – граница, и начал уговаривать ее перейти эту границу.

Сама она рассказывала мне, что вплоть до этого момента была крайне заинтригована возможностью посмотреть на настоящего индейского танцора, но когда старый индеец начертил на земле линию и назвал ее границей, она стала колебаться. Затем она по-настоящему встревожилась, когда старик сказал, что эта граница существует для нее одной и что переступив через нее однажды, теряешь возможность вернуться.

Индеец явно видел ее испуг и пытался успокоить. Он вежливо похлопал ее по руке, заверив, что с ней не может случиться ничего плохого, пока он рядом с ней. Границу можно считать как бы символом, символической платой танцору, так как денег он не берет. Ритуал заменял деньги, и ритуал требовал, чтобы она по своему желанию переступила границу.

Старый индеец весело переступил линию и сказал, что для него это просто индейская чепуха, но танцору, наблюдающему за ними, следует польстить, если она хочет увидеть его танец.

Женщина-нагуаль говорила, что внезапно ощутила такой испуг, что не могла двинуться с места, чтобы переступить линию.

Старый индеец сделал попытку убедить ее, говоря, что переступание границы благотворно сказывается на теле. Переступая ее, не только чувствуешь себя моложе, но и реально становишься более молодым, такую силу имеет эта граница. Чтобы продемонстрировать это, он немедленно перешел обратно, и тотчас плечи его поникли, углы рта впали, глаза потеряли свой блеск. Женщина-нагуаль не могла отрицать тех изменений, которые вызывал переход линии.

Дон Хуан перешел линию в третий раз. Он глубоко дышал, расправлял грудь, его движения стали уверенными и четкими. Женщина-нагуаль сказала, что ей пришла в голову мысль, не скрываются ли за всем этим сексуальные намерения. Ее машина осталась слишком далеко позади, чтобы броситься бежать к ней. Единственное, что она могла сделать, это убеждать себя, что глупо бояться старика-индейца.

Тогда старик еще раз воззвал к ее разуму и чувству юмора. Заговорщицким тоном и как бы с неохотой он сказал, что просто притворяется помолодевшим, чтобы сделать приятное танцору, и что если она не поможет ему, перейдя линию, он в любую минуту может свалиться без сил от того перенапряжения, которое требовалось от него, чтобы ходить не сгорбившись. Он прошел туда и обратно через линию, чтобы показать ей, каких невероятных усилий требует от него такая пантомима.

Она рассказывала, что в его умоляющих глазах отражалась боль, которую испытывало его старческое тело, подражая молодости. Она перешагнула линию, чтобы помочь ему и покончить со всем этим; она хотела ехать домой.

В тот момент, когда она пересекла линию, дон Хуан сделал невероятный прыжок и заскользил над крышей дома. Женщина-нагуаль сказала, что он летал, как огромный бумеранг. Когда он приземлился рядом с ней, она упала на спину. Ее испуг превосходил все, что она до сих пор испытывала, но таким же было ее возбуждение от того, что она явилась очевидцем такого чуда. Она даже не спрашивала, каким образом он выполнил такой великолепный подвиг. Ей хотелось бежать обратно к своей машине и мчаться домой. Старик помог ей подняться и извинился за то, что

так подшутил над ней. В действительности танцором является он сам, и его полет над домом как раз и был его танцем. Он спросил ее, заметила ли она, в каком направлении совершался его полет. Она провела рукой против часовой стрелки. Он по-отечески погладил ее по голове и сказал, что это очень благоприятно, что она была так внимательна. Затем он сказал, что она, возможно, при падении повредила себе спину и что он не может отпустить ее просто так, не убедившись все ли в порядке. Он смело расправил ей плечи, поднял ее подбородок и затылок, показывая, как распрямить спину. Затем он нанес ей мощный шлепок между лопатками, буквально выбив весь воздух из ее легких. Какое-то мгновение она не могла дышать и потеряла сознание.

Придя в себя, она обнаружила, что находится внутри дома. Из носа у нее шла кровь, в ушах шумело, дыхание было учащенным, глаза не фокусировались. Он посоветовал ей делать глубокие вдохи, считая до восьми. Чем дольше она дышала, тем больше все прояснялось. В какой-то момент вся комната осветилась. Все засияло янтарным светом. Она поразилась этому и больше не могла дышать глубоко. Янтарный свет к тому времени уже так сгустился, что стал напоминать туман, а затем туман трансформировался в янтарную паутину. В конце концов он рассеялся, но весь мир некоторое время еще оставался однородно янтарным.

Затем дон Хуан заговорил с ней. Он вывел ее из дома и показал ей, что весь мир разделен на две половины. Левая сторона была чистой, а правая затянута янтарным туманом. Он сказал ей, что чудовищно думать, будто мир можно понять или что можно понять нас самих. Он заявил, что воспринимаемое ею – загадка, тайна, которую можно воспринимать только со смирением и благоговением.

Затем он открыл ей правило. Ясность ее ума была такой интенсивной, что она поняла все, что он говорил. Правило показалось ей само собой разумеющимся и очевидным. Он объяснил ей, что две стороны человеческого существа полностью отделены, и для того, чтобы сорвать печать и перейти на другую сторону, требуется огромная дисциплина и решимость. Двойные существа имеют огромное преимущество: состояние двойственности помогает им и позволяет сравнительно легко перемещаться между отделами

на правой стороне. Невыгодность положения двойных существ в том, что, имея два отдела, они оседлы, консервативны и боятся перемен. Дон Хуан сказал ей, что он собирался заставить ее передвинуться из крайнего правого отдела в более ясный и острый левый отдел правой стороны, но вместо этого, по какой-то необъяснимой причине, его удар послал ее через всю ее двойственность из ее повседневного крайнего правого отдела в ее крайний левый отдел. Он четыре раза пытался вернуть ее назад в обычное состояние, но безуспешно. Однако его удары помогли ей включать и выключать по своему желанию восприятие стены тумана. Хотя у дона Хуана не было такого намерения, он был прав, говоря, что та линия была для нее односторонней границей. Перейдя ее однажды, она, как и Сильвио Мануэль, уже никогда не вернулась. Когда дон Хуан свел нас с ней лицом к лицу, никто из нас не знал о существовании другого, тем не менее, мы немедленно почувствовали, что знакомы друг с другом. Дон Хуан по своему опыту знал, что умиротворенность, которую двойные существа испытывают в компании друг друга, неопишима, но слишком уж непродолжительна. Он сказал нам, что мы были сведены вместе силами, непостижимыми для нашего разума, и что единственное, чего мы не имеем, так это времени. Каждая минута может быть последней, поэтому проживать ее надо одухотворенно.

После того, как дон Хуан свел нас вместе, ему и его воинам осталось лишь найти четырех женщин-сталкеров, трех воинов-мужчин и одного мужчину-курьера, чтобы создать нашу партию. Для этого дон Хуан нашел Лидию, Хосефину, Ла Горду, Розу, Бениньо, Нестора, Паблито и курьера Элихио. Каждый из них был недоразвитой копией членов собственной партии дона Хуана.

Глава 12. Неделания Сильвио Мануэля

Дон Хуан и его воины отступили назад, предоставив женщине-нагуаль и мне претворять в жизнь правило, то есть опекать, делать сильнее и вести восьмерых воинов к свободе. Все, казалось, было в совершенном порядке, но в то же время что-то было не так. Первая группа женских воинов, найдённых доном Хуаном, были сновидящими, тогда как им полагалось быть сталкерами. Он не знал, чем объяснить эту аномалию. Единственный вывод, к которому он мог прийти, заключался в том, что сила поставила ему на тропу этих женщин таким образом, что от них нельзя было отказаться.

Имелась еще одна поразительная аномалия, еще больше озадачивавшая дона Хуана и его партию. Трое женских и трое мужских воинов были не способны войти в состояние повышенного осознания, несмотря на титанические усилия дона Хуана. Они начинали шататься, у них сбивался фокус зрения, но они не могли сломать оболочку, мембрану, разделяющую две стороны. Их прозвали пьяницами, потому что они начинали качаться, теряя мышечную ориентацию. Только курьер Элихио и Ла Горда достигали необычной степени осознания. Особенно Элихио, который был на равных с любым из воинов дона Хуана.

Три девушки сблизились между собой и образовали устойчивую единицу. Так же поступили и трое мужчин. Группы из трех человек, тогда как правило предписывало четверых, были чем-то зловещим. Число три – символ динамики, изменения, движения и, самое главное, обновления.

Правило больше не служило картой. И, тем не менее, было совершенно невообразимо, чтобы где-то вкралась ошибка. Дон Хуан и его воины были убеждены, что сила ошибок не допускает. Они пытались решить этот вопрос в своем сновидении и в своем видении. Они допускали, что, может быть, чересчур поторопились и не видели, что эти три женщины и трое мужчин являются непригодными.

Дон Хуан признался мне, что он усматривал здесь два уместных вопроса. Первый – прагматический – проблема нашего присутствия среди них. Второй касался надежности правила. Их бенефактор привел их к уверенности, что правило охватывает все, с чем может столкнуться воин. Он не подготовил их к такому случаю, когда правило может оказаться неработающим.

Ла Горда сказала, что у женщин из партии дона Хуана никогда со мной проблем не было. Однако его мужские воины пребывали в растерянности. Для них было непонятным и неприемлемым, что в моем случае правило неприменимо.

Женщины, однако, были уверены, что рано или поздно причина моего появления среди них прояснится. Я наблюдал, как женщины не поддавались эмоциональному замешательству и, казалось, были полностью безразличны к тому, чем все это кончится. Они как будто – без всяких разумных сомнений – заранее знали, что мой случай каким-то образом входит в правило. В конце концов я определенно помог им тем, что принял свою роль. Благодаря женщине-нагуаль и мне, Дон Хуан и его воины завершили свой цикл и были почти свободны.

Наконец ответ пришел к ним через Сильвио Мануэля. Его видение открыло, что Хенарос и три сестрички не были непригодными, скорее я был не тем Нагуалем, в котором они нуждались. Я был не способен вести их, потому что имел непредвиденную конфигурацию, не укладывающуюся в схему, данную правилом, – конфигурацию, которую дон Хуан, как видящий, проглядел. Мое светящееся тело давало видимость четырех отделов, тогда как в действительности их имелось только три; существовало другое правило для того, кто назывался «трехзубчатым Нагуалем». Я подпадал под это правило. Сильвио Мануэль сказал, что я подобен птице, возвращенной теплом и заботой птиц другого вида. Они, по-прежнему, должны были помочь мне, так же, как и я был обязан сделать для них все возможное, хотя и не принадлежал к ним.

Ответственность за меня дон Хуан взял на себя, поскольку это он ввел меня в их среду. Но мое присутствие среди них вынудило их

максимально выкладываться в поисках ответов на два вопроса: что я среди них делаю и что им в связи с этим нужно делать.

Сильвио Мануэль очень быстро нашел способ, как вывести меня из их среды. Он взял на себя задачу руководить планом, но поскольку у него не было ни терпения, ни энергии, чтобы лично иметь дело со мной, он поручил дону Хуану действовать вместо него. Целью Сильвио Мануэля было подготовить меня к тому моменту, когда курьер, несущий правило, относящееся к трехзубчатому нагуалю, сделается мне доступным. Он сказал, что в его задачу не входит раскрывать эту часть правила. Я должен ждать, пока не придет нужное время, и точно так же должны ждать все остальные.

Существовала еще одна серьезная проблема, увеличивавшая путаницу. Она касалась Ла Горды и, в конечном счете, меня. Ла Горда была принята в партию воинов как южная женщина. Дон Хуан и его воины подтвердили это. Казалось, она принадлежала к той же категории, что и Сесилия, Делия и двое женщин-курьеров. Сходство было неоспоримым. Затем Ла Горда похудела и как бы вдвое уменьшилась. Перемена была столь радикальной и глубокой, что она превратилась во что-то иное.

Долгое время это оставалось незамеченным – просто потому, что остальные воины были слишком заняты моими трудностями, чтобы обращать на нее внимание. Однако ее перемена была настолько разительной, что в конце концов приковала их внимание, и тут они увидели, что она вовсе не является женщиной Юга. Объемы ее тела обманули их предыдущее видение. И тогда они припомнили, что уже с момента появления у них она не смогла близко сойтись с Сесилией, Делией и другими южными женщинами.

С другой стороны, она была просто очарована Нелидой и Флориндой и находилась с ними на короткой ноге, ибо в действительности была подобна им. Это означало, что в моей партии были двое северных сновидящих – Ла Горда и Роза, что представляло собой грубое нарушение правила.

Дон Хуан и его воины были более чем озадачены. Они поняли случившееся, как знак, как указание на то, что ход событий должен

принять какой-то непредсказуемый оборот. Поскольку они не могли принять идею того, что человеческая ошибка могла перечеркнуть правило, то решили, будто были вынуждены ошибиться в результате команды свыше, по причинам, трудным для понимания, но, тем не менее, реальным.

Они рассматривали вопрос, что же делать дальше, но прежде, чем кто-либо из них натолкнулся на ответ, истинно южная женщина, донья Соледад, вышла на сцену с такой силой, что проигнорировать это оказалось совершенно невозможно. Она была сталкером и подпадала под правило.

Ее присутствие на какое-то время сбilo нас с толку, потому что выглядело это так, будто она, развив энергичную деятельность, собирается подтолкнуть нас на другую платформу. Флоринда взяла ее под свою опеку, чтобы проинструктировать в искусстве сталкинга. Но какую бы пользу это не приносило, этого было недостаточно, чтобы пресечь ощущаемую мной странную потерю энергии, апатию, которая становилась все глубже и глубже.

Затем однажды Сильвио Мануэль сказал, что в своем сновидении он получил великолепный план. Он оживился и отправился обсуждать его детали с доном Хуаном и другими воинами. Женщина-нагуаль была включена в их число, а я – нет. Это заставило меня заподозрить, что они не хотят, чтобы я узнал, что именно Сильвио Мануэль открыл относительно меня.

Я выложил им свои подозрения. Все расхохотались, за исключением женщины-нагуаль, сказавшей, что я прав.

Сновидение Сильвио Мануэля открыло причину моего присутствия среди них, но мне придется покориться своей судьбе, а это значит – не знать существа моей задачи, пока я не буду к этому готов.

В ее тоне была такая окончательность, что мне оставалось только безоговорочно принять все, что она сказала. Я думаю, что если бы дон Хуан или Сильвио Мануэль сообщили мне то же самое, я не принял бы этого так легко. Она сказала, что не соглашалась с Сильвио Мануэлем, считая, что меня следует проинформировать об

общей цели их действий – хотя бы для того, чтобы избежать ненужных трений и разногласий.

Сильвио Мануэль намеревался подготовить меня к моей задаче, введя меня непосредственно во второе внимание. Он планировал ряд смелых действий, которые должны были обострить мое осознание. В присутствии остальных он сказал, что берет на себя руководство мною и что помещает меня в свою область силы – в ночь. Объяснения, данные им, заключались в том, что в его сновидении ему предстал ряд неделаний. Эти неделания предназначались для меня и Ла Горды, как исполнителей, и для женщины-нагуаль, как наблюдателя.

Сильвио Мануэль испытывал благоговейный страх перед женщиной-нагуаль и мог говорить о ней только с восхищением. Он сказал, что она была исключительной. Во всем она могла действовать на равных с ним или с любым из воинов Нагуаля. Ей не хватало опыта, но она могла манипулировать своим вниманием, как пожелает. Он признавался, что ее совершенство представляло для него не меньшую загадку, чем мое присутствие среди них, и что ее чувство цели и убежденность были настолько остры, что я был ей не пара. Поэтому он попросил Ла Горду оказывать мне особую поддержку, чтобы я мог выдержать контакт с женщиной-нагуалем.

Для нашего первого неделания Сильвио Мануэль сконструировал деревянную клетку, достаточно большую, чтобы вместить Ла Горду и меня, если мы сядем спина к спине с поджатыми к подбородку коленями. Клетка имела решетчатую крышку для вентиляции. Мы с Ла Гордой должны были забраться внутрь и сидеть в крошечной тьме и полном молчании, не засыпая. Он начал с того, что запускал нас в ящик на короткое время, а затем, когда мы привыкли к этой процедуре, увеличивал время, пока мы не смогли проводить в ней всю ночь, не двигаясь и не засыпая.

Женщина-нагуаль оставалась около нас, следя за тем, чтобы мы не сменили уровень осознания из-за усталости. Сильвио Мануэль сказал, что типичной тенденцией в необычных стрессовых

ситуациях является смена повышенного осознания на нормальное и наоборот.

Общим эффектом этого неделания было для меня каждый раз ни с чем не сравнимое чувство отдыха, представлявшее для меня полную загадку, ибо мы ни секунды не спали в течение всего ночного бдения. Я связывал это чувство с пребыванием в состоянии необычного осознания, но Сильвио Мануэль сказал, что дело не в этом – чувство отдыха возникает от сидения с поднятыми коленями.

Второе неделание состояло в том, чтобы лечь на землю, свернувшись по-собачьи, почти в зародышевой позе, лежа не левом боку и упираясь лбом в сложенные руки. Сильвио Мануэль настаивал на том, чтобы мы держали глаза закрытыми как можно дольше, открывая их только для того, чтобы по его приказу сменить позу и лечь на правый бок.

Он говорил, что цель этого неделания состоит в том, чтобы позволить нашему слуху отделиться от зрения. Как и в первом случае, он постепенно увеличивал срок такого лежания, пока мы не смогли проводить так всю ночь в слуховом бодрствовании.

После этого Сильвио Мануэль был готов перевести нас в другую сферу деятельности. Он объяснил, что в первых двух неделаниях мы сломали определенный барьер восприятия, пока были прикованы к земле. Сравнив человеческие существа с деревьями, он уподобил нас подвижным деревьям, укорененным в земле. Наши корни способны к передвижению, но это не освобождает нас от грунта. Он сказал, что для установления равновесия мы должны выполнить третье неделание, вися в воздухе. Если мы добьемся успеха в том, чтобы направлять свое намерение, зависнув в воздухе в подвешенных к дереву кожаных корсетах, то сформируем своим намерением треугольник, основание которого находится на земле, а вершина – в воздухе. Сильвио Мануэль считал, что мы до такой степени собрали свое внимание первыми двумя неделаниями, что сможем в совершенстве выполнить третье с самого начала.

Однажды ночью он подвесил меня и Ла Горду в двух отдельных корсетах, напоминающих плетеные из ремней стулья.

Мы сели в них, и он поднял нас через блок к самым верхним толстым ветвям высокого дерева. Он хотел, чтобы мы обратили внимание на осознание дерева, которое, по его словам, будет давать нам сигналы, поскольку мы у него в гостях. Женщину-нагуаль он оставил на земле, чтобы она время от времени окликала нас по именам в течение всей ночи.

Занимаясь неделанием в подвешенном виде бесчисленное число раз, мы испытывали восхитительный поток физических ощущений, подобных слабым разрядам электрических импульсов.

В течение первых трех-четырех попыток дерево, казалось, сопротивлялось нашему вторжению. Затем, когда это прошло, импульсы стали сигналами мира и равновесия. Сильвио Мануэль рассказал нам, что осознание дерева питается из глубин земли, в то время как осознание подвижных существ – с поверхности. В дереве отсутствует чувство борьбы, тогда как движущиеся существа наполнены им до краев.

Он исходил из того, что наше восприятие испытывает глубокое потрясение, когда мы оказываемся в состоянии покоя в темноте. Ведущее положение при этом занимает слух, но сигналы от всех живущих и существующих тварей могут быть замечены не только при помощи слуха, а и при помощи комбинации слуховых и зрительных ощущений, расположенных в таком порядке. Он сказал, что в темноте, особенно в подвешенном состоянии, глаза становятся вспомогательными по отношению к ушам.

Как убедились мы с Ла Гордой, он был абсолютно прав. При помощи третьего неделания Сильвио Мануэль сообщил нашему восприятию окружающего мира новое измерение.

Затем он сказал нам, что следующий комплекс из трех упражнений неделания будет существенно отличным от предыдущего и более сложным. Они будут иметь отношение к поведению в ином мире. Обязательное требование здесь состоит в доведении до максимума эффекта упражнений перемещением времени действия на вечерние или предрассветные сумерки. Он рассказывал, что первое неделание второго комплекса включает две

стадии. На первой мы должны привести себя в самое обостренное из наших состояний повышенного осознания, чтобы можно было заметить стену тумана. Когда это будет достигнуто, наступит вторая стадия, на которой мы должны заставить стену тумана перестать вращаться для того, чтобы проникнуть в мир между параллельными линиями.

Он предупредил, что его целью является поместить нас во второе внимание без всякой интеллектуальной подготовки. Он хотел, чтобы мы учились его тонкостям без разумного понимания того, что мы делаем. Он исходил из того, что магический олень или магический койот управляют вторым вниманием вообще без интеллекта. Благодаря вынужденной практике путешествий за стену тумана мы рано или поздно подвергаемся стойкому изменению всего нашего существа, изменению, которое заставит нас принять, как должное, то, что миры между параллельными линиями реальны, потому что они являются частью общего мира, как наше светящееся тело является частью нашего полного существа.

Сильвио Мануэль сказал также, что использует Ла Горду и меня, чтобы проверить возможность того, сумеем ли мы когда-нибудь помочь другим ученикам, проведя их в иной мир, тогда они могли бы сопровождать Нагуаля Хуана Матуса и его партию в их окончательном (решающем) путешествии. Он говорил, что поскольку женщина-нагуаль должна покинуть этот мир с Нагуалем Хуаном Матусом и его воинами, ученики должны последовать за ней, так как она остается их единственным лидером в отсутствие Нагуаля-мужчины. Он заверил, что она рассчитывает на нас и что именно в этом причина ее наблюдения за нашей работой.

Сильвио Мануэль усадил меня и Ла Горду на землю на участке за своим домом, там, где мы выполняли все предыдущие неделания. Нам не понадобилась помощь дона Хуана, чтобы войти в самое обостренное состояние осознания. Почти сразу я увидел стену тумана. Ла Горда тоже. Однако как мы ни пытались, остановить ее вращение, мы не могли этого сделать. Каждый раз, когда я поворачивал голову, стена тумана поворачивалась вместе с ней.

Женщина-нагуаль могла остановить ее и пройти сквозь нее, но при всех своих стараниях она была не в состоянии взять с собой нас двоих. В конце концов дон Хуан и Сильвио Мануэль должны были остановить стену для нас и физически протолкнуть сквозь нее. Ощущение, которое я испытал, входя в эту стену, сравнимо с тем, как если бы мое тело скручивали, как волокна веревки.

На другой стороне находилась ужасная пустыня с небольшими круглыми песчаными дюнами. Над нами зависали низкие желтые облака, но ни неба, ни горизонта видно не было. Ключья бледно-желтого тумана ограничивали видимость. Ходить было очень трудно. Давление, казалось, намного превосходило то, к которому привыкло мое тело. Мы с Ла Гордой шли в никуда, но женщина-нагуаль, казалось, знала, куда она идет. Чем дальше мы отходили от стены тумана, тем темнее становилось и тем труднее было двигаться. Мы с Ла Гордой больше не могли идти выпрямившись. Мы были вынуждены ползти. Мы выбились из сил. Женщине-нагуаль пришлось тащить нас волоком назад к стене и затем вытаскивать оттуда.

Мы повторили это путешествие бесчисленное множество раз. На первых порах дон Хуан и Сильвио Мануэль помогали нам, останавливая стену тумана, но затем Ла Горда и я добились в этом едва ли не такого же мастерства, как женщина-нагуаль. Мы научились останавливать стену тумана, и произошло это для нас совершенно естественно. Что касается меня, то однажды я сообразил, что ключом является мое намерение, особый аспект моего намерения, ибо это не было волевым действием, насколько я его знаю. Это было интенсивное желание, фокусировавшееся в центре моего тела, своеобразная нервность, заставляющая меня содрогаться, превращавшаяся затем в силу, которая в действительности не останавливала стену, не заставляла какую-то часть моего тела непроизвольно повернуться на 90 градусов вправо. В результате на мгновение у меня стало два поля зрения. Я видел мир, разделенный надвое стеной тумана, и в то же время я смотрел прямо на толщу желтоватого испарения. Последнее поле зрения взяло верх, и что-то втягивало меня в туман и сквозь него.

Кроме этого, мы научились смотреть на окружающую местность, как на действительность. Наши путешествия приобрели для нас такую же реальность, как экскурсии в горы или морская прогулка на яхте. Пустынная равнина с подобными песчаным дюнам буграми стала такой же реальной, как и любая другая часть мира.

У нас с Ла Гордой было такое ощущение, будто мы втроем провели между параллельными линиями уже целую вечность, однако мы не могли припомнить, что же с нами там происходило. Вспоминались только ужасающие моменты, когда нам надо было возвращаться в мир повседневной жизни. Это всегда были мгновения страшной тревоги и неуверенности.

Дон Хуан и его воины с большим любопытством следили за нашими потугами. Единственным, кто не соприкасался с нашей деятельностью, был Элихио. Хотя он и сам был несравненным воином, он не принимал участия в нашей борьбе и никоим образом не помогал нам. Ла Горда сказала, что Элихио удалось прикрепиться к Эмилито и, таким образом, непосредственно к Нагуалю Хуану Матусу. Он никогда не был вовлечен в нашу проблему, потому что войти во второе внимание и путешествовать там для него было все равно, что глазом моргнуть.

Ла Горда напомнила мне день, когда необычайные таланты Элихио позволили ему обнаружить, что я не их человек, задолго до того, как кто-нибудь хотя бы заподозрил истину.

Я сидел на заднем крыльце дома Висенте в северной Мексике, когда внезапно появились Эмилито и Элихио. Все принимали, как должное, что Эмилито должен был исчезать на длительное время. Когда же он вновь появлялся, то каждый опять-таки считал само собой разумеющимся, что он вернулся из путешествия. Никто не задавал ему никаких вопросов. Он докладывал о своих находках сначала дону Хуану, а затем любому, кто хотел его послушать.

В тот день все выглядело так, будто Эмилито и Элихио только что вошли через черный ход. Эмилито, как всегда, кипел. Элихио, как обычно, хранил спокойствие и бесстрастность. Я всегда думал,

когда видел их вместе, что утонченность личности Эмилито подавляла Элихио и делала его еще более замкнутым.

Эмилито прошел вглубь дома, разыскивая дона Хуана, а Элихио улыбнулся и подошел ко мне. Он положил руку мне на плечо, приблизил свой рот к моему уху и прошептал, что сломал оболочку параллельных линий и теперь может ходить в такое место, которое Эмилито называл великолепием.

Элихио начал мне что-то объяснять насчет этого великолепия, но я никак не мог его понять. Казалось, мой ум способен фокусироваться только на периферии этого события. Окончив свои объяснения, Элихио взял меня за руку и поставил посреди двора так, чтобы я смотрел на небо со слегка поднятым подбородком. Он стоял справа от меня в той же позе. Он велел мне расслабиться и падать назад под тяжестью моей макушки. Что-то схватило меня сзади и потянуло вниз. Позади была пропасть, и я свалился в нее. А затем я внезапно оказался в пустынной равнине с дюноподобными холмами.

Элихио хотел, чтобы я следовал за ним. Он сказал, что граница великолепия находится за холмами. Я шел с ним, пока не устал так, что больше не мог идти. Он бежал впереди меня безо всяких усилий, как если бы он был невесомым. Остановившись на вершине большого холма, он указал на него, затем сбегал вниз и попросил меня заползти на этот холм, который, по его словам, находился на границе великолепия. Он был, пожалуй, не дальше тридцати метров от меня, но я не мог больше продвинуться ни на сантиметр. Он пытался затащить меня на холм, но не мог даже сдвинуть с места. Мой вес, казалось, увеличился в сотни раз. В конце концов Элихио пришлось позвать дона Хуана и его партию. Сесилия подняла меня на плечи и вынесла оттуда.

Ла Горда сказала, что Эмилито подтолкнул Элихио к таким действиям со мной. Эмилито действовал в соответствии с правилом. Мой курьер совершил путешествие в великолепие; было обязательным, чтобы он показал его мне.

Я мог припомнить, с каким нетерпением и страстью Элихио предпринимал последние усилия, чтобы я смог стать свидетелем великолепия. Я припоминал также его печаль и разочарование, когда мне это не удалось. После этого он никогда со мной не заговаривал.

Мы с Ла Гордой так увлеклись своими путешествиями за стену тумана, что совсем забыли о следующей серии неделаний Сильвио Мануэля, ожидавшей нас. Он сказал, что это неделание может быть опустошительным и что оно состоит из пересечения параллельных линий с Хенарос и сестричками прямо к входу в мир полного осознания. Он не включил донью Соледад, потому что его неделания предназначались для сновидящих, а она была сталкером.

Сильвио Мануэль добавил, что ждет от нас, чтобы мы познакомились с третьим вниманием после того, как он вновь и вновь будет помещать нас к подножию Орла. Приготовив нас к потрясению, он объяснил, что путешествия воина в пустынную равнину с дюнами являются подготовительным шагом для действительного пересечения границ. Чтобы проходить за стену тумана, находясь в состоянии повышенного осознания или во время сновидения, требуется небольшая часть нашего полного осознания, тогда как телесный переход в другой мир влечет за собой вовлеченность всего нашего существа. Сильвио Мануэль решил использовать мост как символ действительного пересечения. Он рассуждал, что мост находится рядом с местом силы, а места силы являются трещинами, проходами в иной мир. Он считал, что мы с Ла Гордой получили достаточно силы, чтобы выдержать взгляд Орла.

Он заявил, что моим личным долгом является собрать этих трех женщин и трех мужчин и помочь им войти в самое обостренное состояние осознания. Это самое малое, что я мог для них сделать, поскольку я, возможно, и являюсь тем фактором, который сводит на нет их шансы на свободу.

Он перенес время нашего действия на предрассветный час, на утренние сумерки. Я старательно пытался заставить их сместить уровни осознания, как это делал со мной дон Хуан. Поскольку я не

имел представления, как управлять их телами, или о том, что в действительности должен с ними сделать, то кончил тем, что начал лупить их по спине. После нескольких убийственных попыток наконец вмешался дон Хуан. Он подготовил их настолько, насколько это вообще было возможно, и передал их мне, чтобы я загонял их, как коров, на мост. Моя обязанность состояла в том, чтобы переводить их через мост одного за другим. Место силы находилось южнее нас – очень благоприятный знак. Сильвио Мануэль планировал перейти первым, подождать, пока я передам их ему, а затем ввести нас всей группой в неизвестное.

Сильвио Мануэль прошел через мост в сопровождении Элихио, который даже не взглянул на меня. Я удерживал шестерых учеников тесной группой на северной стороне моста. Они были перепуганы, вырвались из моей хватки и бросились врассыпную в разные стороны. Мне удалось одну за другой поймать трех женщин и передать их Сильвио Мануэлю. Он удерживал их у входа в трещину между мирами. Троих мужчин поймать не удалось. Гоняясь за ними, я смертельно устал и посмотрел через мост на дону Хуана, спрашивая совета. Он, вся его партия и женщина-нагуаль стояли тесной группой, глядя на меня. Они подбадривали меня жестами, чтобы я и дальше гонялся за мужчинами, смеясь над моими неуклюжими действиями. Дон Хуан сделал мне знак головой, чтобы я перестал обращать внимание на мужчин и переходил с Ла Гордой к Сильвио Мануэлю.

Мы перешли. Сильвио Мануэль и Элихио, казалось, удерживали стороны вертикальной щели в человеческий рост. Женщины побежали и спрятались позади Ла Горды. Сильвио Мануэль велел всем нам шагнуть в отверстие.

Я повиновался, женщины – нет. За входом не было ничего. Тем не менее, все там было до краев заполнено этим ничто. Мои глаза были открыты, все чувства предельно обострены. Я напрягался, пытаюсь что-либо увидеть, но передо мной ничего не было, а если и было, то я не мог этого ухватить. Мои чувства не обладали той разделенностью, которую я научился рассматривать, как имеющую смысл. Все пришло ко мне сразу или, пожалуй, это ничто пришло ко мне в такой степени, которую я никогда не испытывал раньше или

позже. Я чувствовал, что мое тело разрывается на части. Какая-то сила изнутри меня рвалась наружу. Я разрывался, и отнюдь не в переносном смысле. Внезапно я почувствовал, как человеческая рука выхватила меня оттуда прежде, чем я распался.

Женщина-нагуаль прошла туда и спасла меня. Элихио не мог двинуться, потому что он удерживал створки входа, а Сильвио Мануэль держал за волосы четверых женщин, по две в каждой руке, готовясь швырнуть их туда.

Я полагал, что все это должно было длиться с четверть часа, но в то время мне ни разу не пришло в голову подумать о людях на мосту. Время, казалось, каким-то образом остановилось, точно так же, как оно остановилось, когда мы вернулись на этот мост по пути в Мехико.

Сильвио Мануэль сказал, что хотя попытка и казалась неудачной, это был полный успех. Четверо женщин видели отверстие и сквозь него – другой мир, а то, что я испытал там, было истинным чувством смерти.

– В смерти нет ничего величественного и спокойного, – сказал он, – потому что после умирания начинается настоящий ужас. С той же неизмеримой силой, которую ты испытал, Орел выжмет из тебя последнюю искру осознания, которую ты когда-либо имел.

Сильвио Мануэль подготовил меня и Ла Горду к очередной попытке. Он объяснил, что места силы являлись реальными отверстиями в своего рода оболочке, не дающей миру потерять свою форму. Места силы может быть использовано так долго, пока человеку хватает силы, собранной во втором внимании. Он сказал, что ключом к тому, чтобы выстоять в присутствии Орла, является сила собственного намерения. Без намерения нет ничего. Он сказал мне, поскольку я был единственным, кто входил в иной мир, что меня там чуть не убила моя неспособность изменить свое намерение. Он был уверен, однако, что путем напряженных тренировок все мы придем к тому, что сможем удлинить свое намерение. Однако он не мог объяснить, чем же все-таки это намерение является. Он пошутил, что только Нагуаль Хуан Матус мог бы объяснить, что это, но его-то как раз и нет поблизости.

К сожалению, наша вторая попытка не состоялась, потому что я остался без энергии. Произошла скоропостижная и опустошительная потеря жизненных сил. Внезапно я так ослабел, что потерял сознание в доме Сильвио Мануэля.

Я спросил у Ла Горды, знает ли она, что произошло потом, так как сам я представления об этом не имел. Ла Горда сказала, что Сильвио Мануэль сообщил всем присутствующим, что Орел отделил меня от их группы и что я наконец-то готов к тому, чтобы меня подготовили к исполнению предначертанного мне судьбой. В его планы входило взять меня в мир между двумя параллельными линиями, пока я нахожусь без сознания, и позволить иному миру вынести из моего тела всю оставшуюся и бесполезную энергию. Его идея имела смысл, по мнению всех компаньонов, потому что, согласно правилу, туда можно входить только с осознанием. Войти туда без него означало смерть, поскольку при отсутствии осознания жизненная сила истощается физическим давлением того мира.

Ла Горда добавила, что они не брали ее вместе со мной. Однако Нагуаль рассказывал ей, что после, того, как я остался без жизненной энергии, практически мертвым, все они по очереди вдохнули в мое тело новую энергию. В том мире любой, кто обладает жизненной силой, может отдавать ее другим, дуга на них. Они прикладывали дыхание ко всем точкам, где находятся хранилища энергии. Первым дул Сильвио Мануэль, затем женщина-нагуаль. Оставшаяся часть меня была восстановлена всеми членами партии Нагуаля.

После того, как они вдули в меня свою энергию, женщина-нагуаль вынесла меня из тумана в дом Сильвио Мануэля. Она положила меня на землю головой к юго-востоку. Ла Горда сказала, что выглядел я мертвецом. Она, Хенарос и три сестрички были там же. Женщина-нагуаль объяснила им, что я заболел, но когда-нибудь вернусь, чтобы помочь им отыскать их свободу, потому что я не буду свободен сам, пока не сделаю этого. Затем Сильвио Мануэль дал мне свое дыхание и вернул к жизни. Вот почему она и сестрички запомнили, что он – мой хозяин. Он отнес меня в постель и уложил спать, как будто ничего не случилось. По пробуждении я уехал и не вернулся. Дальше она забыла, потому что никто больше не

переводил ее на левую сторону. Она уехала жить в тот город, где я нашел ее вместе с остальными. Нагуаль Хуан Матус и Хенаро образовали два дома. Хенаро заботился о мужчинах, Нагуаль Хуан Матус – о женщинах.

Я отправился спать, чувствуя себя подавленным и слабым. Когда я проснулся, я отлично контролировал себя, был оживленным, полным необычной и незнакомой энергии. Мое прекрасное самочувствие было омрачено только словами дона Хуана о том, что я должен покинуть Ла Горду и стремиться в одиночку совершенствовать свое внимание, вплоть до того дня, когда я смогу вернуться, чтобы помочь ей. Он сказал мне также, чтобы я не боялся и не отчаивался, потому что носитель или носительница правила со временем покажется мне для того, чтобы раскрыть мою истинную задачу.

После этого дня я не видел дона Хуана очень долго. Когда я вернулся, он продолжал перемещать меня из правого осознания в левое, преследуя две цели. Во-первых, чтобы я мог продолжать свои отношения с воинами его партии и женщиной-нагуаль, во-вторых, чтобы он мог поместить меня под непосредственное наблюдение Зулейки, с которой я постоянно взаимодействовал в течение всех оставшихся лет моей связи с доном Хуаном.

Он говорил мне, что причина, по которой он поручает меня Зулейке, состоит в том, что по руководящему плану Сильвио Мануэля я должен был получить два рода инструкций – одни для правой стороны, а другие – для левой. Инструкции для правой стороны относились к нормальному состоянию осознания и были направлены на то, чтобы привести меня к интеллектуальному убеждению, что у человеческих существ имеется другой, скрытый тип осознания. Ответственным за этот инструктаж был дон Хуан. Инструктаж для левой стороны был поручен Зулейке. Он был связан с состоянием повышенного осознания и касался исключительно обращения со вторым вниманием. Таким образом, каждый раз, когда я приезжал в Мексику, половину своего времени я проводил с Зулейкой, а другую половину – с доном Хуаном.

Глава 13. Тонкости сновидения

Решение задачи введения меня во второе внимание дон Хуан начал с уведомления о том, что я уже имею большой опыт по вхождению в него. Сильвио Мануэль подвел меня к самому входу. Единственным упущением было то, что мне не дали соответствующих рациональных объяснений. Воинам-мужчинам нужно раскрывать серьезные причины, прежде чем они благополучно отправятся в неизвестное. Воинам-женщинам это ни к чему, и они могут идти без всяких колебаний, при условии, что они полностью доверяют тому, кто их ведет.

Он сказал, что начать я должен с освоения тонкостей сновидения. После этого он поместил меня под наблюдение Зулейки. Он убеждал меня в необходимости быть безупречным и старательно практиковать все, чему я научусь, а самое главное – быть целенаправленным и осторожным в поступках, чтобы не растратить понапрасну свою жизненную силу. Он сказал, что предварительным требованием для вхождения в любую из трех стадий внимания является обладание жизненной силой, потому что без нее воин не может иметь ни направления, ни цели. Он объяснил, что сразу после смерти наше осознание тоже входит в третье внимание, но только на мгновение, для очищения перед тем, как Орел поглотит его.

Ла Горда сказала, что Нагуаль заставил каждого из учеников научиться сновидению. Она считала, что нам всем эта задача была дана одновременно со мной. Инструктаж каждого так же делился на правый и левый. Она сказала, что инструкции для нормального осознания давали Нагуаль и Хенаро. Когда они решили, что ученики готовы, Нагуаль заставил их изменить осознание на повышенное и оставил каждого с соответствующим ему двойником. Висенте учил Нестора, Сильвио Мануэль – Бениньо, Хенаро – Паблито, Эрмелинда – Лидию, Нелида – Розу.

Ла Горда добавила, что Хосефина и она сама были поручены заботам Зулейки для того, чтобы вместе научиться тонкостям

сновидения, чтобы они когда-нибудь смогли вместе прийти мне на помощь.

Более того, Ла Горда сделала собственное заключение, что мужчин отдавали также и Флоринде для обучения сталкингу. Доказательством этого была разительная перемена в их поведении. Она сказала, что знала еще раньше, чем вспомнила, что и ее обучали принципам искусства сталкинга, но очень поверхностно. Ее не готовили для практики, в то время как мужчинам давали практические задачи и знания. Это доказывала перемена в их поведении. Они стали беззаботными и веселыми, наслаждались жизнью, в то время как она и другие женщины из-за своих занятий сновидением становились все более мрачными и хмурыми.

Ла Горда считала, что мужчины не могли вспомнить свой инструктаж, когда я попросил их рассказать о том, что они знают об искусстве сталкинга, потому что они практиковали его, не зная, что они делают. Их тренированность, однако, бросалась в глаза, когда они имели дело с людьми. Они были прекрасными актерами, когда требовалось склонить людей к своему желанию. Благодаря своей практике сталкинга они также научились контролируемой глупости. Например, они вели себя так, как если бы Соледад была матерью Паблито. Любому наблюдателю они показались бы матерью и сыном, которые борются друг с другом, тогда как они просто играли эти роли. Они убедили всех. Иногда Паблито давал такие представления, что мог бы убедить самого себя.

Ла Горда призналась, что они были сбиты с толку моим поведением. Они не знали, то ли я сошел с ума, то ли являюсь мастером контролируемой глупости. Внешне по моему поведению казалось, будто я поверил в их маскарад. Соледад сказала, чтобы они не поддавались на эту удочку, потому что я действительно сумасшедший. Внешне кажется, будто я контролирую себя, но на самом деле я до такой степени идиот, что не могу вести себя как Нагуаль. Она уговорила каждую из женщин нанести мне смертельный удар. Она добавила, что я сам просил ее об этом однажды, когда был в своем уме.

Ла Горда сказала, что ей потребовалось несколько лет, чтобы под руководством Зулейки научиться сновидению. Когда Нагуаль Хуан Матус решил, что она достигла мастерства, он, наконец, свел ее с ее настоящим двойником, Нелидой. Именно Нелида показала ей, как вести себя в мире людей. Она не только заботилась о том, чтобы Ла Горда естественно чувствовала себя в западной одежде, но и прививала ей хороший вкус. Таким образом, когда она надела свою одежду в Оахаке и изумила меня своей грацией и очарованием, она была уже опытна в таких превращениях.

В качестве гида во второе внимание Зулейка была очень эффективна. Она настояла на том, чтобы наши взаимодействия проводились только ночью, в полной темноте. Для меня Зулейка была только голосом во мгле — голосом, начинавшим все наши контакты с приказанием мне фокусировать внимание на ее словах и ни на чем больше. Ее голос и был тем женским голосом, который, как думала Ла Горда, она слышала в сновидениях. Зулейка говорила мне, что если сновидение проводится в закрытом помещении, то лучше всего осуществлять его в полной темноте, сидя или лежа на узкой кровати или, еще лучше, сидя в ящике, напоминающем гроб.

Она считала, что все сновидения вне помещений должны проводиться под защитой пещеры в песчаных районах у источников или сидя спиной к камню (к скале) в горах, но никогда не на плоских равнинах или рядом с реками, озерами морем, потому что плоские равнины, как и вода, противопоказаны второму вниманию.

Каждый из моих сеансов с ней был полон мистических обертонов. Она говорила, что самый верный путь прямого попадания во второе внимание лежит через ритуальные действия, монотонное пение, сложные повторяющиеся движения.

Ее учение не затрагивало предварительных ступеней сновидения, которым меня обучил дон Хуан. Она исходила из того, что каждый, кто к ней приходит, уже знает, как делать сновидение, поэтому она касалась исключительно эзотерических моментов левостороннего осознания.

Инструкции Зулейки начались в тот день, когда дон Хуан привел меня в ее дом. Мы приехали туда вечером. Дом казался пустым, хотя когда мы приблизились, входная дверь открылась. Я ожидал появления Зойлы или Марты, но в дверях никого не было. У меня было ощущение, что открывший дверь сразу же убрался с нашей дороги. Дон Хуан повел меня в патио¹⁸ и посадил на ящик, к которому была приделана спинка, превратившая его в подобие стула. Сидеть на ящике было очень жестко и неудобно. Я опустил руку под тонкую ткань, покрывавшую ящик, и обнаружил там острые камни. Дон Хуан сказал мне, что моя ситуация была затруднительной, потому что я был вынужден изучать тонкости сновидения в спешке. Сидение на жесткой поверхности было способом удерживать мое тело от ощущения того, что оно находится в нормальной ситуации. За несколько минут до прибытия к дому дон Хуан изменил уровень моего осознания. Он сказал, что инструкции Зулейки должны проводиться в таком, состоянии для того, чтобы я имел нужную мне скорость. Он предупредил меня, чтобы я полностью расслабился и доверился Зулейке. Затем он приказал, чтобы я сфокусировал взгляд с максимальной концентрацией, на какую только способен, и запомнил детали патио, находящиеся в поле моего зрения. Он настаивал, чтобы я запомнил и такую деталь, как ощущение моего сидения здесь. Чтобы удостовериться, что я все понял, он еще раз повторил свои инструкции, а затем ушел.

Скоро стало совсем темно, и, сидя там, я начал волноваться. У меня не было достаточно времени, чтобы сконцентрироваться на деталях веранды. Я услышал какой-то шуршащий звук позади себя, а затем голос Зулейки заставил меня вздрогнуть. Приказным шепотом она сказала, чтобы я поднялся и следовал за ней. Автоматически я повиновался. Лица ее я видеть не мог. Она была только темной фигурой, идущей в двух шагах впереди меня. Она привела меня к нише в самом темном зале ее дома. Хотя мои глаза привыкли к темноте, я все еще не мог что-либо различить. Я споткнулся обо что-то, и она приказала мне сесть внутри узкого корыта и опереться спиной на что-то, что я принял за жесткую подушку.

¹⁸ Внутренний дворик

Вслед за тем я ощутил, что она отошла на несколько шагов за меня, что меня крайне озадачило, потому что я думал, что моя спина находится лишь в нескольких сантиметрах от стены. Находясь за мной, она мягким голосом приказала мне сфокусировать внимание на ее словах и позволить им вести себя. Она сказала мне держать глаза открытыми и фиксированными на точке, находившейся прямо передо мной на уровне глаз, добавив, что эта точка превратится в очень приятный и яркий оранжево-красный свет.

Речь Зулейки лилась плавно и монотонно. Я слышал каждое сказанное ею слово. Темнота вокруг меня, казалось, активно подавляла любые отвлекающие внешние факторы. Я слушал слова Зулейки в вакууме, а затем до меня дошло, что внутри меня царит такая же тишина, как и в зале.

Зулейка объяснила, что сновидящий должен начинать с точки цвета; интенсивный же свет или ничем не нарушаемая темнота бесполезны для первоначальной атаки сновидящего. Прекрасными отправными точками являются такие цвета, как пурпурный, светло-зеленый или насыщенно-желтый. Сама она, однако, отдавала предпочтение оранжево-красному цвету, который, как показывал ее опыт, приносил ей максимальное ощущение покоя. Она заверила меня, что как только я добьюсь успеха во вхождении в оранжево-красный цвет, я смогу постоянно вызывать свое второе внимание, при условии, что окажусь в состоянии осознавать последовательность физических событий.

Мне потребовалось несколько сеансов с голосом Зулейки, чтобы я своим телом осознал, чего она от меня хочет. Преимущество пребывания в состоянии повышенного осознания состояло в том, что я мог следить за своим переходом из состояния бодрствования в состояние сновидения. В нормальных условиях этот переход замутнен, но в этих особых обстоятельствах я действительно ощутил во время одного из сеансов, как второе внимание взяло на себя контроль.

Первым шагом была необычная затрудненность дыхания. Не то чтобы мне было трудно вдохнуть и выдохнуть, и не то чтобы мне не хватало воздуха – просто мое дыхание внезапно изменило ритм. Моя

диафрагма начала сокращаться и вынудила мой живот втягиваться и выпячиваться с большой скоростью. В результате получилось самое учащенное дыхание, какое я знал. Я дышал нижней частью легких и ощущал сильное давление на кишечник. Безуспешно пытался я прервать судорожные сокращения диафрагмы. Чем больше я старался, тем более болезненным это становилось. Зулейка приказала мне позволить моему телу делать все, что нужно, и даже не думать о том, чтобы направлять или контролировать его. Я хотел послушаться, но не знал, как. Спазмы, длившиеся минут по десять – пятнадцать, внезапно прекратились и сменились другим странным, потрясающим ощущением. Я ощутил его вначале как очень странную щекотку, как физическое чувство, которое нельзя было назвать ни приятным, ни неприятным – это походило на нервную дрожь. Дрожь стала настолько интенсивной, что заставила меня сфокусировать на ней свое внимание, чтобы определить, в какой части тела она имеет место. Я был поражен, когда понял, что она отсутствует в моем физическом теле, находясь снаружи его, но, тем не менее, я ее чувствовал.

Не слушая приказа Зулейки войти в окрашенное пятно, образующееся на уровне моих глаз, я полностью отдался исследованию этого странного ощущения, находящегося вне моего тела. Зулейка, должно быть, увидела, что со мной происходит. Она внезапно начала объяснять мне, что второе внимание принадлежит светящемуся телу, также как первое – телу физическому. Точка, в которой собирается второе внимание, расположена как раз там, где указал Хуан Тума при нашей первой встрече, – приблизительно в полутора футах перед серединной точкой между желудком и пупком в десяти сантиметрах правее.

Зулейка приказала мне массировать это место, двигая пальцами обеих рук по этой точке, как будто я играю на арфе. Она заверила меня, что рано или поздно я почувствую, как мои пальцы проходят через что-то плотное, подобное воде, и как в конце концов я нащупаю свою светящуюся оболочку.

Двигая пальцами, я ощутил, как воздух становится все плотнее и превращается в какую-то массу. Неопределенное физическое наслаждение растеклось по всему телу, и я подумал, что прикасаюсь

к нерву своего тела, но тут же понял абсурдность и этой мысли, и всего происходящего. Я остановился.

Зулейка предупредила меня, что если я не буду двигать пальцами, то она ударит меня по голове. Чем дольше я продолжал волнообразные движения, тем ближе к телу ощущал почесывание. В конце концов оно оказалось в двенадцати-пятнадцати сантиметрах от моего тела. Как будто что-то во мне осело. Мне действительно казалось, что я могу чувствовать впадину. Затем последовало еще одно неземное ощущение. Я засыпал и, тем не менее, находился в полном осознании. В ушах у меня зазвенело, это напомнило мне рев быка, а затем я почувствовал, как какая-то сила опрокинула меня на левый бок, не разбудив. Эта же сила скатала меня очень туго, как сигару, и засунула внутрь щекочущего углубления. Мое осознание осталось взвешенным там, неспособное проснуться, но и настолько плотно накрученное на себя, что я также не мог и уснуть.

Я услышал голос Зулейки, говорящий, чтобы я посмотрел вокруг. Я не мог открыть глаза, но мои тактильные ощущения говорили мне, что я лежу в канаве. Я чувствовал себя удобно, в безопасности. В моем теле была такая сжатость, такая компактность, что я совершенно не хотел вставать. Голос Зулейки приказал мне встать и открыть глаза. Я не мог этого сделать. Она сказала мне, что я должен двигаться волевым усилием, что вставание более не было делом сокращения моих мускулов.

Я подумал, что ее раздражает моя медлительность. Затем я осознал, что нахожусь в полном сознании. Пожалуй, в сознании большем, что когда-либо в своей жизни. Я мог мыслить рационально и в то же время, казалось, глубоко спал. В Глову пришла мысль, что Зулейка ввела меня в состояние глубокого гипноза. Не мгновение это меня обеспокоило, но затем перестало иметь значение. Я отдался чувству взвешенности, свободного парения.

Я более не мог слышать ничего из того, что она говорила. То ли она замолчала, то ли я выключил звук ее голоса. Мне не хотелось оставлять этот рай. Я никогда не испытывал такого мира и завершенности. Я лежал там, не желая подняться или чего-либо

менять. Я не чувствовал ритма своего дыхания. Внезапно я проснулся.

Во время моего следующего сеанса с Зулейкой, она сказала мне, что я, совершенно самостоятельно, добился успеха в том, что сделал вмятину в своей светимости и что сделать вмятину означает притянуть определенную точку своей светящейся оболочки ближе к физическому телу и, таким образом, ближе к контролю. Она многократно заявляла, что с того момента, когда тело учится делать вмятину, становится легче входить в сновидение. Я согласился с ней. Я обрел странное побуждение (импульс), ощущение, которое мое тело научилось воспроизводить. Это было смешанным чувством легкости, безопасности, дремоты, взвешенности. И, хотя, тактильные ощущения при этом отсутствовали, в то же самое время я был совершенно бодрствующим, все осознающим.

Ла Горда сказала, что Нагуаль Хуан Матус годами боролся за то, чтобы создать углубление в ней, в трех сестричках, а также в Хенарос, чтобы с помощью этого дать нам постоянную способность фокусировать второе внимание. Он говорил ей, что обычно впадина создается сновидящим под влиянием момента, тогда, когда ему это нужно, а затем светящаяся оболочка возвращается назад к ее исходной форме. Но в случае учеников, по причине того, что у них не было лидера Нагуаля, вмятина была создана извне и являлась постоянной характеристикой их светящихся тел; что было как огромной помощью, так и помехой. Она делала всех их уязвимыми и легко поддающимися переменам настроения.

Я вспомнил, что однажды увидел и пнул в углубления в светящихся оболочках Лидии и Розы. Я думал, что впадина находилась на высоте верхней наружной части их правого бедра или, пожалуй, верхушки подвздошной кости. Ла Горда объяснила, что тогда я пнул в углубление их второго внимания и что я чуть не убил их.

По словам Ла Горды, она с Хосефиной в течение нескольких месяцев жили в доме Зулейки. Нагуаль Хуан Матус однажды передал их ей, после того, как сменил уровни их осознания. Он не говорил им, что они будут там делать и чего ожидать, а просто

оставил их одних в гостиной ее дома и ушел. Они сидели там, пока не стемнело. Тогда к ним пришла Зулейка. Они никогда не видели ее, только слышали ее голос, как будто она говорила с ними из какой-то точки на стене.

Зулейка была очень требовательна с того момента, как приняла руководство. Она приказала им раздеться и залезть в толстые ватные пушистые мешки, похожие не пончо одеяния, лежащие на полу. Эти мешки покрывали их от кончиков пальцев на ногах до шеи. Затем она велела им сесть на циновку спиной к спине, в том же алькове, где обычно сидел и я. Она сказала им, что их задача – глядеть в темноту, пока та не начнет окрашиваться. После многих сеансов они действительно начали видеть в темноте цвета. С этого момента Зулейка заставляла их день ото дня сидеть бок о бок и смотреть в одну точку.

Ла Горда сказала, что Хосефина училась очень быстро. Однажды ночью она вошла в оранжево-красное пятно, физически исчезнув из пончо. Ла Горда думала, что или Хосефина дотянулась до пятна цвета, или оно дотянулось до нее. В результате Хосефина мгновенно исчезла. С этого момента Зулейка разделила их, и Ла Горда начала свое медленное обучение в одиночестве.

Рассказ Ла Горды напомнил мне, что Зулейка и меня заставляла влезать в пушистые одеяния. Команды, которые она применяла, чтобы заставить меня забраться внутрь, открыли мне разумность такого использования мешка. Она говорила, чтобы я почувствовал его пушистость своей кожей, особенно кожей икр. Она вновь и вновь повторяла, что человеческие существа имеют великолепный центр восприятия снаружи из икр, и если кожу этой области расслабить или смягчить ее, то объем нашего восприятия возрастет до такой степени, что это нельзя постичь разумом. Одеяние было мягким и теплым и вызывало необычайное ощущение приятного расслабления в ногах. Активность нервных окончаний в моих икрах существенно повысилась.

Ла Горда рассказала о таких же ощущениях физического удовольствия. Она даже добавила, что именно сила этого пончо привела ее к тому, чтобы найти пятно оранжево-красного цвета. Это

одеяние произвело на нее такое впечатление, что она сшила такой же мешок, но его эффект был гораздо ниже, хотя и ее самоделка давала ей утешение и хорошее самочувствие. Она сказала, что они с Хосефиной все свое свободное время проводили, как правило, в таких мешках, сшитых ею им обоим.

Лидию и Розу тоже помещали в такие одеяния, но они им никогда не нравились. Точно так же, как и мне.

Ла Горда сказала, что привязанность ее и Хосефины к таким мешкам была прямым следствием того, что они нашли свой цвет сновидения, находясь внутри мешков. По ее мнению, причина моего безразличия к нему состояла в том, что я вообще не входил в окрашенную область – скорее, цвет приходил ко мне. Она была права. Что-то еще помимо голоса Зулейки определяло исход этой подготовительной фазы. По всем данным, Зулейка вела меня по тому же пути, что и Ла Горду с Хосефиной. В течение многих сеансов я смотрел в темноту и был готов визуализировать цветное пятно. Я действительно был свидетелем всей метаморфозы от однородной темноты до четко очерченного пятна интенсивной яркости. А затем меня уносило в сторону появление внешнего почесывания, на котором я фокусировал внимание, пока не входил в состояние спокойного бодрствования. Именно тогда я впервые погрузился в оранжево-красное пятно.

После того, как я научился оставаться подвешенным между бодрствованием и сном, Зулейка, казалось, ослабила свой напор. Я даже решил, что она совершенно не торопится выводить меня из этого состояния. Она оставляла меня в нем, не вмешиваясь, и никогда не спрашивала меня о нем, возможно потому, что ее голос предназначался только для руководящих указаний, а не для вопросов. Мы действительно никогда не общались, по крайней мере, не общались так, как я беседовал с доном Хуаном.

Находясь в состоянии спокойного бодрствования, я однажды понял, что мне бесполезно оставаться там, каким бы приятным это не было, поскольку ограничения были очевидными. Затем я почувствовал дрожь в теле и открыл глаза, вернее, мои глаза открылись сами. На меня смотрела Зулейка. Я испытал момент

замешательства. Я думал, что проснулся, и вовсе не ожидал увидеть Зулейку во плоти, ибо привык слышать только ее голос. Меня удивило также, что ночь прошла. Я огляделся вокруг. Мы находились не в доме Зулейки. Туг до меня внезапно дошло, что я сновиджу и что я проснулся.

После этого Зулейка принялась за другую часть своего учения. Она начала учить меня двигаться. Прежде всего, она скомандовала, чтобы я поместил свое осознание в среднюю точку тела; у меня эта точка находилась ниже среднего края пупка. Она сказала, чтобы я подметал ей пол, то есть делал качающиеся движения, как если бы к животу была прикреплена метла. В течение бесчисленных сеансов я пытался выполнить то, что приказывал мне ее голос. Она не позволяла мне погружаться в состояние спокойного бодрствования, ее намерением было привести меня к тому, чтобы вызвать восприятие подметания пола своей средней точкой, пока я нахожусь в бодрствующем состоянии. Она сказала, что пребывание на левой стороне осознания – достаточное преимущество для того, чтобы хорошо выполнять это упражнение.

Однажды, по непонятной для меня причине, мне удалось почувствовать смутное ощущение в области живота. Это не было чем-то определенным, а когда я сфокусировал на нем свое внимание, то понял, что это мягкое покалывание имеет место не точно в моем животе, а чуть повыше его. Чем внимательнее я это исследовал, тем больше деталей замечал.

Размытость ощущения вскоре сменилась определенностью. Между нервозностью или покалывающим ощущением, с одной стороны, и солнечным сплетением и правой икрой, с другой стороны, существовала странная связь.

Когда это ощущение стало более острым, я непроизвольно прижал правое колено к груди. Таким образом, эти две точки сблизились настолько, насколько позволяла анатомия. Секунду меня трясло от необычайной нервозности, а затем я ясно почувствовал, что подметаю пол своей средней точкой. Это было тактильное ощущение, которое возвращалось вновь и вновь, как только я начинал раскачивать свое тело в сидячем положении.

Во время следующего сеанса Зулейка позволила мне войти в состояние спокойного бодрствования. На этот раз оно было не совсем таким, как обычно. Во мне, казалось, присутствовал своего рода контроль, мешавший мне свободно наслаждаться этим состоянием, что я делал прежде, – контроль, также заставивший меня сосредоточиться на шагах, предпринятых мною для того, чтобы в это состояние войти. Сначала я ощутил щекотку в точке своего второго внимания на своей светящейся оболочке. Я помассировал эту точку, двигая пальцами так, будто играю на арфе, и точка опустилась к моему животу.

Я ощущал ее почти на своей коже. Затем я ощутил мягкое покалывание на наружной части икры. Это была смесь удовольствия и боли. Ощущение распространилось по всей ноге, а затем по нижней части спины. Я чувствовал, как дрожат мои ягодицы. Все тело было охвачено нервной дрожью. Я подумал, что мое тело вверх ногами засунуто в сеть. Мне казалось, что мой лоб и кончики пальцев на ногах вошли в соприкосновение. Я был похож на подкову со сведенными вместе концами. Затем я почувствовал, что меня как бы сложили вдвое и закатали в простыню. Нервные спазмы как бы заставляли простыню скатываться в рулон, со мной в его середине. Когда закатывание закончилось, я уже больше не мог ощущать своего тела. Я превратился в простое аморфное осознание, в нервный спазм, обернутый вокруг самого себя. Осознание успокоилось в выемке, в углублении внутри самого себя.

Тут я понял невозможность описать все то, что происходит в сновидении. Зулейка сказала, что правая и левая стороны осознания сворачиваются вместе. И то, и другое успокаивается в едином клубке, во впадине, во вдавленном центре второго внимания. Для того, чтобы совершить сновидение, нужно манипулировать как светящимся, так и физическим телом. Во-первых, центр сбора второго внимания должен быть сделан доступным благодаря тому, что он будет вдавлен кем-то снаружи или втянут изнутри самим сновидящим. Во-вторых, для того, чтобы сместить первое внимание, центры физического тела, расположенные в средней точке и в икрах, должны быть стимулированы и сдвинуты как можно ближе один к другому, пока,

казалось, соединялись. Тогда возникает ощущение скатанности в клубок, и автоматически верх берет второе внимание.

Объяснения Зулейки, дававшиеся в виде команд, были наиболее подходящим способом для описания происходящего, потому что ни одно из сенсорных ощущений, имеющих место в сновидении, не является частью нашего нормального опыта сенсорных ощущений. Все они приводили меня в замешательство. Ощущение почесывания, покалывания вне меня было локализовано, поэтому беспокойство от того, что я его чувствовал, было минимальным. С другой стороны, ощущение накручивания на самого себя было гораздо более беспокоящим. Сюда входил целый комплекс ощущений, приводивших тело в шоковое состояние. Я был убежден, что в один из моментов кончики пальцев моих ног касались лба, – но я знал, что принять эту позу я физически не в состоянии. В то же время я знал совершенно точно, что находился внутри сетки, вися вниз головой, как груша, с пальцами ног, прижатыми ко лбу, хотя в физическом плане я сидел, прижав колени к груди.

Зулейка сказала также, что ощущение скатанности в сигару и помещения во впадину второго внимания было результатом слияния левого и правого осознания, при котором порядок доминирования переключается и ведущее положение занимает левая сторона. Она призывала меня быть достаточно внимательным, чтобы заметить обратный переход, когда оба внимания занимают свои старые места и верх берет опять первое.

Я ни разу не уловил тех чувств, о которых шла речь, но ее призыв настолько захватил меня, что я, как парализованный, застрял в своих попытках удерживать наблюдение за всем сразу. Она была вынуждена отменить свое распоряжение, велев мне отказаться от этой скрупулезности, так как у меня было еще много других дел.

Зулейка сказала, что, прежде всего, я должен достичь совершенства в движениях по своему желанию, произвольно. Свои инструкции она начинала с того, что вновь и вновь приказывала мне открывать глаза в то время, когда я пребывал в состоянии

спокойного бодрствования. Мне потребовалось много усилий, чтобы добиться этого. Однажды мои глаза внезапно открылись, и я увидел склонившуюся надо мной Зулейку. Я лежал, но не мог определить, где именно. Свет был исключительно ярким, как будто я находился прямо под мощной электрической лампой, но он не бил мне прямо в глаза. Я без всяких усилий мог смотреть на Зулейку.

Она приказала мне встать, повелев своего движения. Она сказала, что я должен толкнуть себя вверх своей средней частью, что у меня там имеются три толстых щупальца, которые я могу использовать как костыли, чтобы поднять свое тело.

Я всеми способами пытался подняться, но тщетно. У меня было ощущение отчаяния и физической тревоги, напоминающей ночные кошмары детства, в которых я не мог проснуться и в то же время был полностью бодрствующим, безуспешно пытаюсь крикнуть.

В конце концов Зулейка заговорила со мной. Она сказала, что я должен следовать определенной последовательности и что совершенно глупо и неуместно беспокоиться или приходить в возбуждение, как будто я имею дело с повседневным миром. Беспокойство было уместным только в первом внимании. Второе же внимание является воплощением спокойствия. Она хотела, чтобы я повторно вызвал ощущение, которое у меня было, когда я «подметал пол» своей средней частью. Я подумал, что для этого мне надо сидеть. Без всяких размышлений я сел и принял ту позу, в которой у меня мое тело впервые вызвало такое ощущение. Что-то во мне качнулось, и я уже стоял. Я не мог понять, что сделал, чтобы двинуться. Я подумал, что если начну все сначала, то смогу уловить последовательность. Как только у меня мелькнула мысль об этом, я уже лежал на земле. Встав вторично, я сообразил, что здесь не присутствует какой-либо процедуры и что для того, чтобы двигаться, я должен намереваться своего движения на очень глубоком уровне. Иными словами, для этого мне надо быть совершенно убежденным, что я хочу двигаться, или, пожалуй, точнее будет сказать, что я должен быть убежден, что мне нужно двинуться.

Как только я понял этот принцип, Зулейка заставила меня на практике освоить все воображимые аспекты произвольных

передвижений. Чем больше я практиковал их, тем яснее мне становилось, что сновидение фактически является разумным состоянием. Зулейка объяснила это так: во время сновидения правая сторона – разумное осознание – завернуто внутрь левостороннего осознания, для того, чтобы дать сновидящему чувство трезвости и рациональности, но воздействие рациональности должно быть минимальным и использоваться лишь как сдерживающий механизм, чтобы защитить сновидящего от эксцессов и эксцентричных поступков.

Следующий шаг состоял в необходимости научиться направлять свое тело сновидения. Еще в самый первый раз, когда я пришел к Зулейке, дон Хуан поставил мне задачу пристального разглядывания патио, пока я сижу на ящике. Я послушно рассматривал патио, иногда целыми часами. В доме Зулейки я всегда был один. Было такое впечатление, что в те дни, когда я бывал там, все куда-то уезжали или прятались, тишина и одиночество помогали мне, и я добился того, что отчетливо запомнил все детали веранды.

Соответственно, Зулейка поставила передо мной задачу открывать глаза, когда я нахожусь в состоянии спокойного бодрствования, и видеть патио. Чтобы выполнить это, понадобилось много сеансов. Сначала я открывал глаза и видел Зулейку; тогда она резким движением своего тела отбрасывала меня назад, словно я был мячиком, в состояние спокойного бодрствования. Во время одного из таких возвращений я ощутил интенсивную дрожь. Что-то из моих стоп с шумом поднялось в мою грудь, и я его выкашлял. Сцена ночного патио вышла из меня, как если бы появилась из моих бронхов. Это было что-то, похожее на рычание зверя.

Я услышал, как голос Зулейки долетел до меня, подобно слабому шепоту. Я не мог понять, что она говорит. Мельком я заметил, что сижу на ящике. Я хотел встать, но почувствовал, что во мне нет телесности. Как будто ветер может вот-вот унести меня. Затем я отчетливо услышал, как Зулейка велит мне не двигаться. Я попытался оставаться неподвижным, но какая-то сила потянула меня. Я проснулся в алькове гостиной. На меня смотрел Сильвио Мануэль.

После каждого сеанса сновидения с Зулейкой дон Хуан ожидал меня в совершенно темном зале. Он уводил меня из дома и смещал мне уровни осознания. На этот раз там находился Сильвио Мануэль. Не говоря ни слова, он поместил меня в корсет и поднял к притолоке. Я провисел там до полудня, пока дон Хуан не пришел спустить меня на пол. Он сказал, что пребывание в подвешенном состоянии, без соприкосновения с полом, настраивает тело и что это необходимо перед опасными путешествиями, вроде того, что ожидает меня.

Потребовалось много сеансов сновидения, чтобы я, в конце концов, научился, открывая глаза, видеть или Зулейку, или неосвещенное патио. К тому времени я понял, что она и сама постоянно сновидела. Она никогда не присутствовала лично позади меня в алькове. В ту первую ночь я был прав, когда считал, что моя спина упирается в стену. Зулейка была просто голосом из сновидения.

Во время одного из сеансов сновидения, когда я открыл глаза, ожидая увидеть Зулейку, я был потрясен, увидев рядом с собой, вместе с Зулейкой, Ла Горду с Хосефиной. Затем начался последний этап ее обучения. Зулейка учила нас троих путешествовать вместе с ней. Она сказала, что наше первое внимание привязано к эманациям земли, тогда как второе – к эманациям вселенной. Этим она хотела сказать, что сновидящий по определению находится за пределами забот повседневной жизни. Итак, последней задачей Зулейки было так настроить второе внимание Ла Горды, Хосефины и меня, чтобы мы могли следовать за ней в ее путешествиях в неизвестное.

Во время последующих сеансов голос Зулейки сказал мне, что ее «одержимость» приведет меня на встречу с ней, что когда дело касается второго внимания, одержимость сновидящего служит проводником, что ее одержимость сфокусирована на реальном месте за пределами этой Земли. Оттуда она собирается позвать меня, а я должен использовать ее голос как нить, чтобы притянуть себя.

В течение двух сеансов ничего не происходило. Голос Зулейки становился все слабее и слабее, и я беспокоился, что не смогу за ней

последовать. Она не сказала мне, что надо делать. Я испытывал необычную тяжесть. Я не мог разорвать окружающую меня связывающую силу, мешавшую мне выйти из спокойного бодрствования.

Во время третьего сеанса я внезапно открыл глаза, не приложив к этому никакого усилия. На меня смотрели Зулейка, Ла Горда и Хосефина. Я стоял рядом с ними. Я сразу же заметил, что мы находимся в каком-то незнакомом месте. Прежде всего, в глаза бросился очень яркий не прямой свет. Все вокруг было залито белым мощным «неоновым» светом. Зулейка улыбалась, приглашая нас оглядеться. Ла Горда и Хосефина, казалось, были так же насторожены, как и я. Они украдкой бросали взгляды на меня и Зулейку.

Зулейка сделала нам знак подвигаться. Мы стояли на открытом месте в центре ослепительно сверкающего круга. Грунт казался твердым, из темного камня, однако он отражал очень много слепящего белого света, лившегося сверху. Станным было то, что я, понимая, что свет слишком ярок и интенсивен для моих глаз, не был ослеплен, когда поднял голову и посмотрел на его источник. Это было солнце. Я смотрел на солнце, которое, может быть, из-за того, что я находился в сновидении, выглядело интенсивно белым.

Ла Горда с Хосефиной тоже смотрели на солнце, очевидно, безо всякого вреда для себя. Внезапно меня охватил испуг. Свет был чужим для меня. Это был безжалостный свет; он, казалось, нападал на нас, создавая ветер, который я мог ощущать. Однако тепла я не чувствовал. Я считал этот свет вредным. Ла Горда, я и Хосефина одновременно бросились к Зулейке и сгруппировались возле нее, как перепуганные дети. Она придержала нас, а затем белый пылающий свет постепенно начал терять свою интенсивность, пока не исчез совсем. Вместо него все теперь оказалось залитым очень успокаивающим слабым желтоватым светом.

Тут я осознал, что мы находимся в ином мире. Грунт имел цвет мокрой терракоты. Гор не было. Но и равниной местность, в которой мы находились, назвать было нельзя. Грунт был растрескавшимся и пересохшим. Все вокруг нас казалось застывшим бурным

терракотовым морем. Повсюду я мог видеть одно и то же, как если бы находился в центре океана. Я взглянул вверх. Небо уже не было безумно палящим. Оно было темным, но не синим. На горизонте зависла яркая, раскаленная звезда. Тут мне стало ясно, что мы находимся в мире с двумя солнцами, двумя звездами. Одна из них была огромной и только что скрылась за горизонтом, вторая – поменьше или, возможно, более отдаленной.

Я хотел задавать вопросы, пройти по окрестностям, посмотреть, что тут есть еще. Зулейка сделала нам знак расслабиться и терпеливо ждать. Но что-то, казалось, тянуло нас. Внезапно Ла Горда и Хосефина исчезли, а затем я проснулся.

С тех пор я больше не ездил в дом Зулейки. Дон Хуан смещал мне уровни осознания у себя дома или там, где мы находились, и я входил в сновидение. Зулейка, Ла Горда и Хосефина всегда ждали меня. Мы вновь и вновь отправлялись в то неземное место, пока хорошенько не познакомились с ним. Мы всегда старались попасть туда не во время дневного слепящего сияния, а ночью, чтобы следить за появлением над горизонтом колоссального небесного светила, столь величественного, что когда оно зависало над зазубренной линией горизонта, то закрывало не менее половины полусферы нашего обзора. Небесное светило было чрезвычайно красивым, и его подъем над горизонтом представлял собой зрелище, настолько захватывающее, что я мог оставаться там целую вечность, лишь бы только наблюдать его.

Это огромное светило в зените занимало почти весь небосвод. Чтобы наблюдать его, мы всегда ложились навзничь. Оно имело постоянную конфигурацию, и Зулейка научила нас распознавать ее. Я понял, что это не звезда. Его свет был отраженным, его поверхность, скорее всего, была матовой, потому что отраженный свет был очень мягким при таких колоссальных размерах. На его оранжево-желтой поверхности проступали громадные не изменяющиеся коричневые пятна.

Зулейка регулярно брала нас в путешествия, которые находились за пределами слов. Ла Горда сказала, что Зулейка брала Хосефину еще дальше и глубже в неизвестное, потому что

Хосефина, как и сама Зулейка, была немного безумной. Ни одна из них не имела того ядра рациональности, которое дает сновидящему трезвость – поэтому они не имели барьеров и интереса в поисках разумных причин чего бы то ни было.

Из того, что Зулейка сказала мне о наших путешествиях, единственным, прозвучавшим, как объяснение, было то, что сила сновидящих – фокусировать свое второе внимание – превращает их в живые рогатки¹⁹. Чем сильнее и безупречнее сновидящий, тем дальше он может проецировать свое второе внимание в неизвестное и тем дольше продлится его проекция сновидения.

Дон Хуан сказал, что мои путешествия с Зулейкой не были иллюзией и что все, что я с ней делал, являлось шагами к контролю второго внимания. Другими словами, Зулейка обучала меня особенностям восприятия этой другой области. Он, однако, не мог объяснить точной природы этих путешествий, а может быть, не хотел. Он говорил, что если попытаться объяснить особенности восприятия второго внимания в терминах особенностей восприятия первого внимания, то лишь безнадежно запутаешься в словах. Он хотел, чтобы я сам пришел к определенному выводу, и чем больше я обо всем этом размышлял, тем яснее мне становилось, что его нежелание было конструктивным.

Под руководством Зулейки во время ее инструктажа по второму вниманию я действительно отправлялся к тайнам, которые были явно за пределами возможностей моего разума, но столь же явно в пределах возможностей моего полного осознания. Я научился путешествовать в нечто непостижимое и закончил тем, что мог сам, как Эмилито и Хуан Тума, рассказывать собственные «истории вечности».

¹⁹ Slingshot – рогатка.

Глава 14. Флоринда

Мы с Ла Гордой пришли к полному согласию относительно того, что, когда Зулейка обучила нас тонкостям сновидения, мы приняли как безоговорочный факт: правило – это карта, в нас скрыто другое осознание, и есть возможность входить в это другое осознание. Дон Хуан выполнил предписание правила.

Согласно правилу, на следующем этапе ему следовало познакомить меня с Флориндой, единственной из женщин-воинов, кого я еще не встречал.

Дон Хуан сказал, что в ее дом я должен войти сам, без него, потому что все, что произойдет между мной и Флориндой, никого другого не касается. Он добавил, что Флоринда будет моим личным гидом, как если бы я был таким же Нагуалем, как и он. У него были такие же отношения с женским воином из партии его бенефактора, сравнимым с Флориндой.

Однажды дон Хуан оставил меня у дверей дома Нелиды, велел мне войти и сказав, что внутри меня ждет Флоринда.

– Это честь познакомиться с Вами, – сказал я женщине, встретившей меня в холле.

– Я – Флоринда, – ответила она.

Мы молча смотрели друг на друга. Я был поражен. Мое осознание было острым, как никогда прежде. Я более никогда не испытывал ощущения, подобного этому.

– Красивое имя, – только и смог сказать я, желая сказать больше.

Мягкое и протяженное произношение испанских гласных делало ее имя текучим и звонким, особенно «и». Имя не было редким, просто я никогда не встречал никого, кто был бы самой сущностью своего имени. Стоявшая передо мной женщина

подходила к этому имени, как будто его придумали специально для нее, или как если бы она сама подогнала свою личность под это имя.

Внешне она выглядела копией Нелиды, разве что казалась более уверенной в себе, более могущественной. У нее был оливковый оттенок кожи, как у жителей Средиземноморья. Испанка или, может быть, француженка. Она была немолода, но без всяких следов увядания. Ее тело казалось гибким и подтянутым. Длинные ноги, угловатые черты лица, маленький рот, красивой формы нос, темные глаза и светлые волосы. Никаких складок, никаких морщин на лице. Она выглядела так, как будто только притворялась старой.

Когда я впоследствии вспоминал об этой встрече, мне пришло в голову нечто, совершенно постороннее, но уместное здесь. Однажды я увидел в газете двадцатилетней давности фотографию молодой голливудской актрисы, снятой в роли женщины на двадцать лет старше ее. Рядом с этим снимком был помещен современный облик актрисы после двадцати лет нелегкой жизни. Флоринда напоминала первую фотографию этой актрисы – молодую женщину, загримированную под пожилую.

– Ну и что мы имеем, – сказала она, поддевая меня. – Судя по твоему виду, негусто. Мягкий. Индугирующий до мозга костей, вне всякого сомнения.

Ее прямота напомнила мне дону Хуана, так же, как и внутренняя жизнь ее глаз. Вспоминая о встречах с доном Хуаном на протяжении всех этих лет, я не могу вспомнить ни единого случая, когда бы его глаза выглядели напряженными. В них нельзя было заметить никакого возбуждения. Это не значит, что глаза его были красивы внешне. Я видел немало красивых глаз, о которых, тем не менее, нечего было сказать, кроме того, что они красивы. Глаза же Флоринды, как и глаза дона Хуана, вызывали у меня ощущение, что они были свидетелями всего, чему только можно быть свидетелями; они были спокойными, но не ласковыми. Возбуждение было загнано внутрь, превратившись во что-то такое, что я мог бы назвать только внутренней жизнью.

Флоринда провела меня через гостиную и дальше, в крытое патио. Мы сели в удобные мягкие кресла. Ее глаза, казалось, что-то искали на моем лице.

– Знаешь ли ты, кто я и что я должна для тебя сделать? – спросила она.

Я сказал, что все, что мне известно об этом, не выходит за рамки рассказанного мне доном Хуаном. Обращаясь к ней, я назвал ее доньей Флориндой.

– Не называй меня доньей Флориндой, – сказала она с детским жестом досады и смущения. – Я еще не настолько стара и даже не настолько уважаема.

Я поинтересовался, как же мне к ней обращаться.

– Можно просто Флоринда. Относительно того, кто я такая, могу рассказать тебе прямо сейчас – я женский воин, знающий секреты сталкинга. А относительно того, что я должна для тебя сделать, могу сказать – я собираюсь научить тебя первым семи принципам сталкинга, первым трем принципам правила для сталкеров и первым трем маневрам сталкинга.

Затем она добавила, что для каждого воина является нормальным все забывать, когда взаимодействия осуществляются на левой стороне, и что требуются годы, чтобы потом возвратиться к тому, чему она собирается меня учить. Она сказала, что ее инструктаж – только начало, но что когда-нибудь она закончит мое обучение, но уже при других обстоятельствах.

Я спросил, не будет ли она возражать, если я начну задавать вопросы.

– Делай что хочешь, – сказала она. – Все, что мне от тебя требуется, – твое согласие на практику. В конце концов тебе так или иначе известно все, что мы собираемся обсуждать. Твоим недостатком является неуверенность в себе и то, что ты не хочешь признавать свое знание силой. Нагуаль, будучи мужчиной,

загипнотизировал²⁰ тебя. Ты не можешь действовать самостоятельно. Только женщина может освободить тебя от этого.

Начну с того, что расскажу тебе историю своей жизни, и по ходу дела тебе многое станет ясно. Мне придется рассказывать по частям, поэтому ты будешь приходить сюда довольно часто.

Ее явное желание рассказать мне о своей жизни поразило меня как не соответствующее сдержанности всех остальных относительно своей личной жизни. После многих лет общения с ними я безоговорочно перенял у них это правило, и теперь ее добровольное желание раскрыть мне свою личную жизнь было для меня очень странным.

– Прости, – сказал я, – неужели ты действительно собираешься рассказать мне о своей личной жизни?

– А почему бы и нет? – ответила она вопросом на вопрос.

Я разразился длинным обстоятельным объяснением на тему того, что дон Хуан говорил мне об обременяющей силе личной истории и о том, что каждому воину необходимо стереть ее. Сказал и то, что он запретил мне когда-либо говорить о моей жизни.

Она звонко расхохоталась, как будто я ее чем-то очень обрадовал.

– Это относится только к мужчинам, – сказала она. – Неделание твоей личной жизни состоит в рассказывании бесконечных историй, в которых нет ни единого слова о тебе реальном. Видишь ли, быть мужчиной означает иметь за спиной солидную историю. У тебя есть семья, друзья, знакомые, и у каждого из них есть определенное представление о тебе. Быть мужчиной означает, что ты должен отчитываться, ты не можешь исчезнуть так просто. Для того, чтобы стереть себя, тебе понадобится уйма труда. Мой случай иной. Я женщина, и это дает мне замечательное преимущество. Мне не надо отчитываться. Известно ли тебе, что женщинам не надо отчитываться?

²⁰ Mesmerize - гипнотизировать; очаровывать, зачаровывать (от имени австрийского психиатра-гипнолога Месмера)

– Я не знаю, что ты имеешь в виду под необходимостью отчитываться.

– Я хочу сказать, что женщина может легко исчезнуть, – сказала она. – Во всяком случае, женщина может выйти замуж, она принадлежит мужу. В семье, где много детей, дочерей очень рано сбрасывают со счетов, никто не рассчитывает на них, и есть шансы, что какая-нибудь из них исчезнет, не оставив следа. Их исчезновение принимается легко. Сын же, с другой стороны, – это некто, на кого делается ставка. Сыну не так легко ускользнуть и исчезнуть. И даже если он это сделает, он оставит после себя следы. Сын чувствует вину за свое исчезновение, дочь – нет.

Когда Нагуаль учил тебя держать язык за зубами относительно твоей личной жизни, он хотел помочь тебе преодолеть чувство, будто ты плохо поступил по отношению к своей семье и друзьям, которые, так или иначе, рассчитывали на тебя. После целой жизни борьбы воин-мужчина, конечно, стирает себя. Но эта борьба не проходит для него даром. Он становится скрытным, он всегда на страже самого себя. Женщине же не приходится преодолевать эти трудности. Женщина всегда готова раствориться в воздухе. Более того, именно этого от нее и ожидают.

Поскольку я – женщина, я не склонна к скрытности. Мне до нее нет дела. Скрытность – это та цена, которую вам, мужчинам, приходится платить за то, что вы имеете значение для общества. Это борьба только для мужчин, потому что они не хотят стирать себя и находят разные смешные способы, чтобы где-нибудь, как-нибудь выделиться. Возьми, например, себя. Ты повсюду разъезжаешь и читаешь лекции.

Флоринда заставляла меня испытывать очень странную нервозность. В ее присутствии я чувствовал странное беспокойство. Я без колебаний признавал, что дон Хуан и Сильвио Мануэль так же заставляли меня нервничать и беспокоиться, но то было совсем другое чувство. Фактически я боялся их, особенно Сильвио Мануэля. Он ужасал меня, но я научился уживаться со своим ужасом.

Флоринда же меня не путала. Моя нервозность, скорее, была следствием моей раздраженности, угрозы, вызванной ее прямоотой. Она не смотрела на меня пристально, как это делали дон Хуан и Сильвио Мануэль. Те всегда фиксировали на мне свой взгляд, пока я не отводил глаз в знак покорности. Флоринда только поглядывала на меня. Ее взгляд постоянно переходил с одного объекта на другой. Она, казалось, рассматривала не только глаза, но и каждый участок моего лица и тела. Разговаривая, она бросала быстрые взгляды то на мое лицо, то на руки, то на свои ноги, то на потолок.

– Я вызываю у тебя чувство неловкости, да? – спросила она.

Ее вопрос застал меня совершенно врасплох. Я рассмеялся. Ее тон совершенно не был угрожающим.

– Да, – сказал я.

– О! Это вполне понятно, – сказала она. – Ты привык быть мужчиной. Женщина для тебя – нечто, созданное для твоего удобства. Женщина для тебя глупа. А тот факт, что ты мужчина и Нагуаль, еще больше все осложняет.

Я почувствовал необходимость защищаться. Я подумал, что эта дама чрезмерно самоуверенна, и собрался было высказать ей это. Я начал длинную фразу, но споткнулся почти немедленно, услышав ее смех. Это был веселый молодой смех. Дон Хуан и дон Хенаро все время смеялись надо мной, и их смех был таким же молодым, но у Флоринды была иная вибрация. В ее смехе не было спешки, не было давления.

– Я думаю, нам лучше войти внутрь, – сказала она, – там нас ничто не будет отвлекать. Нагуаль Хуан Матус уже водил тебя повсюду, показывая мир. Это было важно для того, что он должен был тебе говорить. Я должна говорить о вещах, которые требуют иной обстановки.

Мы сели на кожаную кушетку в небольшой комнате у патио. В помещении я чувствовал себя лучше. Она сразу начала рассказывать историю своей жизни.

Она сказала, что родилась в довольно большом мексиканском городе в богатой семье, и поскольку она была единственным ребенком, родители баловали ее с самого рождения. Без малейшей ложной скромности Флоринда сказала, что всегда осознавала свою красоту, и добавила, что красота – это демон, который множится и процветает при наличии поклонения. Она заверила меня, что может без тени сомнения заявить, что одолеть этого демона труднее всего, и если я посмотрю вокруг на тех, кто красив, то обнаружу самых жалких²¹ существ, каких только можно вообразить.

Я не хотел с ней спорить, хотя мне очень хотелось сказать ей, что она несколько догматична. Должно быть, уловив мое чувство, она подмигнула мне.

– Они жалки, лучше не спорь, – продолжала она, – испытай их. Не соглашайся с их представлением о себе как о красивых и потому значительных, и сразу увидишь, что я имею в виду.

Она сказала, что вряд ли может винить своих родителей или саму себя за свое тщеславие. Все вокруг нее, словно сговорившись, с самого младенчества давали ей возможность чувствовать себя значительной и уникальной.

– Когда мне было пятнадцать, – продолжала она, – я думала, что была чуть ли не самым замечательным существом, когда-либо жившим на Земле. Все говорили это, особенно мужчины.

Затем она сообщила, что в отрочестве наслаждалась вниманием и лестью большого числа обожателей. В 18 лет она обстоятельно выбрала наилучшего мужа из, по меньшей мере, одиннадцати серьезных поклонников и вышла замуж за Селестино, человека с большими средствами, старше ее на пятнадцать лет.

Свою замужнюю жизнь Флоринда описывала, как рай на земле. К огромному кругу имевшихся у нее друзей добавились друзья Селестино, в результате чего получился большой непрекращающийся праздник.

²¹ Wretched – бедный, несчастный; плохой, жалкий, никудышный.

Однако ее блаженство длилось только шесть месяцев, пролетевших незаметно. Все пришло к внезапному и жестокому концу, когда она заболела ужасной, загадочной, уродующей болезнью. Ее левая стопа, лодыжка и икра начали раздуваться, уничтожив прекрасные очертания ноги. Опухоль настолько разрослась, что на ноге начала лопаться кожа. Вся нога ниже колена покрылась язвами и гнойными выделениями. Кожа отвердела, заболевание было диагностировано как слоновья болезнь. Доктора пытались облегчить ее состояние, но их попытки были неуклюжими и болезненными, и они в конце концов решили, что только Европа, где медицинские центры более развиты, может ее исцелить.

За три месяца рай для Флоринды превратился в ад. В отчаянии она думала, что лучше умереть, чем продолжать такие мучения. Ее страдания были так трогательны, что однажды девушка-служанка, будучи не в силах выносить их, призналась ей, что была подкуплена прежней любовницей Селестино, чтобы подложить ей в пищу яд, приготовленный магами. Для искупления своей вины служанка пообещала отвести ее к знахарке, которая, по слухам, является единственным человеком, способным обезвредить яд.

Флоринда усмехнулась, вспомнив свои затруднения. Она была воспитана ревностной католичкой, не верила в колдовство и индейских знахарей. Однако боль была настолько сильна, а положение — так серьезно, что она была готова на все. Селестино категорически возражал. Он хотел сдать служанку властям. Флоринда вмешалась — не столько из жалости, сколько из опасения, что в одиночку она не найдет знахарку.

Внезапно Флоринда встала. Она сказала, что мне пора уезжать, взяла за руку и проводила к двери, как если бы я был старым и дорогим другом. Она объяснила, что я выдохся, потому что находиться в левостороннем осознании — значит быть в особом и неустойчивом состоянии, пользоваться которым следует бережливо. Это, конечно, не состояние силы. Доказательством было хотя бы то, что я чуть не умер, когда Сильвио Мануэль попытался оживить мое второе внимание, заставляя меня смело входить в него. Она сказала,

что на земле не существует такого способа, которым можно было бы кому-либо или самому себе приказать собирать²² знание. Дело это медленное, тело в надлежащее время в принадлежащих обстоятельствах безупречности само собирает знание, без вмешательства желания.

Некоторое время мы стояли у входной двери, обмениваясь тривиальными любезностями. Внезапно она сказала, что причина, по которой Нагуаль Хуан Матус привел меня к ней, состоит в том, что он знал – его время на Земле приходит к концу. Две формы инструктажа, которые я должен был получить в соответствии с руководящим планом Сильвио Мануэля, уже были завершены. Все, что осталось пока не сделанным, – это то, что она должна была сказать мне. Она подчеркнула, что в действительности это не совсем инструктаж, а скорее установление моей с нею связи.

В следующий раз дон Хуан привел меня к Флоринде и перед тем, как оставить у дверей, повторил мне то, что я уже от нее слышал, – что приближается время, когда он и его партия войдут в третье внимание. Не успел я задать ему вопрос, как он втолкнул меня внутрь дома. Его толчок перенес меня не только в дом, но и в мое самое острое состояние осознания. Я увидел стену тумана.

Флоринда стояла в прихожей, как бы ожидая, когда дон Хуан втолкнет меня. Она взяла меня за руку и спокойно провела в гостиную. Мы сели. Я хотел начать разговор, но не мог говорить. Она объяснила, что толчок безупречного воина, подобного Нагуалью Хуану Матусу, может вызвать перемещение в другую область осознания. Она сказала, что я все время ошибался, считая, будто процедуры, как таковые, имеют значение. Процедура вталкивания воина в другое состояние осознания применима только тогда, когда оба участника, и особенно толкающий, безупречны и наполнены личной силой.

Тот факт, что я видел стену тумана, вызвал крайнюю нервность, нервозность на физическом уровне – мое тело

²² To rally - а) вновь собирать или сплачивать (для совместных усилий, продолжения борьбы и т. п.; сплачивать, собирать под чьим-л. командованием (армию и т. п.); собираться (с силами, мыслями и т. п.) ; овладевать собой (усилием воли).

неудержимо дрожало. Флоринда сказала, что мое тело дрожит, потому что я привык стремиться к активности во время нахождения в этом состоянии осознания, но что мое тело также может научиться фокусировать свое самое острое внимание на том, что говорится, а не на том, что делается.

Она сказала, что введение в левостороннее осознание является своего рода ставкой на будущее. Заставляя меня входить в состояние повышенного осознания и позволяя взаимодействовать со своими воинами только тогда, когда я нахожусь в этом состоянии, Нагуаль получает уверенность, что в будущем у меня будет ступенька, на которую я смогу встать. Флоринда сказала, что его стратегия состояла в выращивании небольшой части другого «я» путем намеренного наполнения ее воспоминаниями о взаимодействиях. Это забудется, чтобы когда-нибудь впоследствии всплыть на поверхность и послужить отправной точкой для путешествия в неизмеримую безбрежность другого «я».

Поскольку я сильно нервничал, она предложила успокоить меня, продолжив рассказ о своей жизни, который в действительности являлся не историей ее жизни в мире как женщины, а повествованием о том, как богатой, избалованной никчемности помогли стать воином.

Как только она решила навестить знахарку, остановить ее было уже нельзя. Она отправилась на носилках, которые несли четверо слуг-мужчин в сопровождении служанки в двухдневное путешествие, изменившее весь ход ее жизни. Дороги не было. Они шли по горам, и иногда мужчинам приходилось нести ее на спине.

К дому знахарки они прибыли в сумерках. Место было хорошо освещено, в доме находилось множество людей. Какой-то обходительный старик сообщил ей, что знахарка поехала лечить пациента и вернется через день. Этот человек, казалось, был прекрасно осведомлен о деятельности знахарки, и Флоринде было легко разговаривать с ним. Он был заботлив и признался, что он тоже пациент. Свою болезнь он описал как неизлечимое состояние, заставляющее его забывать весь мир. Они дружески проболтали допоздна. Старик был настолько внимателен, что даже уступил ей

свою постель, чтобы она могла отдохнуть и подождать возвращения знахарки.

Наутро она проснулась от острой боли в ноге. Какая-то женщина двигала ее ногу, нажимая на нее кусочком отполированного дерева.

– Знахарка была очень симпатичной женщиной, – продолжала Флоринда. – Она взглянула на мою ногу и покачала головой, сказав: «Я знаю, кто это сделал. Должно быть, ему хорошо заплатили, или же он убежден, что ты – совсем бесполезное человеческое существо. Как ты думаешь, какое из этих двух мнений вернее?»

Флоринда засмеялась. Она приняла тогда знахарку за сумасшедшую или грубую и невоспитанную бабу. Она представить себе не могла, чтобы кто-нибудь в мире мог поверить, будто она – бесполезное человеческое существо. Несмотря на испытываемую ею жуткую боль, она многословно дала понять этой женщине, что является богатой и важной персоной, посмеяться над которой никому и в голову не придет.

Флоринда сказала, что знахарка сразу изменила свое отношение к ней. Она как будто испугалась и начала обращаться к ней уважительно «мисси», встала со стула и выпроводила всех из комнаты. Когда они остались одни, знахарка уселась Флоринде на грудь и перегнула ее голову через край кровати. Флоринда отбивалась, думая, что ее хотят убить. Она пыталась закричать, но знахарка, быстро накинута ей на голову одеяло и заткнула нос. Ей пришлось дышать открытым ртом, чтобы не задохнуться. Чем больше Флоринде сдавливали грудь, тем сильнее она открывала рот. Когда она поняла, что знахарка делает на самом деле, она уже выпила всю гадко пахнущую жидкость, содержащуюся в большой бутылке, которую знахарка сунула ей в рот. Флоринда обратила внимание, что знахарка так хорошо манипулировала ею, что она даже не захлебнулась, хотя ее голова свисала с края кровати.

– Я выпила так много снадобья, что меня чуть не вырвало, – сказала Флоринда.

Знахарка усадила меня и, не мигая, смотрела мне в глаза. Я хотела сунуть пальцы в рот, чтобы вызвать рвоту. Она отхлестала меня по щекам, пока мои губы не стали кровоточить. Индеанка бьет меня по лицу! Разбивает губы в кровь! Ни отец, ни мать никогда меня пальцем не тронули. Мое изумление было так велико, что я забыла о неудобстве в желудке.

Она позвала моих людей и велела им нести меня домой. Затем наклонилась к самому моему уху.

– Если ты не вернешься через девять дней, ты, ишачья задница, раздуешься как жаба, и будешь умолять бога о смерти.

Флоринда сказала, что жидкость вызвала у нее в горле раздражение. Она не могла сказать ни слова. Это, однако, оказалось наименьшим из ее огорчений. Когда она добралась до дома, Селестино был уже вне себя, поджидая ее. Не имея возможности говорить, она могла лишь наблюдать за ним. Она заметила, что его злость никак не связана с огорчением из-за ее здоровья, она связана с высоким положением, которое он занимал в обществе. Он был не в состоянии перенести того, что его влиятельные друзья могут узнать, что он обращался к индейским знахарям. Он был в ярости, вопя, что собирается подать жалобу армейскому начальству, взять солдат, поймать знахарку и привезти ее в город, чтобы ее избили и бросили в тюрьму. Это не было пустой угрозой. Он действительно надавил на военное начальство, чтобы за знахаркой выслали отряд. Несколько дней спустя солдаты вернулись, сообщив, что женщина пропала.

Служанка успокоила Флоринду, сказав, что знахарка будет ждать ее, если она вернется назад. Хотя воспаление в горле было таким сильным, что она не могла есть твердой пищи. Флоринда не могла дождаться того дня, когда ей нужно будет навестить знахарку. Боль в ноге стала меньше!

Когда она сообщила Селестино о своих намерениях, он настолько разъярился, что нанял себе помощников, чтобы самолично положить конец этой чертовщине. С тремя верными людьми он отправился верхом впереди нее.

Когда Флоринда прибыла к дому знахарки, ожидая увидеть ее, возможно, мертвой, она обнаружила Селестино, сидевшего в одиночестве. Он отправил своих людей в три ближайших селения, приказав привести знахарку силой, если потребуется. Флоринда увидела старика, встреченного ею здесь в прошлый раз. Он пытался успокоить ее мужа, уверяя, что кто-нибудь из ее посыльных обязательно вернется вместе с женщиной.

Как только Флоринду положили на крыльцо в переднем дворике, знахарка сразу вышла из дома. Она начала оскорблять Селестино, выкрикивая всякие обидные вещи, пока он не пришел в такую ярость, что бросился на нее с кулаками. Старик стал удерживать его и просить не трогать женщину. Он встал на колени, говоря, что это старая женщина. Селестино не обращал на это никакого внимания. Он сказал, что собирается отхлестать ее нагайкой, несмотря на возраст. Он подошел, чтобы схватить ее, но внезапно замер на месте. Шестеро страшного вида мужчин вышли из кустов, размахивая мачете. Страх приковал Селестино к месту. Он мертвенно побледнел. Знахарка подошла к нему и сказала, что либо он добровольно позволит отхлестать себя нагайкой по ягодицам, либо будет разрублен на куски ее помощниками. Несмотря на свою гордость, он покорно согнулся для того, чтобы его отхлестали. За несколько секунд знахарка превратила его в беспомощного человека. Она смеялась ему в лицо, зная, что он бессилен. Он попался в ее ловушку, как беспечный дурак, каким он и был, опьяненный своими раздутыми представлениями о собственной значимости.

Флоринда взглянула на меня и улыбнулась. Немного помолчав, она продолжила:

– Первым принципом искусства сталкинга является то, что воин сам выбирает место для битвы. Воин никогда не вступает в битву, не зная окружающей обстановки. Своей битвой с Селестино знахарка продемонстрировала мне первый принцип сталкинга. Затем она подошла к тому месту, где я лежала. Я плакала. Это было единственное, что я могла делать. Она, казалось, сочувствовала мне.

Подоткнув одеяло вокруг моих плеч, она улыбнулась и подмигнула мне.

– Дело еще не окончено, ишачья задница, – сказала она. – Возвращайся так быстро, как только сможешь, если хочешь жить, но не приводи больше с собой своего хозяина, ты, маленькая шлюшка. Приходи только с теми, кто абсолютно необходим.

По молчанию Флоринды я понял, что она ждет моих замечаний.

– Отбросить все, что не является необходимым, – вот второй принцип искусства сталкинга, – изрекла она, не дав мне раскрыть рта.

Ее рассказ так сильно захватил меня, что я не заметил, как исчезла стена тумана. Я просто осознавал, что ее больше нет. Флоринда поднялась со стула и повела меня к двери. Некоторое время мы постояли, как и после нашей первой встречи.

Флоринда сказала, что злость Селестино позволила знахарке указать ее телу, а не рассудку, первых три заповеди правила для сталкеров. Несмотря на то, что ее ум был полностью сфокусирован на ней самой, поскольку для нее не существовало ничего, кроме ее физической боли и страха утратить свою красоту, ее тело все же осознало все случившееся и в дальнейшем нуждалось лишь в напоминании, чтобы расставить все по своим местам.

– У воинов отсутствует мир самозащиты, поэтому они должны иметь правило, – продолжала она. – Однако правило сталкеров приложимо ко всем.

Раздражение Селестино стало его уничтожением и началом моего инструктажа и освобождения. Его собственная значительность, бывшая в такой же степени и моей, заставляла нас обоих верить в то, что мы практически превыше всех в мире. Знахарка же свела нас к тому, чем мы и были в действительности, – к нулю.

Первая заповедь правила состоит в том, что все, окружающее нас, является непостижимой тайной.

Вторая заповедь правила состоит в том, что мы должны пытаться раскрыть эту тайну, даже не надеясь добиться этого.

Третья заповедь состоит в том, что воин, зная о непостижимой тайне, окружающей его, и о своем долге пытаться раскрыть ее, занимает свое законное место среди тайн и сам себя рассматривает как одну из них. Следовательно, воин не знает конца тайны бытия, будь то тайна бытия камешка, муравья или его самого. В этом заключается смирение воина. Каждый равен всему остальному.

Последовало длительное вынужденное молчание. Флоринда улыбнулась, играя кончиком своей длинной косы. Она сказала, что с меня довольно.

Когда мы в третий раз приехали к Флоринде, дон Хуан не оставил меня у дверей, а вошел вместе со мной. Все члены его партии собрались в этом доме и приветствовали меня, как будто я возвратился после долгого путешествия. Это было исключительное событие. Оно соединило Флоринду в моих чувствах со всеми ими, поскольку она впервые находилась с ними в моем присутствии.

Когда я на следующий раз пришел к Флоринде, дон Хуан неожиданно толкнул меня, как он делал это раньше. Мое потрясение не знало границ. Флоринда ожидала меня в прихожей. Я мгновенно вошел в то состояние, когда была видна стена тумана.

— Я рассказывала тебе, как мне показывали принципы искусства сталкинга, — сказала она, как только мы уселись на кушетке в ее гостиной. — Теперь ты должен сделать то же самое для меня. Как их тебе показывал дон Хуан Матус?

Я ответил, что сразу вспомнить не могу. Мне нужно подумать, а думать-то я и не могу — мое тело испугано.

— Не усложняй, — сказала она командным голосом, — стремись к тому, чтобы быть простым. Приложи всю свою имеющуюся у тебя сосредоточенность и реши, вступать или не вступать в битву, потому

что любая битва – это битва за собственную жизнь. Это – третий принцип искусства сталкинга. Воин должен хотеть и быть готовым стоять до конца здесь и сейчас. Но не как попало.

Я просто не мог справиться с мыслями. Я прилег на кушетку, вытянув ноги, и глубоко вздохнул, чтобы расслабить середину тела, которая, казалось, была завязана в узел.

– Хорошо, – сказала Флоринда, – я вижу, ты применяешь четвертый принцип искусства сталкинга. Расслабься, отступи от себя, ничего не бойся. Только тогда силы, ведущие нас, откроют нам дорогу и помогут нам. Только тогда.

Я попытался вспомнить, как дон Хуан показывал мне принципы сталкинга. По какой-то необъяснимой причине мои мысли отказывались сосредоточиться на моем прежнем опыте. Дон Хуан представлялся в очень смутном воспоминании. Я поднялся и стал осматриваться по сторонам.

Комната, в которой мы находились, была хорошо обставлена. Пол покрывали темно-желтые плитки. В их укладке чувствовалась рука мастера. Я собирался осмотреть мебель и пошел в направлении красивого темно-коричневого стола. Флоринда подбежала и сильно встряхнула меня.

– Ты правильно применил пятый принцип искусства сталкинга. – сказала она. – Теперь не давай себе уйти в сторону.

– Что это за пятый принцип? – спросил я.

– Встречаясь со сложностями, с которыми он не может совладать, воин на какое-то время отступает, позволяя своим мыслям бродить бесцельно. Воин занимается чем-нибудь другим. Тут годится все, что угодно.

Ты сделал как раз это, а теперь, когда ты это совершил, тебе следует применить шестой принцип: воин сжимает время, даже мгновение идет в счет. В битве за собственную жизнь секунда – это вечность, вечность, которая может решить исход сражения. Воин

нацелен на успех, поэтому он сжимает время. Воин не теряет ни мгновения.

Внезапно шквал воспоминаний ворвался в мое сознание. Я возбужденно сказал Флоринде, что, конечно же, могу вспомнить, когда дон Хуан впервые ознакомил меня с этими принципами. Флоринда приложила палец к губам, требуя этим жестом молчания. Она сказала, что была только заинтересована свести меня лицом к лицу с принципами, но не хочет, чтобы я делился с ней своими воспоминаниями.

Флоринда продолжила свое повествование. Она сказала, что знахарка велела ей еще раз прийти к ней без Селестино и дала выпить состав, который почти мгновенно уменьшил ее боль. Затем она прошептала, что Флоринда должна сама принять мгновенное решение, что она должна занять свой ум чем угодно, но как только решение будет принято, ей не следует терять ни секунды.

Дома она заявила о своем желании вернуться назад. Селестино ничего возразить не мог, потому что ее решимость была непоколебима.

– Почти сразу я отправилась к знахарке, – продолжала Флоринда. – На этот раз мы ехали на лошадях. Я взяла с собой своих доверенных слуг: служанку, давшую мне яд, и мужчину, чтобы присматривать за лошадьми. При переходе через эти горы нам пришлось нелегко. Лошади нервничали из-за запаха моей ноги. Сама того не сознавая, я применила третий принцип искусства сталкинга. Я поставила свою жизнь или то, что от нее осталось, на карту. Я, так или иначе, умирала. Это – факт, что когда человек уже наполовину мертв, как в моем случае, и когда это приносит сильное неудобство, а не страшную боль, появляется склонность к лени и слабости, исключаяющая какое бы то ни было усилие.

Я оставалась в доме знахарки в течение шести дней. Уже на второй день я чувствовала себя лучше. Опухоль начала спадать. Выделения из ноги прекратились. Боль стихла, и только когда я пыталась ходить, чувствовалась слабость в коленях.

На шестой день она взяла меня в свою комнату и была очень заботлива со мной. Оказывая всяческое внимание, она усадила меня на постель и подала кофе. Сама она уселась на полу у моих ног лицом ко мне. Сказанное ею я могу вспомнить дословно: «Ты очень, очень больна, и только я могу тебя вылечить. Если я этого не сделаю, ты умрешь такой смертью, что и представить себе невозможно. Поскольку ты слабоумна, ты будешь жить до самого конца. С другой стороны, я могу вылечить тебя в один день, но не сделаю этого. Ты будешь приходить сюда до тех пор, пока не поймешь того, что я тебе показываю. Только тогда я излечу тебя полностью. Если я сделаю иначе, то ты, будучи слабоумной, никогда не вернешься назад».

Знахарка с огромным терпением объяснила ей нюансы своего решения помочь ей, но Флоринда не поняла ни слова. Эти подробности еще больше уверили ее в том, что знахарка несколько не в себе.

Когда знахарка сообразила, что до Флоринды ничего не доходит, она стала более суровой и заставляла ее повторять, как ребенка, что без помощи знахарки ее жизнь закончена и что она, знахарка, может выбрать прекратить лечение и оставить ее умирать. В конце концов, когда Флоринда начала упрашивать побыстрее закончить лечение и отослать ее домой к семье, женщина потеряла терпение. Она подняла бутылку с лекарством, разбила ее о землю и заявила Флоринде, что больше знать ее не хочет.

Тогда Флоринда заплакала – это были единственные настоящие слезы в ее жизни. Она сказала знахарке, что хочет только одного – быть здоровой и что она более чем согласна заплатить за это. Женщина ответила, что оплата деньгами уже опоздала и что единственное, чего она хочет, – это ее внимания, а не денег.

Флоринда призналась мне, что за свою жизнь она научилась добиваться того, чего хотела. Она знала, что значит быть упрямой. Поэтому она заговорила о том, что к знахарке обращались тысячи пациентов, таких же полумертвых, как и она, и что знахарка брала их деньги. Почему же ее случай иной? Флоринде ничего не сказало

объяснение женщины, что, будучи видящей, она видела светящееся тело Флоринды, и это тело в точности такое, как у знахарки. Флоринда решила, что та, наверняка, сошла с ума, раз не понимает, что между ними целая пропасть различий. Знахарка была грубой индеанкой, необразованной и примитивной, в то время как Флоринда была богатой, красивой и белой.

Флоринда поинтересовалась, что та собирается с ней делать. Знахарка ответила, что ей поручено вылечить ее, а затем обучить чему-то очень важному. Флоринда спросила, кто это поручил. Женщина сказала, что поручил Орел, – этот ответ окончательно убедил Флоринду в том, что женщина окончательно спятила. И все же Флоринда не видела никакого способа противиться требованиям женщины. Она сказала ей, что согласна делать все, что угодно.

Женщина мгновенно изменила свое отношение к ней, дала Флоринде с собой снадобье и велела возвращаться, как только она сможет.

– Как ты знаешь и сам, учитель должен применить к ученику трюк. Она использовала трюк с моей болезнью. Она была права, я представляла собой такую идиотку, что если бы она меня вылечила сразу, то я вернулась бы к своей прежней глупой жизни, как будто со мной ничего не случилось. Разве не все мы поступаем так же?

Флоринда вернулась на следующей неделе. Когда она подъезжала, ее приветствовал старик, которого она встречала раньше. Он заговорил с ней, как будто они были лучшими друзьями, и сказал, что знахарка на несколько дней уехала, но оставила для нее лекарство, на тот случай, если она появится. Он сообщил Флоринде дружески, но с металлом в голосе, что у нее есть только два варианта – либо возвратиться домой в состоянии гораздо более худшем из-за утомительного путешествия, либо в точности следовать тщательно разработанным инструкциям знахарки. Он добавил, что если она решит остаться и начать лечение прямо сейчас, то через три – четыре месяца она будет совершенно здоровой. Здесь, однако, есть трудность – если она решит остаться, то ей придется пробыть в доме знахарки восемь следующих дней, а поэтому слуг надо отослать домой.

Флоринда сказала, что решать тут нечего – она остается. Старик немедленно дал ей лекарство, оставленное для нее знахаркой. Он просидел с ней большую часть ночи, поддерживая ее беседой, и его спокойная речь пробудила во Флоринде оптимизм и уверенность.

Двое ее слуг уехали на следующее утро после завтрака. Флоринда совсем не боялась. Она глубоко доверяла старику. Он сказал ей, что должен построить ящик для ее лечения в соответствии с инструкциями знахарки. Он усадил ее на низкий стульчик, установленный в центре круглой площадки, лишенной всякой растительности. Пока она сидела там, старик познакомил ее с тремя молодыми людьми, являвшимися, по его словам, его помощниками. Двое были индейцами, третий – белый.

Им четверым понадобилось меньше часа, чтобы соорудить ящик вокруг стула, на котором сидела Флоринда. Когда они закончили, она оказалась аккуратно заключенной в ящике, крышка которого имела решетку для вентиляции. Одна из его сторон висела на петлях и служила дверью. Старик открыл дверь и помог Флоринде выйти оттуда. Он привел ее в дом и попросил помочь приготовить для нее лекарство, чтобы иметь его под рукой к тому времени, когда вернется знахарка.

Флоринда была очарована тем, как он работал. Сначала он приготовил отвар из растений с острым запахом и ведро горячей жидкости. Затем предложил, чтобы для удобства она погрузила ногу в ведро и, если пожелает, выпила приготовленное им лекарство, пока оно не потеряло силу. Флоринда молча повиновалась. После этого она испытала значительное облегчение.

Затем старик выделил ей комнату и велел молодым людям поставить ящик внутри комнаты. Он сказал, что может пройти несколько дней, прежде чем знахарка вернется, и тем временем ей следует тщательно выполнять все ее инструкции. Она согласилась, и он написал список заданий. Туда входило очень много ходьбы для того, чтобы собирать лекарственные растения, необходимые для целительного снадобья для нее, и предусматривалось, чтобы она оказывала помощь в его приготовлении.

Флоринда сказала, что провела там двенадцать дней вместо восьми, потому что ее слуги задержались из-за проливных дождей. Только на десятый день она обнаружила, что знахарка никуда не уезжала и что подлинным целителем был старик.

Флоринда смеялась, описывая свое потрясение. Старик заманил ее в активное участие в собственном излечении. Более того, под предлогом, что этого требует знахарка, он ежедневно держал ее в ящике, по крайней мере, по шесть часов для того, чтобы выполнять особое задание, которое он называл «пересмотром²³».

В этом месте своего рассказа Флоринда внимательно осмотрела меня и заключила, что с меня достаточно и что мне пора уходить.

При нашей последующей встрече она объяснила, что старик был ее бенефактором и что она была первым сталкером, которого женщины из партии бенефактора нашли для Нагуаля Хуана Матуса. Но тогда ничего этого она не знала. Несмотря на то, что бенефактор сместил ей уровни осознания и открыл смысл происходящего, это оказалось бесполезным. Она была возвращена, чтобы быть красивой, и это создавало вокруг нее такой непроницаемый щит, что она не поддавалась переменам.

Ее бенефактор пришел к выводу, что ей нужно время. Он разработал план, чтобы вывести Селестино на поле битвы Флоринды. Он дал ей возможность увидеть в личности Селестино такие вещи, о которых она знала сама, но не имела мужества взглянуть на них самостоятельно. У Селестино было сильное чувство собственности, относящееся ко всему, чем он владел. Среди его владений и богатства Флоринда занимала очень важное место. Он был вынужден проглотить свою гордость из-за унижения в руках целительницы, потому что целительница было дешевой и Флоринда действительно поправлялась. Он ждал своего часа, когда лечение будет закончено, чтобы отомстить.

Флоринда сказала, что ее бенефактор знал об опасности того, что в случае быстрого выздоровления Селестино может решить, коль скоро именно он принимает решения в семье, будто Флоринде

²³ Recapitulation – краткое повторение, вывод, резюме.

больше не нужно видеть своего лекаря. Бенефактор дал ей особую мазь, чтобы смазывать ею другую ногу. Мазь была очень терпкой и вызывала раздражение на коже, напоминавшее распространение болезни. Бенефактор посоветовал ей пользоваться раствором каждый раз, когда ей захочется поехать повидать его, даже если ей не надо будет никакого лечения.

По словам Флоринды, на лечение ушел год. За это время бенефактор познакомил ее с правилом и муштровал, как солдата, в искусстве сталкинга. Он заставил ее применять принципы сталкинга ко всему, чем она занималась ежедневно, начав с самого малого и ведя ее к применению их в отношении основных вещей в ее жизни.

За этот год ее познакомили с Нагуалем Хуаном Матусом, которого она описала как очень умного и вдумчивого, но все еще самого ненадежного и ужасающего человека, которого она когда-либо встречала. Она сказала, что именно Нагуаль помог ей бежать от Селестино. Он и Сильвио Мануэль украдкой вывезли ее из города через полицейские и военные кордоны. Селестино подал жалобу в суд по поводу ее побега и, будучи человеком влиятельным, использовал все свои ресурсы, чтобы помешать ей покинуть его. Из-за этого ее бенефактор вынужден был переехать в другую часть Мексики, а она, спрятавшись, несколько лет пребывать в его доме. Такое положение устраивало Флоринду, поскольку она должна была выполнить задачу пересмотра, а для этого нуждалась в абсолютной тишине и одиночестве.

Она объяснила, что пересмотр является основной силой сталкера, так же, как тело сновидения является основной силой сновидящих. Пересмотр состоит из вспоминания собственной жизни вплоть до самых незначительных деталей. Таким образом, ее бенефактор дал ей ящик как средство и как символ. Это было средство, которое должно было позволить ей научиться концентрации, потому что ей придется сидеть там долгие годы, пока вся жизнь не пройдет у нее перед глазами, и одновременно это был символ — символ узости границ нашей личности. Ее бенефактор сказал, что когда она закончит свой пересмотр, то разломает ящик,

символизируя этим, что она больше не связана ограничениями собственной личности.

Она сказала, что сталкеры пользуются ящиками или земляными гробами для того, чтобы закрываться в них, пока они вновь переживают, а не просто вспоминают, каждое мгновение своей жизни. Причина, по которой сталкеры должны просматривать свою жизнь так подробно, состоит в том, что дар Орла человеку включает в себя его согласие принять вместо настоящего осознания суррогат, если такой суррогат окажется совершенной копией. Флоринда объяснила, что поскольку осознание является пищей Орла, Орел может удовлетвориться в совершенстве выполненным пересмотром вместо осознания.

Затем Флоринда сообщила мне основы пересмотра. Она сказала, что первая стадия – это краткий учет всех случаев нашей жизни, которые явным образом подлежат просмотру. Вторая стадия – это более полное вспоминание, начинающееся систематически с точки, которой может быть момент, предшествовавший тому, когда сталкер сел в ящик, и теоретически может простирается вплоть до рождения человека.

Она заверила меня, что совершенный пересмотр может изменить воина настолько же, если не больше, как и полный контроль над телом сновидения. В этом смысле, как искусство сновидения, так и искусство сталкинга ведут к одному и тому же – к входу в третье внимание. Для воина, однако, важно знать и практиковать как то, так и другое. Она сказала, что женщинам требуются разные конфигурации светящегося тела для того, чтобы добиться мастерства в одном или в другом. Мужчины же, с другой стороны, могут делать и то, и другое довольно легко, но они никогда не способны достичь такого уровня мастерства, которого в каждом искусстве достигают женщины.

Флоринда объяснила, что ключевым моментом пересмотра является дыхание. Дыхание для нее было магическим, потому что это функция, дающая жизнь. Она сказала, что пересматривать легко, если уменьшить сферу стимуляции вокруг тела. В этом и состоял смысл ящика. Затем дыхание будет способствовать все более

и более глубоким воспоминаниям. Теоретически сталкеры должны вспомнить каждое чувство, которое они испытали в своей жизни, и этот процесс начинается с дыхания. Она предупредила меня, что те вещи, которым она меня учит, являются лишь предварительными и что в другое время и в другой обстановке она научит меня тонкостям.

Она сказала, что ее бенефактор велел ей написать список тех событий, которые ей надо было пережить повторно. Он сообщил, что процедура начинается с начального дыхания. Сталкер начинает с того, что его подбородок лежит на правом плече, и по мере медленного вдоха он поворачивает голову по дуге на 180 градусов. Вдох заканчивается, когда подбородок укладывается на левое плечо. После того, как вдох окончен, голова возвращается в первоначальное положение в расслабленном состоянии. Выдыхает сталкер, глядя прямо перед собой.

Затем сталкер берет событие, стоящее в его списке на первом месте, и вспоминает его до тех пор, пока в памяти не всплывут все чувства, которые это событие вызвало. В то время как сталкер помнит те чувства, которые были вложены им, во что угодно из того, что он вспоминает, он делает медленный вдох, перемещая голову с правого плеча на левое. Функция этого вдоха состоит в том, чтобы восстановить энергию. Флоринда сказала, что светящееся тело постоянно создает паутинообразные нити, выходящие из светящейся массы, выталкиваемые разного рода эмоциями. Поэтому каждая ситуация взаимодействия или ситуация, в которой задействованы чувства, потенциально опустошительна для светящегося тела. Вдыхая справа налево при воспоминании чувства, сталкер, используя магию дыхания, подбирает нити, оставленные им позади. Сразу за этим следует выдох слева направо. С его помощью сталкер освобождается от тех нитей, которые оставили в нем другие светящиеся тела, участвовавшие в припоминаемом событии.

Она сказала, что это – обязательная подготовительная ступень сталкинга, через которую прошли все члены ее партии как через введение в более сложные упражнения этого искусства. Если сталкеры не прошли этой подготовительной ступени для того, чтобы вернуть нити, оставленные ими в мире, а в особенности для того,

чтобы выбросить нити, оставленные в них другими, нет никакой возможности практиковать контролируемую глупость, потому что эти чужие нити являются основой для безграничной способности к самозначительности. Для того чтобы практиковать контролируемую глупость, поскольку это не является способом дурачить людей, наказывать их или чувствовать свое превосходство над ними, нужно быть способным смеяться над самим собой. Флоринда сказала, что одним из результатов детального пересмотра является искренний смех при столкновении лицом к лицу со скучным повторением самоуважения²⁴, лежащего в основе всех человеческих взаимодействий.

Флоринда подчеркнула, что правило определяет искусство сновидения и искусство сталкинга именно как виды искусства. Следовательно, это что-то такое, что человек исполняет. Она сказала, что дающая жизнь природа дыхания является тем, что дает в то же время и способность очищаться. Именно эта способность превращает пересмотр в практическое дело.

При нашей следующей встрече Флоринда подвела итоги тому, что она назвала последнеминутными указаниями. Она сказала, что поскольку общее заключение Хуана Матуса и его воинов состояло в том, что мне не придется иметь дело с миром повседневной жизни, они обучали меня искусству сновидения вместо искусства сталкинга. Она объяснила, что это заключение было радикально пересмотрено и что они оказались в неудобном положении. У них не осталось времени на то, чтобы обучить меня искусству сталкинга. Ей придется отстать, задержавшись на периферии третьего внимания для того, чтобы выполнить свою задачу позднее, когда я буду готов. С другой стороны, если я покину мир вместе с ними, то эта обязанность будет с нее снята.

Флоринда сказала, что самыми важными задачами, которые может выполнить воин, ее бенефактор считал три основных техники сталкинга — ящик, список событий для пересмотра и дыхание сталкера. По его мнению, наиболее действенным средством для потери человеческой формы является глубокий пересмотр. После пересмотра своей жизни сталкерам легче использовать все

²⁴ Self-esteem – самоуважение; чувство собственного достоинства; самолюбие.

неделания самого себя, такие, как стирание личной истории, потеря собственной значительности, ломка привычек и т. п.

Бенефактор Флоринды дал им всем пример того, о чем он говорил, сначала действуя из собственных предпосылок, а затем дав им разумные основания война относительно своих поступков. В ее случае он, будучи мастером сталкинга, разыграл представление с ее болезнью и излечением, которое не только совпадало с путем война, но и было мастерским введением в семь основных принципов искусства сталкинга.

Сначала он затащил Флоринду на свое собственное поле битвы, где она оказалась в его руках. Он заставил ее отбросить то, что не было существенным; он научил ее ставить свою жизнь на карту при помощи решения; он обучил ее расслаблению; для того, чтобы помочь ей заново собрать свои ресурсы, он заставил ее войти в совершенно новое состояние оптимизма и уверенности в себе; он научил ее уплотнять время; и, наконец, он показал ей, что сталкер никогда не выставляет себя вперед.

Наибольшее впечатление на Флоринду произвел последний принцип. По ее мнению, он сводил воедино все то, что она хотела сказать мне в своих последнеминутных указаниях.

– Мой бенефактор был вождем, – сказала Флоринда, – и в то же время, глядя на него, никто бы в это не поверил. Он всегда выдвигал вперед кого-нибудь из своих воинов-женщин, в то время как сам свободно вращался среди пациентов, притворяясь одним из них или изображая старого дурака, постоянно подметающего сухие листья самодельной метлой.

Флоринда объяснила, что для того, чтобы применять седьмой принцип искусства сталкинга, необходимо использовать остальные шесть. Поэтому ее бенефактор как бы наблюдал за всем происходящим из-за кулис, благодаря чему он мог избегать конфликтов или отражать их. Возможная угроза всегда была направлена не на него, а на его передовую линию – на женщину-воина.

– Надеюсь, теперь ты понял, – продолжала она, – что только мастер-сталкер может быть мастером контролируемой глупости. Контролируемая глупость не сводится к тому, чтобы просто дурачить людей. Ее смысл в применении воином семи основных принципов сталкинга ко всему, что он делает, начиная от самых тривиальных поступков до ситуаций жизни и смерти. Применение этих принципов приводит к трем результатам. Первый – сталкер обучается никогда не принимать самого себя всерьез, уметь смеяться над собой. Если он не боится выглядеть дураком, он может одурачить любого. Второй – сталкер обучается бесконечному терпению. Он никогда не спешит и никогда не волнуется. Третий – сталкер бесконечно расширяет свои способности к импровизации.

Флоринда поднялась. Как обычно, мы сидели в ее гостиной. Я сделал вывод, что наш разговор окончен. Она сказала, что у нее есть еще одна тема, с которой она хочет меня познакомить, прежде чем попрощаться, и привела в другое патио. Никогда раньше я не бывал в этой части ее дома. Она мягко позвала кого-то, и из комнаты вышла женщина. Сначала я не узнал ее. Женщина обратилась ко мне по имени, и только тут я сообразил, что это донья Соледад, но совершенно изменившаяся. Она стала намного моложе и сильнее.

Флоринда сказала, что Соледад провела в ящике для пересмотра пять лет и что Орел принял этот пересмотр вместо осознания и отпустил ее на свободу. Донья Соледад подтвердила это кивком головы. Флоринда резко прервала нашу встречу, сказав, что мне пора уходить, потому что у меня больше не осталось энергии.

После этого я еще неоднократно бывал в доме Флоринды, но каждый раз видел ее всего несколько секунд. Она сказала, что решила больше не инструктировать меня, потому что для меня лучше иметь дело только с доньей Соледад.

Мы с доньей Соледад встречались несколько раз, но то, что происходило между нами во время этих встреч, оставалось для меня абсолютно непонятным. Каждый раз, когда мы оказывались вдвоем, она усаживала меня у двери ее комнаты лицом к востоку. Сама она садилась справа, касаясь меня. Затем мы останавливали вращение стены тумана и оставались оба лицом к югу внутри ее комнаты.

Я уже научился останавливать вращение стены тумана с Ла Гордой. Донья Соледад, казалось, помогала мне понять другой аспект этой способности восприятия. Мы с Ла Гордой правильно заметили, что лишь какая-то часть меня останавливает стену. Как будто я внезапно делился надвое. Часть моего полного «я» смотрела вперед и видела неподвижную стену справа, тогда как другая, более крупная часть моего полного «я», поворачивалась на 90 градусов вправо и смотрела на стену в упор.

Каждый раз, когда мы с доньей Соледад останавливали стену, мы продолжали пристально смотреть на нее, но никогда не входили в пространство между параллельными линиями, как я делал это неоднократно вместе с женщиной-нагуаль и Ла Гордой. Донья Соледад заставляла меня каждый раз вглядываться в туман, как если бы он был чем-то вроде зеркала, и я всегда испытывал необычное нарушение ассоциаций. Проносясь как будто бы на необычайной скорости, я мог видеть фрагменты ландшафтов, формирующихся в тумане, и внезапно оказывался в иной физической реальности. Это был горный район, каменистый и неприветливый. Там всегда находилась донья Соледад в обществе милой женщины, громко смеявшейся надо мной.

Моя неспособность вспомнить то, что мы делали после этого момента, была еще более острой, чем неспособность помнить то, что женщина-нагуаль, Ла Горда и я делали в пространстве между параллельными линиями.

Казалось, мы с доньей Соледад входили в другую область осознания, не известную мне. Я уже побывал в том состоянии, которое считал самым острым состоянием своего осознания, и, тем не менее, было что-то еще более острое. Тот аспект второго внимания, который донья Соледад, очевидно, показывала мне, был еще более сложным и недоступным, чем все, с чем я встречался до сих пор. Все, что я мог вспомнить, — это ощущение неимоверного множества движений, чисто физическое ощущение, подобное тому, какое испытываешь, пройдя несколько миль пешком или возвратившись с горной прогулки. У меня также была телесная уверенность, хотя я и не мог сказать, почему, что донья Соледад, эта женщина и я

обменивались словами, мыслями и чувствами, но я не мог их припомнить.

После каждой встречи с доньей Соледад Флоринда немедленно выпроваживала меня. Словесно донья Соледад передавала минимальную часть информации. Мне показалось, что пребывание в состоянии настолько повышенного осознания оказывало на нее такое влияние, что она едва могла говорить. Было что-то такое, что мы видели в этой горной местности, помимо той милой женщины, или что-то, что мы делали вместе, что заставляло нас буквально валиться без сил. Она тоже ничего не могла вспомнить, хотя и пыталась.

Я попросил Флоринду разъяснить природу моих путешествий с доньей Соледад. Она сказала, что часть ее последнеминутных инструкций состояла в том, чтобы заставить меня войти в состояние второго внимания так, как это делают сталкеры, и что донья Соледад еще более способна, чем она сама, провожать меня в измерение сталкеров.

На той нашей встрече, которая должна была стать последней, Флоринда, как обычно, ожидала меня в прихожей. Она взяла меня за руку и проводила в гостиную. Мы сели. Она предупредила меня, чтобы я пока не пытался осмысливать свои путешествия с доньей Соледад. Она объяснила, что сталкеры, в том, как они обращаются с миром вокруг них, в корне отличаются от сновидящих и что донья Соледад занималась тем, что пыталась помочь мне повернуть голову.

Когда дон Хуан описывал концепцию поворота головы воина для того, чтобы повернуться лицом в новом направлении, я понял это как метафору, которая описывала изменение позиции. Флоринда сказала, что это описание верно, но что это не метафора. Сталкеры действительно поворачивают голову, однако они делают это не для того, чтобы повернуться лицом в новом направлении, а для того, чтобы по-другому встретить время. Сталкеры обращены лицом к времени наступающему. Обычно же мы смотрим на время, уходящее от нас. Только сталкеры могут изменять это и поворачиваться лицом к накатывающемуся на нас времени.

Флоринда объяснила, что поворачивание головы не равносильно взгляду в будущее, а означает, что время видится как нечто конкретное, хотя и непонятное. Поэтому для меня было излишне обдумывать то, что мы делали с доньей Соледад. Все это приобретет смысл, если я смогу воспринять целостность самого себя и, в таком случае, получу энергию, необходимую для того, чтобы разрешить эту загадку.

Тоном человека, вручающего награду, Флоринда сообщила мне, что донья Соледад является сталкером экстракласса; она назвала ее величайшей из всех. В любой момент донья Соледад может пересекать параллельные линии. Более того, никто из воинов партии Хуана Матуса не был способен делать то, что делала она. Донья Соледад, благодаря своей безупречной технике сталкера, нашла свое параллельное существо.

Флоринда объяснила, что все, что я испытал с Сильвио Мануэлем или с Нагуалем Хуаном Матусом, или с Зулейкой, или с Хенаро, было лишь микроскопической долей второго внимания. То, что помогла мне испытать донья Соледад, было еще одной микроскопической долей, но совсем другой.

Донья Соледад не только заставила меня повернуться лицом к приближающемуся времени, но и привела меня к своему параллельному существу. Флоринда определила параллельное существо как противовес, который имеют все живые твари, благодаря тому факту, что они являются светящимися существами, наполненными необъяснимой энергией. Параллельное существо любой личности – это другая личность того же пола, очень тесно и нераздельно соединенная с первой. Они существуют в мире в одно и то же время. Двое параллельных существ являются как бы двумя концами одного шеста.

Воину почти невозможно найти свое параллельное существо, потому что в его жизни слишком много отвлекающих факторов, других вещей, представляющихся первостепенными. Но те, кто способен справиться с этой задачей, найдут в своем параллельном существе, как это сделала донья Соледад, неисчерпаемый источник молодости и энергии.

Флоринда резко поднялась и отвела меня в комнату доньи Соледад. Может быть, потому, что я знал о том, что это наша

последняя встреча, меня охватила странная тревога. Донья Соледад улыбнулась мне, когда я рассказал ей о том, что мне только что сообщила Флоринда. Она сказала, как мне показалось, с истинным смирением воина, что она не учит меня ничему, что она стремилась единственно показать мне свое параллельное существо, потому что именно туда она отступит, когда Нагуаль Хуан Матус и его воины покинут этот мир. Однако случилось что-то еще, что было выше ее понимания. Флоринда объяснила ей, что мы увеличивали энергию друг друга и что это заставило нас встретить наступающее время не в малых дозах, как планировала Флоринда, а непостижимыми жадными порциями, как хотела того моя неуправляемая натура.

Результат нашей последней встречи был еще более ошеломляющим. Донья Соледад, ее параллельное существо и я оставались вместе, как я чувствовал, в течение необычайно долгого времени. Я видел каждую черточку лица параллельного существа. Я чувствовал, как она пытается сказать мне, кто она такая. Она, казалось, тоже знала, что это наша последняя встреча. В ее глазах проступало непреодолимое ощущение слабости. Затем сила, подобная ветру, унесла нас прочь во что-то такое, что не имело для меня смысла.

Внезапно Флоринда помогла мне встать. Она взяла меня за руку и повела к двери. Донья Соледад пошла с нами. Флоринда сказала, что мне будет трудно вспомнить все происшедшее, потому что я индальгировал в своей рациональности, а это состояние может только ухудшиться, потому что они скоро уйдут, и не останется никого, кто помог бы мне сместить уровни осознания. Она добавила, что мы с доньей Соледад встретимся опять в мире повседневной жизни.

Тогда я повернулся к донье Соледад и попросил вывести меня из моего индальгирования. Я сказал, что если ей это не удастся, то пусть лучше она убьет меня. Я не хочу жить в скудности своей рациональности.

— Так говорить неправильно, — сказала Флоринда. — Мы — воины, а у воинов только одна цель — их свобода. Умереть и быть съеденным Орлом — это не вызов. С другой стороны, проскочить мимо Орла и стать свободным — исключительная доблесть.

Глава 15. Пернатый змей

Совершив все, что было определено правилом, дон Хуан со своей партией воинов были готовы к своей конечной задаче – покинуть мир повседневной жизни. Все, что оставалось Ла Горде, другим ученикам и мне, – быть свидетелями их ухода. Оставалась только одна нерешенная проблема: что делать с учениками. Дон Хуан сказал, что они должны были уйти вместе с ними, влившись в их собственную группу, однако они не были готовы. То, как они реагировали, пытаясь пересечь мост, показало, ему, в чем состоят их слабости.

Дон Хуан признал, что выбор его бенефактора – ожидать, годами, прежде чем собрать для него партию воинов, – был мудрым выбором и дал положительные результаты, тогда как его собственное решение – побыстрее свести меня с женщиной-нагуаль и моей собственной группой воинов – едва не оказалось для нас фатальным.

Я понял, что он говорит это не в знак сожаления, а как подтверждение свободы воина выбирать и принимать свой выбор. Более того, он сказал, что серьезно думал – не последовать ли примеру своего бенефактора, и что если бы он так и сделал, то очень скоро обнаружил бы, что я не такой же Нагуаль, как он сам, и никто другой, кроме меня, не был бы вовлечен в дальнейшие события. А вышло так, что Лидия, Роза, Бениньо, Нестор и Паблито имели серьезные недостатки; Ла Горде и Хосефине нужно время, чтобы усовершенствовать себя; только Соледад и Элихио были в безопасности, поскольку они, пожалуй, были подготовлены даже лучше, чем воины его собственной группы.

Дон Хуан добавил, что теперь этим девятерым придется принять свои счастливые или несчастливые обстоятельства и без сожаления, без отчаяния и без похлопывания друг друга по плечу превратить свое проклятие или благословение в живой вызов.

Дон Хуан сказал, что не все у нас было неудачно – небольшая роль, сыгранная нами среди воинов его группы, принесла полный

триумф, поскольку правило подходило к каждому члену моей партии, за исключением меня. Я полностью согласился с ним. Начиная с женщины-нагуаль, все полностью соответствовали правилу. Она обладала выдержкой и контролем, была воинственной и в то же время совершенно спокойной. Без всякой внешней подготовки она управляла и вела всех одаренных воинов дона Хуана, несмотря на то, что они были вдвое старше ее. Эти мужчины и женщины признавали, что она была точной копией другой женщины-нагуаль, которую они когда-то знали. Она в совершенстве отражала каждую из женщин-воинов, и, следовательно, могла отражать также и тех пятерых женщин, которых дон Хуан нашел для моей партии, потому что они были копией старших женщин. Лидия была как Эрмелинда, Хосефина – как Зулейка, Роза и Ла Горда – как Нелида, а Соледад – как Делия.

Мужчины также представляли собой копии воинов дона Хуана: Нестор был копией Висенте, Паблито – Хенаро, Бениньо – Сильвио Мануэля, а Элихио был подобен Хуану Тума. Правило действительно было голосом подавляющей силы, превратившей этих людей в одно целое. Лишь благодаря странному капризу судьбы они остались беспризорными, без лидера, который нашел бы для них проход в другое осознание.

Дон Хуан сказал, что всем членам моей партии придется войти в другое осознание самостоятельно и что он не знает, каковы их шансы, потому что это зависит от каждого из них в отдельности. Он безупречно помог каждому; в результате его дух освободился от беспокойства и забот, а его разум стал свободен от всяких пустых спекуляций. Ему осталось лишь прагматически показать нам, что это значит – пересечь параллельные линии в своей целостности.

Мне же дон Хуан сказал, что я смогу помочь, в лучшем случае, только одному из учеников и что он выбрал Ла Горду из-за ее отваги и из-за того, что я был уже хорошо знаком с ней. Он сказал, что у меня не хватит энергии для остальных, поскольку я должен буду выполнять другие обязанности, пройти по другим тропам действия, которые соответствуют моей истинной задаче. Дон Хуан объяснил мне, что каждый из его собственных воинов знал, в чем состоит эта задача, но не открыл ее мне, потому что мне еще предстояло

доказать, что я ее достоин. Поскольку они находились в конце своего пути, а я точно следовал его инструкциям, появилась необходимость открыть мне эту задачу, хотя бы только и частично.

Когда дону Хуану пришло время уходить, он дал мне об этом знать, пока я находился в состоянии нормального осознания. Я не понял важности того, что он сказал. Дон Хуан до самого конца пытался подталкивать меня соединять оба моих состояния осознания. Все было бы очень просто, если бы я оказался способен на это слияние. Поскольку же мне это не удавалось, и я лишь интеллектуально был затронут его откровением, он заставил меня сместить уровни осознания для того, чтобы дать мне возможность воспринять это более полно.

Он неоднократно предупреждал меня, что пребывание в левостороннем состоянии осознания представляет собой преимущество только в том смысле, что мы там быстрее все схватываем. В то же время это невыгодно, поскольку позволяет нам с невероятной ясностью фокусироваться одновременно только на одном предмете. Это делает нас зависимыми и уязвимыми. Мы не можем быть сами по себе, пока находимся в левостороннем осознании, поэтому нас должны оберегать воины, достигшие целостности самих себя и знающие, как управлять собой в этом состоянии.

Ла Горда сказала, что однажды Нагуаль Хуан Матус и Хенаро собрали всех учеников в ее доме. Нагуаль перевел их в левостороннее осознание и сообщил, что время его пребывания на земле подошло к концу. Сначала она не поверила ему. Она решила, что он пытается напугать их, чтобы они действовали, как воины. Но затем до нее дошло, что в его глазах было такое сияние, которого она никогда раньше не видела.

Изменив их уровни осознания, он разговаривал с каждым в отдельности и заставил вспомнить все концепции и процедуры, с которыми он их познакомил. То же самое он проделал и со мной. Это произошло за день до того, как я увидел его в последний раз. В моем случае он суммировал все в обоих моих состояниях осознания.

Фактически он перемещал меня туда и назад, как бы желая убедиться, что в обоих случаях я усвоил все полностью.

Сначала я не мог вспомнить, что происходило после этого обзора. Однажды Ла Горде в конце концов удалось сломать барьеры моей памяти. Она сказала, что находилась внутри моего разума, как если бы читала мои мысли. Она утверждала, что мою память держит запертой мой страх вспомнить свою боль. То, что произошло в доме Сильвио Мануэля вечером, перед тем, как они ушли, было нераздельно переплетено с моим страхом. Она сказала, что у нее абсолютно ясное ощущение, что я боюсь, но она не знает причины этого страха. Она также не могла вспомнить, что в точности происходило в том доме, а в особенности в той комнате, где мы сидели.

Пока Ла Горда говорила, я почувствовал, что как бы падаю в бездну. Я сообразил, что что-то во мне пытается создать связь между двумя отдельными событиями, свидетелем которых я был в двух своих состояниях осознания. На левой стороне, как под замком, находились воспоминания о доне Хуане и его партии воинов в их последний день на земле. На правой же стороне была память о том, как в тот день я прыгнул в пропасть. Пытаясь соединить эти две стороны, я испытал общее чувство физического падения. Колени мои подогнулись, и я повалился на пол.

Когда я описал Ла Горде свой опыт и его истолкование, она сказала, что в мое правостороннее осознание, вне всякого сомнения, пробивается воспоминание, всплывшее у нее, пока я говорил. Она только что вспомнила, как мы предпринимали еще одну попытку пересечь параллельные линии вместе с Нагуалем Хуаном Матусом и его партией. Она сказала, что мы с ней вместе с остальными учениками еще раз пытались перейти через мост.

Я не мог сосредоточиться на этом воспоминании. Казалось, существовала какая-то ограничивающая сила, мешавшая мне привести в порядок свои мысли и чувства относительно этого события. Ла Горда сказала, что Сильвио Мануэль сказал Нагуалю Хуану Матусу приготовить меня и всех учеников к переходу. Он не хотел оставлять меня в мире, потому что считал, что у меня нет ни

одного шанса выполнить свою задачу. Нагуаль не был согласен с ним, но независимо от своих чувств подготовил нас.

Ла Горда добавила, что помнит, как я подъехал к ее дому, чтобы отвезти ее и остальных учеников к дому Сильвио Мануэля. Они остались там, а я вернулся назад к Нагуалю Хуану Матусу и Хенаро, чтобы подготовиться к переходу.

Я совершенно не помнил этого. Она настаивала, чтобы я использовал ее, как проводника, поскольку мы были так тесно связаны, и уверяла меня, что я могу читать у нее в разуме и найти там что-нибудь, что пробудит у меня полное воспоминание.

В моих мыслях царил хаос. Чувство тревоги мешало мне сосредоточиться даже на том, что говорит Ла Горда. Она продолжала говорить, описывая то, что она вспомнила о нашей второй попытке перейти мост. Она напомнила, как Сильвио Мануэль обратился к нам с речью, сказав, что мы достаточно подготовлены, чтобы снова попытаться совершить переход, что для того, чтобы войти в другое «я», нам необходимо отбросить намерение своего первого внимания. Как только мы окажемся в осознании другого «я», сила Нагуаля Хуана Матуса и его партии возьмет нас и легко поднимет в третье внимание – чего они не могут сделать, если мы будем пребывать в нормальном осознании.

В какой-то момент я перестал слушать Ла Горду, но звук ее голоса действительно был для меня проводником. Внезапно память обо всем событии вышла на поверхность в моем разуме. Я покачнулся под воздействием этого воспоминания. Ла Горда замолчала, и, когда я рассказал ей о том, что вспомнил, она тоже вспомнила все. Мы соединили вместе последние части наших разделенных воспоминаний о наших двух состояниях осознания.

Я вспомнил, что дон Хуан и Хенаро подготавливали меня к переходу, пока я пребывал в состоянии нормального осознания. Я разумно полагал, что они готовят меня к прыжку в бездну.

Ла Горда вспомнила, как Сильвио Мануэль, чтобы подготовить их к переходу, подвешивал каждого к потолочной балке в кожаном корсете. В каждой комнате его дома висело по одному ученику, и это

длилось почти целый день. Ла Горда заметила, что иметь такой корсет в комнате — отличная штука. Хенарос, не зная в действительности, что они делают, наткнулись на почти-воспоминания о тех корсетах, в которых их подвешивали, и создали свою собственную игру, соединявшую в себе лечебные и очищающие эффекты, поскольку она удерживала от соприкосновения с землей, давая возможность упражняться еще и в концентрации, необходимой для перемещения из правой в левую сторону осознания. Кроме этого, их игра была действенным средством, помогавшим им вспоминать.

Ла Горда сказала, что после того, как ученики провисели так почти целый день, Сильвио Мануэль в сумерках опустил их на землю. Они гурьбой пошли с ним к мосту и ждали там вместе с основной партией, пока не показались Нагуаль Хуан Матус, Хенаро и я. Дон Хуан объяснил им, что на мою подготовку ему понадобилось больше времени, чем он предполагал.

Я вспомнил, что дон Хуан и его воины пересекли мост прежде нас. Донья Соледад и Элихио автоматически пошли с ними. Последней перешла женщина-нагуаль. С другой стороны моста Сильвио Мануэль подал нам знак начинать переход. Не говоря ни слова, мы все пошли сразу. На середине моста Лидия, Роза и Паблито, казалось, не были способны сделать больше ни шагу. Бениньо и Нестор дошли почти до конца и остановились там. Туда же, где стояли дон Хуан и члены его партии, подошли только мы с Ла Гордой и Хосефина.

То, что произошло потом, страшно напоминало первую попытку перехода. Сильвио Мануэль и Элихио держали открытым нечто, показавшееся мне реальной щелью. У меня было достаточно энергии, чтобы сфокусировать на этом свое внимание. Это не было отверстием в холме, находящемся по ту сторону моста, не было это и отверстием в стене тумана, хотя я мог различить туманоподобные испарения вокруг щели. Это было темное таинственное отверстие, стоявшее само по себе вне всего остального. Оно была размером в человеческий рост, но узким. Дон Хенаро пошутил, назвав ее «космическим влагалищем». Эта реплика вызвала у его друзей

гомерический хохот. Ла Горда и Хосефина держались за меня, и мы вошли туда.

Я тут же почувствовал себя раздавливаемым. Та же неизмеримая сила, которая чуть не разорвала меня в первый раз, вновь овладела мной. Я ощущал, как Ла Горда и Хосефина сливаются со мной. Казалось, я был шире, чем они, и эта сила расплющивала меня на их обоих.

Следующим, что я осознал, было то, что я оказался лежащим на земле, а Ла Горда и Хосефина были на мне. Сильвио Мануэль помог нам встать и сказал, что на этот раз мы не имеем возможности присоединиться к ним в их путешествии, но, может быть, позднее, когда мы доведем себя до совершенства, Орел позволит нам пройти.

Пока мы возвращались к его дому, Сильвио Мануэль рассказал мне почти шепотом, что этой ночью моя и их тропы разошлись. Они разошлись навсегда, они никогда не сольются вновь, и я остаюсь в одиночестве. Он убеждал меня быть экономным и использовать каждую крупицу моей энергии, ничего не расходуя понапрасну. Он заверил меня, что если я смогу достичь целостности самого себя без чрезмерной утечки энергии, то у меня ее будет достаточно, чтобы выполнить свою задачу. Если же я чрезмерно опустошу себя, прежде чем потеряю человеческую форму, то на мне можно будет поставить крест. Я спросил у него, есть ли способ избежать утечки энергии. Он покачал головой и заметил, что такой способ есть, но он не для меня. То, добьюсь я успеха или нет, никак не связано с моими волевыми усилиями. Затем он открыл мне мою задачу, но не сказал, как выполнить ее. Он сказал, что когда-нибудь Орел поставит на мою тропу кого-нибудь, кто расскажет мне, как это сделать. И до тех пор, пока я не добьюсь в этом успеха, я не стану свободным.

Когда мы вернулись в дом, все собрались в большой комнате. Дон Хуан сел в ее центре лицом к юго-востоку. Восемь воинов-женщин окружили его. Они сели парами по сторонам света, тоже лицом к юго-востоку. Затем трое воинов-мужчин образовали треугольник снаружи этого круга, причем Сильвио Мануэль находился в его вершине, указывающей на юго-восток. Двое женщин-курьеров сели по бокам от него, а двое мужчин-курьеров

сели прямо перед ним, почти у стены. Женщина-нагуаль усадила учеников-мужчин у восточной стены, женщин усадила у западной стены, затем подвела меня к месту сразу позади дона Хуана. Мы с ней сели там вместе.

Мне показалось, что мы просидели так лишь мгновение, тем не менее, я ощутил в своем теле необычайный прилив энергии. Я считал, что мы сели и сразу же поднялись. Когда я спросил у женщины-нагуаль, почему мы встали так быстро, она ответила, что мы просидели несколько часов и что когда-нибудь, прежде чем я войду в третье внимание, все это вернется ко мне.

Ла Горда подтвердила, что у нее было такое же ощущение, что мы сидели в этой комнате лишь мгновение, но ей никто не сказал, что все было иначе. Нагуаль Хуан Матус сказал ей после этого, что на ней лежит обязанность помогать всем ученикам, в особенности Хосефине, и что когда-нибудь я вернусь, чтобы дать последний толчок, который ей будет нужен, чтобы полностью перейти в другое «я».

Она была связана со мной и Хосефиной.

Во время нашего совместного сновидения под наблюдением Зулейки мы обменялись огромным количеством нашей светимости. Именно поэтому мы смогли вместе выдержать давление другого «я», когда входили в него телесно. Дон Хуан говорил ей также, что только сила воинов его партии сделала в этот раз переход таким легким и что когда ей придется переходить самостоятельно, она должна быть готова сделать это в сновидении.

После того, как мы поднялись, ко мне подошла Флоринда. Она взяла меня за руку и прошлась со мной по комнате, пока дон Хуан и его воины разговаривали с учениками. Она сказала, что я не должен позволять событиям той ночи на мосту смущать меня. Я не должен считать, как считал когда-то Нагуаль Хуан Матус, что существует какой-то действительно физический проход в другое «я». Расщелина, которую я видел, была просто созданием их намерения, захваченного смесью одержимости Нагуаля Хуана Матуса относительно проходов и странного чувства юмора Сильвио

Мануэля. Эта смесь и создала «космическое влагалище». Насколько она знает, проход из одного «я» в другое не имеет физической материальности. «Космическое влагалище» было физическим выражением силы двух людей приводить в движение колесо времени.

Флоринда объяснила, что когда она и ее друзья говорят о времени, они не имеют в виду что-то такое, что измеряется движением часовой стрелки. Время является сущностью внимания; эманации Орла состоят из времени, и, по существу, когдаходишь в любой аспект другого «я», то знакомишься со временем.

Флоринда заверила меня, что этой ночью, пока мы сидели в том порядке, у них был последний шанс помочь мне и ученикам повернуться лицом к колесу времени. Она сказала, что колесо времени подобно состоянию повышенного осознания, являющегося частью другого «я», так же как левостороннее осознание является частью «я» повседневной жизни, и что его физически можно описать как туннель бесконечной длины и ширины, туннель с отражающими бороздами. Каждая борозда бесконечна, и бесконечно их число. Живые существа принудительно созданы силой жизни так, что смотрят только в одну борозду. Смотреть же в нее означает быть пойманным ею, жить ею, этой бороздой.

Она сказала, что то, что воины называют волей, относится к колесу времени. Что-то, похожее на усик виноградной лозы или на неосязаемое щупальце, которым мы все обладаем. Она сказала, что конечная цель воина – научиться фокусировать волю на колесе времени для того, чтобы заставить его поворачиваться. Воины, которые добились успеха в повороте колеса времени, могут смотреть в любую борозду и извлекать оттуда все, что пожелают, вроде этого «космического влагалища». Быть принудительно пойманным в борозду времени означает видеть образы этой борозды, но только по мере того, как они уходят. Свобода от околдовывающей силы этих желобков означает возможность смотреть в любом направлении на то, как образы уходят или приближаются.

Флоринда замолчала и обняла меня, а затем прошептала на ухо, что она однажды вернется, когда я достигну целостности самого себя, чтобы закончить свой инструктаж.

Дон Хуан подозвал всех ко мне. Меня окружили. Сначала дон Хуан обратился ко мне и сказал, что я не могу идти с ними в их путешествие, потому что меня невозможно отделить от моей задачи. В подобных обстоятельствах единственное, что можно сделать, – это пожелать мне всего наилучшего. Он добавил, что воины не имеют своей собственной жизни. С того момента, как они начинают понимать природу осознания, они перестают быть личностями, и человеческое состояние²⁵ больше не является частью их взгляда на мир²⁶. У меня есть мой долг как воина, и ничто другое не является важным, потому что я остаюсь позади для того, чтобы выполнить крайне неясную задачу.

Поскольку я уже освободился от своей жизни, им нечего больше сказать, разве что пожелать действовать так хорошо, как я только смогу. Мне тоже нечего было сказать им, кроме того, что я понял и принял свою судьбу.

Следующим ко мне подошел Висенте. Он заговорил очень мягко и сказал, что вызовом для воина является приход к очень тонкому равновесию между положительными и отрицательными силами. Этот вызов не означает, что воин стремится все взять под контроль, а означает лишь, что воин должен стремиться встретить любую вообразимую ситуацию, ожидаемую и внезапную, с равной эффективностью. Быть совершенным в идеальных обстоятельствах означает быть бумажным воином. Мой вызов состоит в том, что я остаюсь позади. Их вызов – в том, чтобы идти вперед в неизвестное. Оба вызова являются захватывающими. Для воинов возбуждение от того, что остаешься, равно возбуждению от того, что отправляешься в путь; оба равны, потому что оба состоят в выполнении священного долга.

Затем ко мне приблизился Сильвио Мануэль. Заботясь о практических моментах, он снабдил меня формулой, заклинанием на тот

²⁵ Condition – условие, положение, состояние.

²⁶ Human condition is no longer part of their view.

случай, если моя задача окажется для меня непосильной. Это было то заклинание, которое пришло мне на ум, когда я в первый раз вспомнил женщину-нагуаль. ✦

Он сказал мне, что собирается

продемонстрировать практическое маневрирование вторым вниманием, и тут же превратился в светящееся яйцо. Затем вернул себе свою нормальную внешность, и повторил эти превращения три или четыре раза. Я отлично понял, что он делает. Ему не понадобилось объяснять мне это, но, тем не менее, я не мог выразить словами то, что знал.

Сильвио Мануэль улыбнулся, понимая мои проблемы. Он сказал, что требуется огромная сила для того, чтобы отпустить намерение повседневной жизни. Секрет, только что открытый мне, состоит в том, как быстро выполнить уход от этого намерения. Чтобы выполнить то, что он сделал, нужно перенести свое внимание на светящуюся оболочку.

Он еще раз превратился в светящееся яйцо, и тогда мне стало ясно все, что я знал и так. Глаза Сильвио Мануэля на какое-то мгновение сфокусировались на точке второго внимания. Голова его была повернута прямо, но взгляд был несколько скошен в сторону. Он сказал, что воин должен вызвать намерение, а взгляд является секретом. Глаза приманивают намерение.

Меня охватила эйфория.

В конце концов, теперь я получил возможность думать о чем-то таком, что я знал, в действительности не зная. Причина того, что видение кажется зрительным, состоит в том, что глаза нужны нам, чтобы фокусироваться на намерении. Дон Хуан и партия его воинов

*Я уже отдан силе, что правит моей судьбой.
Я ни за что не цепляюсь, поэтому мне нечего будет
защищать.
У меня нет мыслей, поэтому я буду видеть.
Я ничего не боюсь, поэтому я буду помнить себя.
Отрешенный и непринужденный,
Я мимо Орла проскочу, чтобы быть свободным.*

*I am already given to the power that rules my fate.
And I cling to nothing, so I will have nothing to defend.
I have no thoughts, so I will see.
I fear nothing, so I will remember myself.
Detached and at ease,
I will dart past the Eagle to be free.*

знали, как использовать свои глаза для того, чтобы схватить другой аспект намерения. Они называли это действие видением. То, что показал мне Сильвио Мануэль, являлось истинной функцией глаз – ловцов намерения.

Я решил использовать свои глаза, чтобы приманить намерение, и сфокусировал их на точке второго внимания. Внезапно дон Хуан, его воины, донья Соледад и Элихио стали светящимися яйцами, но это не относилось к Ла Горде, трем сестричкам и Хенарос. Я продолжал перемещать глаза туда и назад между шарами света и людьми, пока не услышал щелчок в основании шеи, и тогда все в комнате стали светящимися яйцами. Мгновение мне казалось, что я не смогу их различать, но затем мои глаза как-то приспособились, и я удержал два аспекта намерения, два образа сразу. Я мог видеть и их физические тела, и их светимости. Две сцены не были наложены друг на друга, а разделены, – и все же я не мог понять – каким образом. У меня явно было два канала зрения, и видение, определенно, имело отношение к моим глазам и, в то же время, было независимо от них. Закрывая глаза, я продолжал видеть светящиеся яйца, но уже не видел физических тел.

В какой-то момент у меня возникло острейшее чувство, что я знаю, как перемещать свое внимание на собственную светимость. Я знал также, что стоит мне сфокусировать свои глаза на своем теле, как я возвращусь на физический уровень.

Затем ко мне подошел дон Хенаро и сказал, что Нагуаль Хуан Матус дал мне долг как прощальный подарок, Висенте подарил мне вызов, Сильвио Мануэль – магию, а он хочет подарить мне юмор. Он осмотрел меня с головы до ног и заметил, что на вид я – самый печальный Нагуаль, какого он когда-либо видел. Он окинул взглядом учеников и заключил, что нам ничего не остается, как быть оптимистами и смотреть на положительные стороны вещей. После этого он рассказал нам анекдот о деревенской девушке, соблазненной и покинутой городским ухажером. Когда ей в день свадьбы сообщили, что жених сбежал, она взяла себя в руки благодаря трезвой мысли о том, что еще не все потеряно. Да, она лишилась девственности, но, слава богу, еще не успела заколоть поросенка, предназначенного для свадебного пира.

Дон Хенаро сказал, что только одно может помочь нам выбраться из нашей ситуации, похожей на ситуацию брошенной невесты. Единственный выход – держаться за своих поросят, чем бы они ни были, и весело смеяться. Только при помощи смеха мы можем изменить свое положение.

Жестами головы и рук он пригласил нас сказать ему сердечное «ха-ха». Вид учеников, пытающихся рассмеяться, был таким же смешным, как и мои собственные потуги. Внезапно я рассмеялся вместе с доном Хуаном и его воинами.

Дон Хенаро, всегда подшучивавший над моими поэтическими наклонностями, попросил меня громко декламировать стихотворение. Он сказал, что хочет суммировать свои сантименты и свои рекомендации стихотворением, прославляющим жизнь, смерть и смех. Он имел в виду отрывок из поэмы Хосе Горостизы «Смерть без конца».

Женщина-нагуаль вручила мне книгу, и я прочел тот отрывок, который всегда нравился дону Хуану и дону Хенаро. ✧

Обстановка для стихотворения была захватывающей. Я ощутил озноб. Ко мне подошли Эмилито и курьер Хуан Тума. Они не сказали ни слова. Их глаза сияли, как черные стеклянные бусинки. Казалось, все их чувства были сфокусированы в глазах. Курьер Хуан Тума очень мягко сказал, что когда-то в своем доме он посвятил меня в тайны Мескалито и что это было предшественником другого случая в колесе времени, когда он проводил меня в окончательную тайну.

*О, какая слепая радость!
Какое огромное желание!
Пользоваться воздухом, которым мы дышим
Ртом, глазами, рукой.
Какое горячее нетерпение
Потратить всего себя без остатка
В одном-единственном взрыве смеха.
О, эта наглая оскорбительная смерть.
Убивающая нас издалека.
Через удовольствие,
Которое мы находим, умирая
За чашку чая...
За слабую ласку.*

Эмилито сказал, как если бы его голос был эхом Хуана Тумы, что они оба уверены, что я выполню свою задачу. Они будут ждать

того, что однажды я присоединюсь к ним. Курьер Хуан Тума добавил, что Орел свел меня с партией Нагуалья Хуана Матуса, как со спасательной командой. Они еще раз обняли меня и прошептали вдвоем, что я должен верить в самого себя.

После курьеров ко мне подошли воины-женщины. Каждая обнимала меня и шептала на ухо пожелания, пожелания полноты и осуществления.

Последней подошла ко мне женщина-нагуаль. Она села и какое-то время держала меня на коленях, как будто я был ребенком. Она излучала чистоту и привязанность. У меня перехватило дыхание. Мы поднялись и обошли комнату, разговаривая о нашей судьбе. Силы, которые невозможно изменить, привели нас к этому кульминационному моменту. Испытываемое мною преклонение было неизмеримым, и такова же была моя печаль. Затем она открыла мне частичку правила, относящегося к трехзубчатому Нагуалю. Она была в состоянии крайнего возбуждения и в то же время спокойной. Ее интеллект был безупречен, и в то же время она не пыталась ни о чем рассуждать. Ее последний день на земле поглощал ее. Она затопила меня своим настроением. Казалось, что вплоть до этого момента я не вполне понимал фатальность нашей ситуации. Пребывание на левой стороне приводило к тому, что непосредственно текущий момент заслонял все остальное, и это делало практически невозможным какое бы то ни было предвидение дальше этого момента. Однако воздействие ее настроения захватило значительную часть и моего правостороннего осознания вместе с его способностью предвидеть те чувства, которые придут потом. Я понял, что никогда больше не увижу ее. Это было невыносимо.

Дон Хуан говорил, что на левой стороне нет слез, что воин не может больше плакать и что единственным выражением боли является дрожь, приходящая откуда-то из самых глубин вселенной, как если бы одна из эманаций Орла была болью. Дрожь воина бесконечна. Пока женщина-нагуаль разговаривала со мной и держала меня, я ощутил эту дрожь. Женщина-нагуаль обвила руками мою шею и прижала свою голову к моей. Я подумал, что она выжимает меня, как кусок тряпки. Я чувствовал, как что-то не то выходит из моего тела, не то переходит из ее тела в мое. Моя боль

стала настолько сильной и наводнила меня настолько быстро, что я обезумел и повалился на пол вместе с женщиной-нагуаль, все еще обнимавшей меня. Как во сне, промелькнула мысль, что я, должно быть, ушиб ей голову при падении. Наши лица были залиты кровью. Кровь залила ее глаза.

Дон Хуан и дон Хенаро подняли меня и крепко схватили за руки. По мне проходили неудержимые спазмы, подобные судорогам. Женщины-воины окружили женщину-нагуаль, а затем они выстроились в ряд посреди комнаты. К ним присоединились мужчины. Через мгновение между ними возникла явная энергетическая цепь. Этот ряд проходил передо мной. Каждый из них подходил и на секунду останавливался возле меня, не разрывая при этом ряда, как будто они находились на конвейере, который нес их куда-то, двигаясь рывками и замирая возле меня. Первыми ушли мужчины-курьеры, затем женщины-курьеры, затем мужчины-воины, затем сновидящие, сталкеры и, наконец, женщина-нагуаль. Они прошли мимо меня и находились в полной видимости еще одну – две секунды – достаточно долго для того, чтобы сказать «прощай», а затем исчезали во тьме таинственной расщелины, появившейся в комнате.

Дон Хуан нажал мне на спину и снял часть невыносимой боли. Он сказал, что понимает мою боль и что та близость, которая связывает Нагуалья-мужчину с женщиной-нагуаль, является чем-то таким, что нельзя сформулировать. Она существует как результат эманаций Орла. После того, как эти двое людей сведены вместе, а затем разъединены, нет никакого способа заполнить пустоту, потому что это не социальная пустота, а движение этих эманаций. Дон Хуан сказал мне, что он собирается переместить меня в мое крайнее правостороннее осознание. Он добавил, что этот маневр – милосердный, хотя и временный, и что он позволит мне на некоторое время забыть, но не успокоит меня, когда я вспомню.

Дон Хуан сказал также, что этот акт вспоминания является абсолютно непостижимым. Фактически это акт вспоминания самого себя, который не прекращается после того, как воин вспомнит все взаимодействия, имевшие место на левой стороне осознания, а

продолжается до открытия каждого воспоминания, хранящегося светящимся телом с момента рождения.

Те систематические взаимодействия, через которые воин проходит в состояниях повышенного осознания, являются лишь средством приманить другое «я» раскрыть себя в воспоминаниях. Этот акт воспоминания, хотя он кажется относящимся только к воинам, в действительности находится в пределах досягаемости каждого человеческого существа. Каждый из нас может идти прямо в память нашего светящегося тела, достигая невероятных результатов.

Затем дон Хуан сказал, что этим днем, в сумерках, они уйдут, и единственное, что им осталось сделать для меня, так это создать расщелину – разрыв в непрерывности моего времени. Они собирались заставить меня прыгнуть в бездну для того, чтобы прервать те эманации Орла, из-за которых у меня есть ощущение, что я цельный и непрерывный.

Прыжок должен быть сделан, когда я буду находиться в состоянии нормального осознания.

Идея состояла в том, что мое второе внимание возьмет верх. Вместо того, чтобы умереть на дне бездны, я полностью войду в свое другое «я». Дон Хуан сказал, что через некоторое время я выйду из своего другого «я», после того, как моя энергия будет израсходована. Но выйду я не на той вершине, с которой мне придется прыгнуть. Он предсказал, что я появлюсь на своем излюбленном месте, где бы оно ни было. Это и будет разрывом в континууме моего времени.

Затем он полностью вытолкнул меня из моего левостороннего осознания, и я забыл свою боль, свою цель и свою задачу.

В сумерках того же вечера Паблито, Нестор и я прыгнули в пропасть. Удар Нагуаля был столь точным и столь милосердным, что ничто из важного события их прощания не проникло сквозь границы другого важного события, когда мы остались живы после прыжка в верную смерть. Каким бы поразительным ни было это событие, оно бледнело по сравнению с тем, что происходило в другой сфере.

Дон Хуан заставил меня прыгнуть как раз в тот момент, когда он и его воины воспламенили свое осознание. Меня посетило подобное сну видение ряда людей, смотрящих на меня. Впоследствии я рационально решил, что это одно из длинной серии видений или галлюцинаций, прошедших передо мной во время прыжка. Такова была жалкая интерпретация моего правостороннего осознания, подавленного чудовищностью этого события. На своей левой стороне, однако, я понял, что вошел в свое другое «я», и это вхождение не имело никакого отношения к моей рациональности. Воины партии дона Хуана удержали меня на бесконечный момент, прежде чем исчезнуть во всеобщем свете, прежде чем Орел пропустил их. Я знал, что они находятся в сфере эманаций Орла, которой я достичь не мог. Они ждали дона Хуана и дона Хенаро. Я видел, как дон Хуан принял руководство, а затем это стало лишь линией великолепных огней в небе. Что-то, подобное ветру, казалось, заставило ряд огней сокращаться и сжиматься. На том конце линии огней, где находился дон Хуан, появилось массивное сияние. Я подумал об оперенном змее из толтекской легенды. А затем огни исчезли.

